

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ИЮЛЬ
АВГУСТ **N4(148)**

МОСКВА 2023

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2023. № 4 — 256 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
академик НАНУ А.А. Грищенко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н., проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза;
к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); А.А. Козлачков; д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); к.ф.н. С.С. Мерзляков;
академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., д.ю.н., проф. П.В. Павлов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.и.н. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); Т.С. Сухина;
д.ф.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекмарев (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
И.Г. Морозов, Н.П. Недзвецкая, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина,
О.Б. Лемешонок, И.А. Ольховая, В.В. Осипов

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183

e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

сайт: <http://www.phil.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2023

Содержание

Ожидание (Главный редактор)	7
Раздел I. Актуальная гуманитарная мысль	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Иной, или Судьба гуманитария в России (XX—XXI)	15
Раздел II. Экономическая теория	
<i>Л.А. Тутов, А.А. Измайлов</i>	
Защитный пояс новой институциональной экономической теории и ключевые направления его развития	45
<i>Д.К. Стожко, К.П. Стожко</i>	
Философия креативной стоимости в современном информационном обществе	62
<i>С.Г. Ковалев</i>	
Суверенизация национальной экономики: понятийный смысл сквозь призму наследия зарубежной и отечественной мысли	81
<i>К.В. Молчанов</i>	
Эволюция теоретических представлений о социально-экономическом развитии России как рефлексивная основа методов компьютерного моделирования роста экономики страны	107
<i>В.Е. Чабанов</i>	
О возрождении двухконтурного денежного обращения	121
<i>О.Н. Рыбковская</i>	
Метод повышения эффективности экономики и интеллектуализация труда в СССР (конец 1930-х — середина 1950-х гг.)	139
Раздел III. Актуальная философия	
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Иное и кармический детерминизм России	171
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Почему А.С. Пушкин боялся сойти с ума?	183
<i>И.А. Дмитриева</i>	
Философия женского рода	189

Раздел IV. Актуальный менеджмент	
<i>А.В. Заздравных</i>	
О роли индивидуальных особенностей личности в становлении нового предпринимательства	207
Научная жизнь	
<i>Е.С. Зотова</i>	
О смыслологии, цифрологии и мифологии от экономики: дискуссия на Ломоносовских чтениях — 2023	234
Анонсы — 2023	247
Наши авторы	249

Contents

Expectation (<i>Chief Editor</i>).....	7
Part I. Actual Humanitarian Thought	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
The Other or the Fate of the Humanitarian Scientist in Russia (XX—XXI).....	11
Part II. Economic Theory	
<i>L.A. Tutov, A.A. Izmailov</i>	
The Protective Belt of the New Institutional Economic Theory and the Key Directions of Its Development	45
<i>D.K. Stozhko, K.P. Stozhko</i>	
The Philosophy of Creative Value in the Modern Information Society	62
<i>S.G. Kovalev</i>	
Sovereignization of the National Economy: Conceptual Meaning Through the Prism of Heritage Foreign and Domestic Thought	81
<i>K.V. Molchanov</i>	
Evolution of Theoretical Concepts. On the Socio-Economic Development of Russia as a Reflexive Basis of Computer Simulation Methods of the country's economy growth	107
<i>V.E. Chabanov</i>	
On the Revival of Double-Circuit Money Circulation.....	121
<i>O.N. Rybkovskaya</i>	
The Method of Increasing the Efficiency of The Economy and the Intellectualization of Labor in the USSR (late 1930-s — mid 1950-s)	139
Part III. Actual Philosophy	
<i>N.B. Shulevsky</i>	
The Other and the Karmic Determinism of Russia	171
<i>F.I. Girenok</i>	
Why Was A.S. Pushkin Afraid to Go Crazy?	183
<i>I.A. Dmitrieva</i>	
Philosophy of Feminine Kind	189

Part IV. Actual Management

A.V. Zazdravnykh

On the Role of Individual Personality Traits
in the Formation of a New Entrepreneurship207

Scientific Life

E.S. Zotova

On the Science of Sense, Numerology and Mythology
from the Economical Point of View: Discussion
at the Lomonosov Readings — 2023234

Anounce247

Our Authors251

Ожидание

Назойливо бросающаяся в глаза безразмерная житейская суэта вкупе с прикрывающей (и намеренно искажающей) бытийно-небытийную реальность выпренной (и алчно непрерывной) болтовней mass-media, не могут ни снять, ни ослабить, ни скрыть вот уже четвертый год с момента первого на человека нападения загадочного ковида тревожно-выжидательного состояния зёмного человечества, а для кое-кого на Земле еще и доведенного до онемелого оцепенения по причине вроде бы локального, вроде бы чисто войновского и вроде бы сугубо украинно-российского конфликта, однако, как выясняется, настолько неординарного, многозначного и судьбоносного по своему смысловому наполнению, функциональному исполнению и потенциальным исходам, что сей конфликт вдруг оказался не просто в центре озабоченного внимания всего зёмного мира, как и волнительных со всех сторон пересудов, но и грозит расширить свои огнедышащие окаемы не просто за пределы двух участников конфликта, а прямо-таки на весь зёмный шарик.

И дело тут не только и не столько в том, что сей конфликт из-за априорного и текущего воинственного вмешательства коллективного Запада во главе с заматавшимися в своей собственной кризисно-эсхатологической горячке США, как и не в том, что он — конфликт — ставший уже самой настоящей, вполне и ожесточенной, войной, вдруг оказался фактически не чем иным, как, пусть вроде бы еще не слишком разогревшейся и феноменально выраженной... э-э... *мировой войной*, ну пусть еще не мировой войной как таковой, то явно уже ее пробой, аналогом, прелюдией, предтечей — это уж точно! — однако, это еще не все, главное тут все-таки в *ином* — в возможности вдруг разразиться на Земле *большому термоядерному катаклизму*, которому будет сопутствовать уже не так безудержная мировая война, как, увы, долгожданный успокоительный всемирный погост.

Что ж, победивший в зёмном мире Постмодерн (а вовсе не тот же, к примеру, финансовый олигархат) не боится термояда (своего сатанического собрата), ибо за безумным Постмодерном, ежели его

вовремя не одолеть, а одолеть его без термояда не так-то просто, ничего, кроме цифроэлектроннотехнотронного райского небытия для человечества уже и не предвидится!

Да, зёмное бытие-небытие вдруг стало за последние годы споро сворачиваться в подобие жуткого шершаво-склизкого змеино-го клубка, своей безысходной запутанностью напоминающего знаменитый гордиев узел, подлежащий не терпеливо рассудочному распутыванию, а мгновенному рассечению сверкающим от закатного солнца Александровым мечом.

Может, оттого и война, разгорающаяся в самом центре все той же склонной к большим смертоносным потасовкам Европы, незамедлительно принявшая характер пусть и особой, но уже немало и мировой, войны с гораздо более явной, в отличие от того же Карибского кризиса, термоядерной угрозой.

Коли воинственный термояд есть и исподтишка распространяется по планете, то должен же он непонарошку по ней — по планете — выстрелить!

Тогда что же: либо сия война в функции спасительного александровского меча или же она в роли другого меча — дамоклова, висевшего себе и висевшего над грешным человечеством в скорбное ему назидание, да вдруг и срывающегося на его голову термоядерной карой, — кто же из смертных достоверно знает, что тут будет и когда, не телевизионные же самоуверенные балаболы?

Хочешь, не хочешь, а налицо нераспутываемый за просто так (на базе, к примеру, одряхлевшей от заложенной в ней изначально деятельной немощи ООН) миробытийно-небытийный клубок, как и все более возносящийся над свернувшимся в безысходный узелок человечеством то ли спасительный александровский, то ли напрямую уже карательный, он же и палаческий, дамокловский меч.

Такая вот, понимаешь ли, в нынешнем мире «ситуасьон», прямо на глазах выросшая аки чертополох сначала из предательской гибели СССР; затем из вознесения до небес моноимперополиколонизальных США с Великобританией за пазухой; потом из безумной вестернизации (читай, колонизации) остатков от СССР и его мировой соцсистемы, включая в немалой и крайне рискованной

степени и коварно поставленную в вассальную от США зависимость Российскую Федерацию; далее из попытки последней вырваться сначала по-джентельменски (читай, что и по-«партнерски» проигрышно) из-под гнетущей опеки Запада во главе с США и Великобританией за пазухой, а потом уже через все более и более ожесточавшееся противостояние вплоть до боевито-рингового, уже и бескомпромиссного, противоборства; затем из геостратегического «наступа» Запада в образе сбросившей с себя усталую замшелость НАТО на встрепенувшуюся было Россию, как и из столь же геостратегического напора все того же Запада во главе с США и Великобританией за пазухой на весь незападный (не присягнувший Западу или просто к нему не пристегнувшийся) мир, в особенности на споро и неуклонно поднимающийся и набирающий великодержавную мощь Китай; далее из неизбежного сопротивления РФ, Китая и всего незападного мира имперо-колониальной гегемонии США и ее сателлитов с первенствующей среди них Великобританией; далее из розыгрыша как по нотам (немало и потаенного, о чем обыкновенно вслух не говорят) нацистской Украины (бандеровской Укрони), отдавшей себя на потребу Западу с его НАТО и встрявшей в самоубийственную для себя войну с РФ-Россией, с русским миром, с вообще русскими; ну и, наконец, из острейшего экзистенциального автокризиса самого Запада, да не так из-за экономики, как принято обычно полагать в по-европейски (считай, что уже и по-американски) образованных научно-де экспертных кругах, хоть сие таки есть, как из его — американизированного («оголливудированного») Запада — гнилого постмодернового (и сатанического) нутра, функционально-политически отраженного ныне в разнуздавшемся донельзя либерал-фашизме с доброй примесью в нем самого что ни на есть добротного либер-нацизма.

Да, крутая сварганилась на планете «ситуасьон», ничего не скажешь!

А может... э-э... а что в реалиях может ныне стать, ибо во вселенском зёмном хаосе может случиться всякое — что из угодного, что из негодного? И вот тут-то важно принять во внимание... нет, не так имперо-колониальные прихоти и деяния подрастеряв-

шихся в своем уже немало фиктивном величии США с Великобританией; не постимперские ужимки вконец растерянной Европы (ЕС) с воинственно беснующимися под подзуживание англосаксов и прочих умельцев поджигать экзистенциально-эсхатологические страсти новоиспеченных восточных (бывших соцлагерских прежде всего) ее — Европы (ЕС) — нынешних «партнеров»; не витиеватую геостратегическую игру хитроумного Китая с самим же собою, тщательно прячемую в своей же безразмерной пазухе; не показательные для внешне-го глаза шатания мудрой Индии не так с собою за пазухой, как с магической силой крепкого и гибкого, аки свежий плетень, нерастраченного в веках мистического духа; даже не телеологические потенции как-то неуклюже все подающего и подающего фантастические надежды много-чего-обещающего БРИКС'а... нет и нет, а... да-да, надо бы принять во внимание ныне сложившуюся эсхатологическую ситуацию по поводу и вокруг РФ-России, одной из всех и за всех ведущей всамделишную гибридную с явной уже горячей составляющей мировую войну не на жизнь, а на смерть, причем прямо или косвенно с половиной зёмного мира, чуть ли не назначившего ее своей сакральной на данный безысходный момент спасительной жертвой.

Да-а, кто-то из зёмных акторов в душе, кто-то на словах, а кто-то и в открытую сердито против зарвавшихся США с Великобританией, а то и против всего Запада, однако это вовсе не значит, что все они непременно *за* РФ-Россию, — и хотя многие и как бы *не против* РФ-России, даже чуть ли не *за* нее, но, увы, они вовсе и *не против*... жертвенного заклания РФ-России — ведь столько у нее ресурсов, такое у нее еще не присвоенное задарма богатство, какое танковое у нее обширное, малонаселенное и привлекательное для разного рода страждующих жизненное пространство!

Чем здесь не выход из нынешнего лабиринтного тупика: овладеть Русью, проглотить и переварить ее, ну и самим оттого в раз и воспрять!

Есть тут и еще один, совершенно уже и российский, какой бы страна наша по форме и поведению ни была, мотив, он же и мотивчик, а именно исходящий от самой России, опять же какой бы она ни

была, а именно... э-э... *альтернативизм* — АЛЬТЕРНАТИВИЗМ (если не *альтернативианство*)!, причем, знаете ли, в противоходе *всему этому миру сразу*, а все оттого, что *иномирна* она — Россия, она хоть и в *этом мире*, но в сакрально-метафизическом аспекте она как-то очень вынужденно бытует в этом мире, — ее сакрально-метафизическая телеология вкупе с эсхатологией все-таки более всего за пределами *этого мира*. Трудно *этакое* понять и принять, даже и самим русским трудно, не говоря о вообще россиянах, а ведь *надо*!

Как ни крути, а любимое росо-россиянами гамлетовское вопрошание «*Быть или не быть!*» вновь в России на повестке дня, отчего и вновь отечественная война, и вновь мобилизация, и вновь дикое напряжение сил, и вновь людские и иные жертвы!

Сражение! Чего скрывать: пусть и по-разному, но так или иначе... со всем зёмным миром идет сие сражение, конечно же, не только, даже не столько войно-оборонительное, как... не то чтобы впрямую от России наступательное, а... скажем так... *не-только-оборонительное* — «ситуасьон» вынуждает!

Есть ли у России шанс отбиться от миссии сакральной жертвы, уцелеть и стать если и не тем александровским, но каким-то ему подобным, мечом, уже *своим* и тоже по миссии александровским, однако не тем — Александро-Македонским, а нашим — *Александро-Невским* — как раз спасительным для себя и для кое-кого из других, вполне и карательно-отрезвляющим, причем не только для открытых врагов и немалого числа хитроумных «доброжелателей», но и для... *самой себя*, для своего же внутреннего антироссийского «доброхотства» — вот что воистину знаменательно!

Исходя из *всего* — ВСЕГО! — сразу, такой шанс, надо полагать, есть, однако с условием неременного и спорого *пророссийского преображения России* — ПРЕОБРАЖЕНИЯ! — и не только превращения в чудо-богатыря с искрящимся булатным мечом в могучей богатырской руке, как раз той самой — *долгой*, то бишь *долгоруковской!*, но и превращения России с РФ в *иную* — ИНУЮ! — Россию, в реалиях почти что в долгую и не бывавшую — в осознанно, целостно и устойчиво *соборную* — СОБОРНУЮ!, чего, как кажется современникам, никогда не бывать, может, оно и так, но ведь тогда и

никакой России вообще более не бывать, а надо ли *это* — что россиянам, что зёмному миру, что Господу Богу?

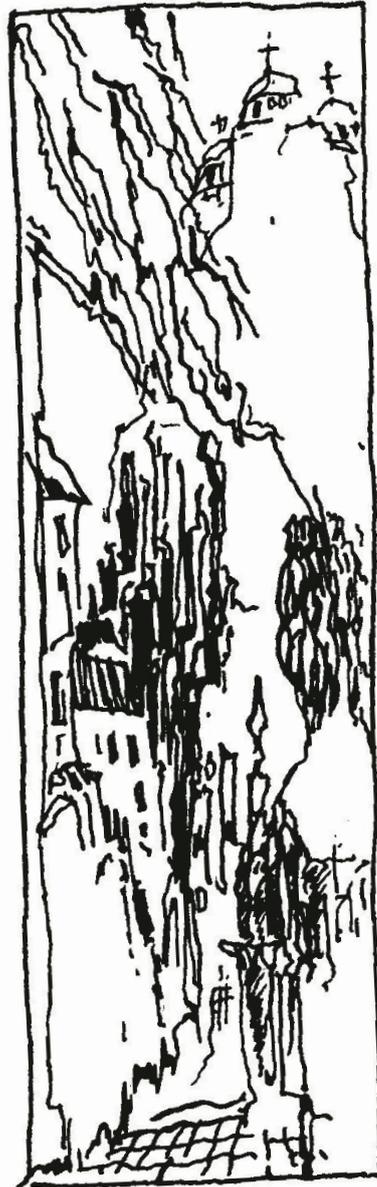
Вот и он — актуальный до жизнеспасения руссо-российский вопрос, вот и оно — ожидание на него деятельного *ответа* — ОТВЕТА! — что от правления, что от элит, что от шаг за шагом перестающего быть всего лишь подотчетно-потребительско-податным населением *самодержавного народа!*

Ежели не овладевать и не управлять непокорной зёмной реальностью, то своевольная реальность сама за себя, за человечество и даже за Господа Бога все и решит!

Подождем, увидим!

Главный редактор

**АКТУАЛЬНАЯ
ГУМАНИТАРНАЯ
МЫСЛЬ**



Ю.М. ОСИПОВ

**ИНОЙ,
или Судьба гуманитария в России
(XX—XXI)***

Аннотация. Всякий человек гуманитарен, не всякий — собственно гуманитарий, всякий гуманитарий в чем-то иной, но не всякий, а очень редкий, гуманитарий есть *гуманитарный иной*, или попросту *Иной*, ибо не каждому доводится открыть для себя Иное и Великую Неизвестность, вступить с ними в творческий контакт, отчего и обрести особенную судьбу — *(не)гуманитарного отшельника*, что знаменует конец едва нажитой человечеством ренессансно-просвещенческой гуманитарности и начало какой-то *новой (не)гуманитарности* в борьбе с воцарившейся в мире фальшивой *гуманитарщиной*, весьма и сатанинского пошиба.

Ключевые слова: гуманитарность, гуманитарий, иной гуманитарий, гуманитарный иной, Иной как Иной, (не)гуманитарный сатанизм, новая (не)гуманитарность, гуманитарщина, философия, философия хозяйства, софиасофия, Россия, СССР, Российская Федерация, планетарный мир, мир-война, экзистент-трансгрессия, апокалипсис, постчеловек, постмир, мироздание, Ничто как Ничто, Иное как Иное, Великая Неизвестность, София Премудрость Божия.

Abstract. Every human is humanitarian, not everyone is actually a humanitarian, every humanitarian in something else, but not everyone and very rare a humanitarian is a humanitarian other or simply the Other, for not everyone is brought to discover the Other and Great Unknown, to

*Окончание. Начало см.: Философия хозяйства. № 3. 2023. С. 11—37.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Иной, или Судьба гуманитария в России (XX—XXI) // Философия хозяйства. 2023. № 4. С. 15—41. DOI: 10.5281/zenodo.8065234.

enter into creative contact with them which is why to find a special fate, (not) a humanitarian hermit which marks the end of the Renaissance-enlightenment humanitarian barely acquired by humanity and the beginning of some new (not) humanitarian in the fight against the fake humanitarian and very satanic style community that reigned in the world.

Keywords: humanitarian, humanitarian scientist, other humanitarian, humanitarian other, Other as Other, (not) humanitarian satanism, new (not)humanitarian, philosophy, philosophy of economy, sophiasophy, Russia, USSR, Russian Federation, planetary world, world-war, existent transgression, apocalypse, posthuman, postworld, universe, Nothing as Nothing, Great Unknown, Sophia the Wisdom of God.

УДК 111
ББК 65в

Российская Федерация

Хоть вместо СССР и было учреждено фиговое Содружество Независимых государств — СНГ, оно же, как оказалось, и (He)СНГ, отчего выходило, что в реалиях может быть и, как видно, бывает и «Содружество зависимых государств» — (He)СЗГ, но формальным и даже истинным наследником СССР стала *Российская Федерация* — РФ, возникшая на месте упраздненной Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, а к каждому из составляющих сие название слов можно было бы тоже приклеить, как и к СССР, коварно-ехидное (He), что можно было бы, в общем-то, сделать и для РФ, но, правда, уже с немалой контентной натяжкой, поскольку сие название было всего лишь нечто вроде бренда и не более того, а потому ни на какой особый реальный смысл вовсе не претендовало.

Однако страна под названием «Российская Федерация» по итогам ее искрометной сдачи, хоть и не со всеми вчистую потрохами, улыбочивому Западу, а точнее, суперимперским, и особенно при этом улыбочивым США, и впрямь оказалась в «Содружестве зависимых государств», впустив в себя западный мир вместе с его наставниками-управленцами-эксплуататорами-колонизаторами, кинувшись на Запад за экзистенциальным примером и даже рассчитывая на с его стороны дружественное партнерство, при этом яростно пе-

ределывая себя под Запад, конечно, в русле *вассального колониализма*, ибо ничего другого Запад поверженному им противнику предложить не мог, не собирался и, разумеется, самоуверенно не предложил.

Пришлось властям и прозападным перемен в стране предержавшим на все это не без чувства удовлетворенного экзистентмазохизма согласиться, однако с тем важным условием, что победитель не станет препятствовать не только раскрутке в стране колониального экономико-хозяйственного каннибализма, но и возникновению наряду с колониальной администрацией еще и компрадорского слоя крупных владельцев странового богатства и всей остающейся в стране после прозападного погрома, главным образом уже энерго-сырьевой, производительной силы.

Так, собственно, все в стране и образовалось, пусть и не гладко, и не по всему страновому полюшку-полю одинаково, и с кое-какими уступками со стороны почти уже владетельного (чуть ли не метропольного) Запада (США), а где-то и с его стороны недосмотром и промашками, как и с кое-какой неуступчивостью и даже не сильно гласным сопротивлением со стороны россиян, прежде всего как раз крупной собственности и центральной власти предержавших, а когда все это более или менее свершилось, то волей-неволей возник вопрос: «Кто же мы, великая держава или тварь дрожащая?», на который вдруг последовал ответ: «Держава!», а затем, отбив возможность распада РФ по сценарию распада СССР, внушив себе и Западу возможность присоединения к нему в качестве не более и не менее как партнерского актора, так или иначе при этом противостоявшего-де Востоку и Югу, что устраивало Запад (отчего и появление G-8), однако, пройдя фазу «партнерской (не)дружбы» с Западом и убедившись, что Запад вовсе не склонен к равноправным партнерским отношениям, рассматривая РФ лишь как своего, пусть и оригинального (с ядерным оружием в руках!), но все-таки... вассала, подразумевавшаяся лишь в уме державой и сильно подуснувшая было в новых реалиях держава вдруг заявила о себе как именно *держава* — ДЕРЖАВА!, подразобравшись к тому моменту с самой собою посредством административной революции 2000-х в пользу как раз своего ненаигранного «державства», устремленного к суверенности и полноценной субъектности, и, вызвав недоумение, разочарование

и гнев со стороны западных кураторов, вдруг отведенных сначала робко, а затем все более напористо восставшей чуть ли не из пепла державой в сторону от себя, что повлекло не что-нибудь... нет, даже не конфронтацию... а самую настоящую войну Запада с Россией-РФ, поначалу вроде бы рецидивно холодную и как бы «мирную», а затем все более и более боевито разгоравшуюся вплоть до настоящей горячей войны, разразившейся на пространстве прямиком подошедшей под войновские игры Запада с Россией «незалежной» Украины.

Итак: выворачивание бывшей РСФСР до кишок с возделенным впрыскиванием в себя западно-мутно-ядовитого элексира, затем момент натягивания балансировочного каната между РФ и Западом с не слишком заметным для внешнего глаза его — каната — перетягиванием то в одну, то в другую сторону, а уж потом... нет, не перерубка каната и не его внезапный саморазрыв... а продолжение перетягивания, однако с подслабевшей вдруг одной из сторон, как раз западной, и с подусилившейся вовсе не вдруг, а в ходе, пусть и не полного, но выворачивания себя, только что вполне революционно вывернутой, другой стороны — российской.

Что же касается каната и его перетягивания, то даже война на Украине не стала — пока не стала! — разрубающим его александром-македонским мечом, ибо РФ как сделалась глубоко и масштабно вестернизированной в переходный период «от социализма к капитализму», так таковой во многом и осталась, хотя, заметим, шансы «саморазрыва» каната хотя бы по сценарию «самоподрыва» того же «Северного потока», пусть и не слишком, но все-таки усиливаются.

Что имеем сегодня? О-очень интересный, как говорится, исторический момент, он же и бытийная картина, пусть еще не картина маслом, но уж акварелью точно, когда «тока-тока» облаченная в желанные либер-глобо-капиталовские одежды страна вдруг стала испытывать внутреннюю дрожь, если не тряску, да не так от страха перед западным теперь уже противником, даже и не от страха себя потерять вообще, как от потребности скинуть с себя напаянные на себя и себя же сковывающие заграничные лжедоспехи и — нет, не восстать, как уже было замечено, из пепла, хоть и не без этого, — а, скорее, вывалиться из охватившего ее прозападного морока, обре-

тая пусть еще и вестернизированную во плоти, но поведенчески все-таки уже особенную самость.

Нет, не справилась пореформенная Российская Федерация с глубинной Россией, не загнала ее в небытие, хоть и отправила в Навь, как раз на границу Времени и Вечности, а Россия, она же Русь, Рось, как водится, не поддалась на давление РФ-симулякра, мало того, поддержав его в острокритический развилочный момент, затребовала в сторону и ради себя серьезных парадигмальных перемен, способных преодолеть полувынужденную симуляцию РФ, отстоять свою неутопическую реальность, оснастить свое бытие неотвратимой исторической правдой, отдать, если не вернуть, Россию не комунибудь, а самой России, разумеется, не бывшей когда-то в прошлых реалиях России, а *новой России*, еще как раз и не бывалой.

Общие, конечно, слова, чуть ли не досуже-риторические, да вот что поделать, ежели бытие в поднебесье, да и повсюду в мироздании, вот такое: в смысловом аспекте, да и немало в функциональном, сокрытое, непрозрачное, туманное, это даже этакое, знаете ли, *криптобытие*, которое вроде бы бытие, да мало что никому не известно какое бытие, так ведь еще и не известно какое небытие тоже, вот и разберись тут со всем этим, а еще и с Россией, даже и с той же мерцающей сокрытыми смыслами и открытым бессмыслием Российской Федерацией!

Одно, пожалуй, нынче ясно: не только не быть вестернизированной до мозга костей России (это — абсурд!), но, кажется, и самой Российской Федерации не быть уже до конца вестернизированной, как бы того ни хотело нынешнее страновое правление, сплошь, пусть лишь почти что сплошь, умом и даже душою прозападное, во всяком случае, лишь на толику пророссийское, вынужденно, так сказать, во спасение себя и удержания «тока-тока» под себя выстроенной родной-неродной страны, как раз именно РФ, а не собственно России.

Тут два мощнейших и острейших противоречия: первое — между коренной Россией и нынешней сфабрикованной под Россию симулятивной Российской Федерацией, куда при этом более симулятивной, чем был СССР; второе — между, с одной стороны, не отпускающей страну русско-российской традицией, как раз и делающей страну *народной страной*, и, с другой стороны, внезапно, но

зато о-очень расчетливо возникшей в ходе лукавых «либерально-рыночных» реформ, владетельно-правленческой элитой, — те самые противоречия, которые никак из нынешнего российского бытия не выкурить и от состояния которых, как и их разрешения-неразрешения, напрямую зависит на данный исторический момент не просто текущее бытие страны, а и вся ее дальнейшая судьба.

Понимают *это* нынешние РФ-верхи или нет, не суть важно, ибо сделать с собой и со своим режимом что-нибудь действительно радикальное по треку переделывания себя и режима в сторону *народной страны*, то бишь в сторону *коренной России*, попросту не в состоянии, да и желания на то у них особого нет, да и быть не может, а потому остается лишь, с одной стороны, дальнейшее, еще более изощренное, настойчивое и маскировочное, камуфлирование себя и режима под «российские», а с другой — консервацию, утверждение и деспотизацию себя и режима в сочетании с вынужденными уступками в пользу, а то и вовсе не в пользу, а в ущерб, постсоциального(ому) по замыслу верхов народного низа(у) и асоциальной по жгучему желанию тех же верхов услужливой середины.

Патриотическая реакция части россиян на развернувшуюся войну не должна удивлять, ибо это реакция народной страны на опасность, возникшую перед Россией как таковой, а не перед действующим ныне в стране режимом, но и реакция «ногами» другой части населения, сбежавшей за границу от всего лишь возможной их военной мобилизации, тоже не должна удивлять, как и отсутствие должной реакции на это исторически экстраординарное происшествие со стороны властей предрежащих (как будто ничего и не было!), ибо то и другое является вполне адекватным «новой (Не)России», с какой бы стороны к этому чрезвычайному происшествию ни подойти — патриотической, непатриотической или даже протестной.

Да, так вот именно все в державе и идет, так все и будет идти: противоречиво, непонятно, вопросно, недоуменно, странно, неуклюже, исподтишка, будто бы из-за угла, как бы и понарошку, игрово, театрально, синематографично, симулятивно, а главное — *скрытно!*, что как раз не только соответствует нынешней постмодерновой эпохе, но и навязано отсутствием у многих из ныне в мире

крупной собственности и властей преержащих какой бы то ни было *легитимности* — хоть земно-человеческой, хоть небесно-сакральной, хоть историко-правовой, ибо у всех и везде найдется уязвимое «слабое местечко», оно же и «предательский пунктик», от которого, как от сингуляра, все *этакое* и исходит, а РФ тут вовсе не исключение, увы, не первое, да и, надо полагать, не последнее, в бытии-истории России, не говоря о мире в целом.

Однако жгучая проблема легитимности всего навороченного и ныне как бы в нем всего главенствующего таки стоит, аки осино-вый кол среди разноцветной клумбы, на сверкающем фосфорическим светом симулятивном теле-призраке нынешней РФ, а настоящая в таких случаях легитимность достигается лишь победами в пользу, а не в ущерб народной России, как то случилось, к примеру, с тем же большевистским режимом — его победами в индустриализации, в Великой войне, в космосе, в образовании, в науке, в культуре, а вовсе не победами над народом, как то было поначалу в «гражданке», а затем в ходе тех же индустриализации и коллективизации, причем (*sic!*) стоило сталинскому режиму уже в постсталинском образе внутри себя затрепать, как сразу же обнажилась его *экзистенциальная нелегитимность*, а потому и возможность его отвержения, отмены и полной замены, да *таких* (*sic!*), что ни Сталину, ни Ленину, ни Карлу Марксу с Фридрихом Энгельсом, ни даже Троцкому с Бухариным в самом кошмарном сне не приснилось бы (бац... э-э... даже не бац, а... пуфф... и... *нету!*)

Вот и нынешний режим с его правлением стремится к победе в легитимизационной для него войне, пусть пока и не великой, чтоб в полный легитим прорваться и окончательно закрепить за собой свою же победу (?) над российским народом, но... но... одной тут военной победы (весьма пока и сомнительной) над впавшей в западную ересь Украиной явно недостаточно, даже и при пока еще наличествующей в РФ потребительской... лжепобеды над россиянами, ибо... ибо где в стране воистину людская среда обитания, где целостная населенческая общность, где настоящее доверие меж гражданами, институтами и ненаигранное доверие к власти, где уверенность масс и даже элиты в завтрашнем дне, где мораль и справедливость, где людская культура с такими же литературой и искусством, где хоть какая-нибудь официальная правда, где хотя бы

доля откровенности, где в конце концов человеческая, а не псевдо-человеческая, жизнь?.. о-о... какая же это тяжелая работа, тащить РФ-симулякр из болота в болото!

Что ж, ближайшее будущее, которое уже вовсю накапливается, кое-что из ныне сокрытого и прояснит: кто, что, зачем, ради чего, ну и, само собой, куда?

Гуманитарность

С уходом СССР с его гуманитарной начинкой и... нет, не с приходом, вовсе, а, скорее... с внезапным выпаданием из карточной колоды под кодовым названием «СССР», отправленной во мгновение ока прямиком в утиль, шестерочной крапленой карты с названием «РФ» (или «Российская Федерация»), отправилась во мгновение ока не одна СССР-овская гуманитарность (худо-бедно, но... *просвещенческая* — от *Просвещения!*), но и вся евромировская (она же, уже и не худо-бедно, *просвещенческая* — от *Европросвещения!*) гуманитарность... бац!.. и нет никакой пятисотлетней *еврогуманитарности*, — и какой же ударной интеллектуальной силой, не говоря о стилевом словотворческом изяществе, она была, эта гуманитарность: Кастильоне, Макьявелли, Декарт, Гегель, Кант, Гюго, Маркс, Гете, Ницше, Сартр, Хайдеггер, а у нас хотя бы Посошков, Ломоносов, Карамзин, Пушкин, В. Соловьев, Ленин, Бердяев, Булгаков, Сталин, да мало ли еще кто из гуманитарных просвещенцев что там — у них, что здесь — у нас, — ах, какая была гуманитарность! — высокая, плодovitая, всезнающая, разная, а главное — *утвердительная!*

И каким же значимым был он — огуманитаренный Просвещением человеческий мир, хоть и не без дрянца, как говорится, в том числе и гуманитарного, но зато... *каким* — КАКИМ! о-о, вполне и *сакральным!*

И вдруг... вдруг оказалось, что человек и его бытие на Земле совсем, или во многом, если не в главном, *не такие*, какими их почти что достоверно, как казалось, представляла себе самой и землянам хоть и разношерстная, но... *гуманитарность* — ГУМАНИТАРНОСТЬ!, а совсем, или во многом, если не в главном, какие-то.. э-эх... *иные*, можно сказать, по крайней мере, что и (*не*)гуманитарные, то бишь вроде бы напогляд гуманитарные, а на

самом-то деле совсем и нет, аккурат уже никакие и не гуманитарные.

Для искренних *все-еще-гуманитариев* тут был поначалу шок, да еще какой!, за шоком нахлынуло оцепенение, за ним... тут уж по-разному... для кого уныние с прозябанием, для кого неизлечимая вера в исчезнувшую вдруг из реалий милую сердцу гуманитарность, ну а для кого-то борьба за *новую-де гуманитарность*, неизвестно, правда, какую, а пока... пока жалкое пребывание всех одурченных бытием-историей гуманитариев в стихии возникшей на месте благословенной в веках гуманитарности имитационно безобразной и отъявленно безобразной *гуманитарщины* — ГУМАНИТАРЩИНЫ!

Да, на место какой-никакой гуманитарности пришла совсем уж никакая гуманитарщина: свершилась *великая интраантигуманитарная революция*, но это, как окончательно уже выяснилось, было еще не все: на место гуманитарности под прикрытием фальшивой гуманитарщины явилась и самая настоящая, уже и окаянная, и оголтелая, и смертоносная... э-э... *сатанищина*, что то же самое — *псевдогуманитарный*, а по сути *совсем-не-гуманитарный*, точнее, *вполне-себе-антигуманитарный*, но зато и вполне себе *хотворный*, конечно же, беспардонный и безбрежный, *сатанизам* — САТАНИЗМ!

Нет, не такой, каким он обычно изображается отрицающей его многие лета высокой гуманитарностью, с которым она вроде бы неистово боролась, а ведь в меру и уживалась, даже и усердно им пользовалась, немало и с иронией ухмыляясь, ибо как же без него — без *сатаноперчика!*, как и без полуправдишки, без лжинки, без пощипывания нервов, без толики лицемерия, без доли причудливой фантазии, без порции лукавой фанаберии, как, а-а?!, нет, не такой он вовсе, этот сатанизм, а знаете ли, весьма и... *гуманитарный*, — и теперь-то он уже не в роли пристяжного к гуманитарности бедового конька-горбунка, а вполне себе чистокровного жеребца-коренника — это уже во вполне себе апокалиптической упряжке вполне себе самостоятельных и привередливых псевдогуманитарных коней: что тех — из вороных, что этих — из гнедых, что третьих — из серых, что четвертых — из сивых, что пятых — из никаких, а вся упряжка ведь прямо туда — в мироздание, в Преисподнюю, в Без-

дну, — и кто или что сей безумный коневой гон остановит, кто или что укротит разгоряченных апокалиптических коней, кто или что превратит их в божественные трансцендентные интенции, способные вернуть землянам бытие, историю, ту же высокую гуманитарность... э-эх... да вот сто́ит ли, да и возможно ли?.. э-эх... проклятые вопросы с не менее проклятыми *без-ответами*... может, и сто́ит, да видно, уже не выйдет, а ежели что и случится, то уже вовсе не гуманитарное, а ему противоположное — *искусственно-интеллектуальное*, как раз и высоко или совсем уж низко *сатаническое*, отчего сегодняшний торжествующий и всюду проникающий сатанизм, — баламутный, дерзкий, яркий, многоцветный, игривый, феерический, веселый, беспардонный, прельстительный, захватывающий и т. д. и т. п. — не более чем предтеча воистинного сатанизма, совсем и не плохого, как и совсем не исключительно, что хорошего, а просто окончательно ликвидирующего остаточную гуманитаршину и вместе с этим обеспечивающего замену человека на *постчеловека*, на этого чипо-механо-искусственного агрегата, может, внешне поначалу и хомовидного, даже еще и с животной плотью, а уж потом, коли выгорит сие для оставшихся счастливых, и впрямь как-то-то духо-облачкового земно-космического невидимки.

Самое поразительное, что *все это* — не досужие выдумки неких осатанелых беллетристов, а самая что ни на есть сатано-фантастическая реальность.

Сатанизм

Нет, это вовсе не тот, скорее, не только тот, сатанизм, что восходит к падшему-де ангелу, отступнику от Бога, проклятому Богом, Ему — Богу — сопернику по земно-космическим — прежде всего, человеческим — делам: разрушителя, соблазнителя, растлителя, лукавого проводника из Света мира в мир Тьмы, да и попросту погубителя, в общем, сатанизм сей не от сатаны как такового, хоть и это имеет место, а от самого что ни на есть *человека*, а потому и вполне себе *человеческий сатанизм*, или *хомосатанизм*, вовсе и не обязательно обязанный явному отпадению человека от Бога, от религии, от обыденной, так сказать, святости, нет, вполне себе родной, хозяйский, братский, настолько при этом гуманитарно-антигуманитарный, что само это понятие — *сатанизм* — уже стало

вполне себе светским, ходячим, даже и, пусть еще и не строго, научным, не то что философическим, ибо многое из ныне вокруг происходящего, как, разумеется, всегда так или иначе происходившего, а ныне происходящего как-то особенно масштабно, убедительно и победительно, что не говорить о сем вполне себе реалистичном и вездесущем сатаническом феномене, да и иначе, как об истинном сатанизме, уже не приходится, а ежели дать сему «поряскому» феномену оценочное определение, то... нет, не как что-то плохое, не как что-то предосудительное, даже не как что-то недопустимо скверное, — чего только на свете дрянного или дурного нет и не бывает, причем везде и всюду!, да еще и не такого уж и впрямь античеловеческого (подумаешь, невидаль какая!), а... как раз *вполне себе человеческого*, слишком даже человеческого, да и если б просто отвратительного, похабного или паскудного, ан-нет, вполне себе и, как говорится, комильфо, еще и изощренно погуманитарному оправдываемого, даже напогляд и по своему изумительного!

А вот чего же там в избытке? А-а... пожалуй что ... чего-то вызванного, свободного, торжествующего... э-э... тогда чего же?.. наверное, все-таки... чего-то... *оборотно*, *изнаночного*, *животного*, *звериного*, *бесовского*, но непременно... *очеловеченного*, отчего сатанизм сей, по-видимому, есть некое *хомооборотничество*, что-то вроде и *хомопрееисподничества*, где, однако, оборотничество и прееисподничество хоть и в фаворе, да вот под непременным крышеванием со стороны *хомо*, *хомо* и *хомо* — ХОМО! — вот так и никак, увы, иначе!

Да-а, теизм, атеизм, гуманизм, демократизм, финансизм, социализм, коммунизм, тот же фашизм, не лишены каждый в свою меру и в своей интерпретации толики, а то и заметной, знаете ли, глыбы, этого самого нашенского, то бишь земно-жителейского, сатанизма, — что тут скрывать! — но что есть каждый из сих «измов» по сравнению с как таковым *сатанизмом* — САТАНИЗМОМ!?! — они даже и не полноценные ему предтечи, а так... приготишки, ибо тут ведь приход в мир земно-человеческий вполне себе *победоносного (не)человека*, причем через посредство... все того же Просвещения с его научно-техническим прогрессом и высокой гуманитарностью (какие в самом деле по высокому качеству и гуманитар-

ной значимости явились вослед Просвещению философии, литературы, театры, музыки, балеты, художества!), разумеется, с непременным себя же самоотрицательным исходом и прогрессным расчеловечиванием прогрессивного-де человека, его денатурализацией и ментальной перелицовкой, — и *это вкупе все* — ЭТО ВСЕ! — явилось, — конечно же, не с первой в бытии-истории оцивилизованного человечества попытки, — да и вовсе не для того, чтобы обслуживать и осчастливливать *этому всему* вовсе и не нужных ему человекообразов, а чтобы покорить их, превратив их из «образов» в *человкоподобных образин!*

А что *там*, на конце (на кончике кощеевой иглы!) торжествующего сатанизма? А там, знаете ли... ничего... кроме э-э... *конца* — КОНЦА!, — правда, с возможным кое-каким знаменательным для все-еще-человека продолжением, ибо тут могут вмешаться Иное, Великая Неизвестность, мироздание, Господь Бог, — и лишь одно оттого занимает сейчас гуманитарное воображение этого самого *все-еще-человека*, как ему кажется, что именно как... *человека* — ЧЕЛОВЕКА!: входит ли сие сатаническое протяжение бытия-истории с конечным отрицанием Бытия-Истории в планы всего этого вышеназванного *Трансцендентального*, то бишь *иномирного*, если не попросту *внемирного*, хоть мир сей, который *как бы наши*, а на самом-то деле он — и вовсе *не как бы* — как раз *их*, отчего все это Трансцендентальное насовсем никуда и никогда не покидает сей мир, во всяком случае, до некоторых никому из смертных не известных пор?

А пока триумф *сатанизма* — САТАНИЗМА! — не так мифотворного *сатанизма*, а как вполне себе реалистичного *сатанизма*, вполне себе и, — по подобию сознанию, разуму, памяти, — *субстанциального*, то бишь достаточно в мире сем крепко сидящего, еще и наверху сидящего, на крыше, так сказать, мира, на башне, на горе, пусть и на плоских, на усеченных, на срезанных их вершинах, но ведь сидит же, сидит!

Что вовсе не мифотворно, так это нынешний *реалистический сатанизм*, он же и *сатанический реализм!*

За сатаническое можно принять очень многое, не сильно при этом и ошибаясь, прежде всего ложное, обманное, каверзное, что понятно, менее же заметно, но всего более адекватно сатанизму им

горячо любимое... *правдоподобие*, а с ним вместе то, что обычно называется... нет, не иллюзией как таковой, хоть и не без нее, а... *кажимостью*: сатанизм любит *казаться*, как раз *правдоподобно казаться*, что и приносит ему наиболее радующий его гешефт — факт!

А почему все-таки сатанизм выделен нынче устоявшей перед ним все-еще-гуманитарностью, более или менее очищенной от по преимуществу невольной принятого ею сатанического элемента, мало что в особую *категорию*, вполне, кстати, и гуманитарную, а и в особое в обществе реально-фактическое *присутствие*, при этом все равно какое: системно-строевое, режимно-властное, идейно-политическое, причем присутствие не как просто пребывание, что всегда было и везде нынче есть, а выделен как доминирующая, если уже не господствующая, в мире человеческом (может, уже и получеловеческом) *устроительно-управленческая сила* (вроде принятой в политэкономии производительной силы), однако всецело физиогномирующая соответствующим ей образом и весь мир человеческий (если уже не получеловеческий)?

Любопытно, что сказав о современном обустройстве, управлении, идеологическом обветривании и культурном (пусть более всего и псевдо- и антикультурном) оснащении современного земно-космо-человеческого бытия как о *сатанических*, все как-то сразу и становится ясно, но не в смысло-содержательном плане, а как раз наоборот — в бессмысленно-бессодержательном (как раз в правдоподобно-кажущемся) ракурсе: единственно реальный смысл сатанизма, сопряженный с его содержанием — это... *пустота* — ПУСТОТА!, да-да, именно так: все у сатаны, как и он сам — *пустое* — ПУСТОЕ!, а что касается торжествующего ныне хомосатанизма, то все *вроде бы* реальное и *как бы* содержательно наполненное, с чем он выходит ежемоментно на паперть жизни (уже немало и нежизни), есть не более чем показное прикрытие своей неизбывной *пустоты* — ПУСТОТЫ!

Паразит он — сатанизм, да еще какой — пустотельный, пустоголовый и пустозвонный, однако для многих мало что всецело приемлемый, но еще и трепетно нравящийся — пустоту-то свою им надо же чем-то прикрывать, вот на выручку и приходит лишь при-

крытая ущербной кажимостью все та же *пустота* — ПУСТОТА!, — вот, собственно, и все!

Война

В войне нет ничего необычного: все бытие человеческое так или иначе есть *война*, хотя и сочетающаяся с тем, что человек называет *миром* (невойной), а чего больше — мира или войны, ежели под войной понимать и ссоры, и драки, и пресловутую конкуренцию, и бесподобную толкучку на торговых площадях, даже и спортивное соперничество, то пусть об этом в адрес и в пользу войны или мира, как и мира или войны, каждый человек судит сам. И дело тут не в том, чего больше — войны или мира, а в том, что нет мира без войны, как и войны без мира, отчего уместно говорить о *мире-войне*, как и *войне-мире*, а иного человеку, этому вроде бы божиему созданию, попросту не дано. Божиим-то человек, может и быть, иной раз и в самом деле он таковой и есть, да вот почему-то (что в обыденном плане в общем-то совершенно понятно, ибо зверь, он и есть зверь, какой бы словесностью ни прикрывался!) человеке еще и вполне себе *сатанообразен*, — вот она, какая тут то ли вещь, она же и весть, то ли просто штука, она же и попросту загогулина!

Гуманоид! Да, гуманоид, ибо озознаниен, овербалиен, олингвиниен, отчего он и *теоиден*, но при этом, как кажется, по вине того же сознания, которое и дар, и ноша, и бремя, а то и наказание, человеке наш еще и *сатаноиден*, а уж как и почему, кроме животности, звериности и бесподобности, это опять же пусть каждый умник по-своему и судит.

Война — такое же достояние бытия, как и жизнь, труд, размножение, смерть, — и нечему тут удивляться: воевали, воюем и будем воевать, а кто, вдруг, в мир во всем мире крепко поверит, тот легкой добычей для других гуманоидов-сатаноидов и станет, а уж ежели кто поверит в искреннюю, сердечную, незыблемую и бесконечную (вечную) дружбу какого-нибудь человекообразного оборотня, тот уж станет его добычей непременно и без проволочек.

Что ж, выходит, что и дружбы среди людей нет, и дружить нельзя? Да нет, конечно, и дружба есть, и дружить можно, а иной раз и искренне, и сердечно, и незыблемо, и, что называется, навсегда, но... но... всякое тут бывает: от крепкой дружбы до не менее

крепкой вражды достаточно даже не одного шага, а всего лишь одного мгновения!

Дружба, строго говоря — не просто признание другого как самого себя, но и когда сам ты в другом, а другой в тебе — не больше и не меньше, — и что интересно: бывает сие, мало того — *есть!*, однако не то чтобы как исключение, а всего лишь как нечто... э-э... наряду, рядом, вопреки все тем же соперничеству, вражде, войне.

Нет, дружба — не иллюзия, хоть и бывает иллюзорной, кажущейся, даже и прикидывающейся, но она ни во времени, ни в пространстве никак не абсолютна, не всеобща, а вполне себе относительна, фрагментарна, дискретна, прерывна, смертна.

Зачем мы тут вдруг о дружбе? Разумеется, из-за войны, да не иносказательной, а настоящей, вполне реальной, даже вполне войновской — с лязгом, хрипом, воем, грохотом, разрушениями, болью, стоном, погибелью, ну и торжеством среди всего этого неприглядного вполне себе приглядных героизма и победности, в той или иной степени и пирровых.

Война, да ведь не на коммунальной кухне меж соседками или теми же «хозяйвами» дачных участков в садово-огородном «товариществе», — чего не бывает! — а война геополитическая, межгосударственная, международная, межидейная, межцивилизационная, да не за что-нибудь, а за жизнь, еще и либо господскую, либо рабскую, — и никакого тебе диванного выбора, кроме в той или иной мере и в том или ином качестве боевого: либо ты врага, либо он тебя, вот и вся тут недолга!

И интересно: только еще вчера вроде бы партнеры, друзья, чуть ли не союзники, а сегодня уже мало что соперники, противники, так ведь и враги, да ладно бы враги, а то ведь «не на жизнь, а на смерть», да и кто?, ладно бы сторонние, иноплеменные, иноверческие, а то ведь вроде бы *свои*, чуть ли не *по крови* свои, да ладно бы убежденные в какой-то своей правоте добровольцы, а то ведь и насильно-де мобилизованные, но ведь упорно сражающиеся, мало того, отдающие на поле битвы свои жизни.

Как тут ни крути, а войновская война, этот сгусток жизни и смерти, эта, как стало особенно модно ныне говорить, мясорубка (как бы и бессмысленная!) — неотъемлемый факт-фактор-фактория

человеческого бытия, вполне н-е-о-б-х-о-д-и-м-о ему присущая, как когда-то было необходимым лечебным актом в медицине кровопускание.

Да, *необходимо присуща!*

И вовсе не только из-за нехватки у кого-то жизненных ресурсов или того же жизненного пространства; не только из желания кого-то покорить себе подобного-неподобного и заставить себе служить, на себя работать; даже не только потому, что кто-то хочет быть, как ему кажется, независимым, свободным, а главное, самим по себе, как ему это «свое» представляется, — нет, не только, даже и не столько, ибо у войны есть еще и сакральное себя обоснование, причем не только в соревновательно-конкурентно-господско-рабских, как и суверенно-вассальских интенциях текущего человеческого бытия, но и в потенции самого бытия как такового, то бишь *самого по себе бытия и самой по себе войны*, в результате чего получается, что война, обосновываемая немало и надуманными, даже и фальшивыми обстоятельствами-причинами, приходит в реальность так или иначе *сама* — САМА!, — хотят того в тот или в иной момент человек или не хотят, значения не имеет, ибо того хочет сама человечески-нечеловеческая реальность, как, собственно, хочется ей вдруг и той же революции вкупе с той же ожесточенной «гражданкой» тоже.

Вот и нынешняя войнушка, грозящая перерасти в глобальную войну, пришла не только по видимо-невидимым и называемо-скрываемым внешним обстоятельствам-причинам, но и по желанию самого бытия и самой бытийственной войны, ибо так решила Великая Неизвестность и так распорядилось Великое Иное: мир планетарный в ходе еще никому из смертных толком не известных, хоть и охотно-неохотно предвидимых и намечаемых *тектонических перермен*, да ладно бы в направлении нового справедливо-несправедливого устройства планетарного мира, а то ведь сам черт не знает чего, зачем, почему, с кем из акторов, в каком человеческом изобилии, на каких экзистент-условиях, в каком видимо-невидимом виде... о-о... может, вовсе и не переустройства, а глубинно-целостного *пере...* а вот какого-такого *пере* — ПЕРЕ! — *пере-лице-вания*, что ли, а-а? — от одного, так сказать, бытийно-

исторического лица (лучше сказать, «морды-лица») к другому — да вот к какому?

Будущее (Не)Будущее

Впервые, пожалуй, человечество оказалось не просто перед неизвестным будущим, что всегда было и никого никогда особенно не смущало, даже, наоборот, заинтриговывало и подвигало к проектам и за них не пренебрегавшей кровопусканием борьбе, а вот теперь оказалось, что оно — будущее — мало что оказывается перед *неизвестным будущим*, так ведь еще и перед — вовсе не обязательно, что и реальной — *будущей неизвестностью* — НЕИЗВЕСТНОСТЬЮ! — и это в момент триумфа хозяйствующего на Земле человека с его почти-покорением природы, почти-освоением космоса, почти-переделом и самого человека — как раз как существа — из осознаниенного природного животного в чипоцифрованную, пусть и все еще телесную, да, видно, уже иначе телесную матрицу, опять же в среде существенно сокращенной в числе массы землекосмосопользователей.

Что-о, не может такого быть?

Может или не может, кому как нравится, да вот попробуй-ка доказать, что не может, ну и обосновать то, что как бы и может, кроме, конечно, *конца* — КОНЦА!, да вот с новым началом иль уже без него, а ежели все-таки с началом, то тогда что же *этакого*, кроме фантастически нечеловеческого, о сем начале сказать-то нынче можно, а-а?

Ах, этот Екклесиаст, со своим «все проходит», так ведь и *это* — ЭТО! — тоже может пройти, да так, что на его место уже может ничего, кроме *ничего* — НИЧЕГО!, и не прийти, — почему нет?

Ну да ладно, война-то, вполне и реальная, всю идет, и мир нынешний всю рушится, тоже вполне реально, ну и контуры будущего мира, как раз ближайшего, вроде бы у сильных-де мира сего проглядывают, а самое тут важное для нас — россиян, что Россия-РФ как раз в самый пекловый центр-очаг... э-э... *процесса* (пусть будет так — *процесса* — ПРОЦЕССА!) и ухнулась, да не как лишь обозревателю, свидетель, прогнозист и проектант, и уж тем более не как вознесенный над международной бытийной суетой сакрализо-

ванный третейский судья, а более всего как непосредственный в войне и мировой суете участник, мало того — как объект и субъект сей войны, ее главная жертва и основной боец, как вполне себе растревоженный... нет, не как улей, конечно, хоть это и есть, а как сам себя и мир вокруг, да что вокруг, и в целостности тоже, сакральный *передельщик!*

Да, война сия необычна и странна, по-своему и загадочна, такая война-ключ, война-спусковой крючок, да и попросту война-крючок. Вроде бы война РФ с Украиной (точнее, с Укранией — от «укров»); война Запада против России (который уже раз!), ну и России против Запада (тоже который уже раз!); с одной, как раз западной, стороны, война явно имперо-колониальная, господско-вассальная, с отчетливо геноцидным мотивом (антиэтнорусским!), а с другой, уже российской, стороны, война защитная, антизападоимперская, однако и от России-РФ имперо-наступательная, пусть, как уже бывало в российской истории, пока и какая-то невнятно-задумчивая, вялая, странная.

И что же в сей войне такого уж странного? Нет, не то, что тут очередной спор среди братьев-славян, даже не то, что меж евразийскими и прозападными славянами, а, пожалуй, то, что война идет вроде бы *за русский мир*, причем исторически обусловленный русский мир, а воюют в ней меж собой, пусть и наряду с этническими украинцами (и «украи» тоже), не кто иные, как *русские* (из России) и... *русские* (с Украины), что означает мало что родственное междоусобье (как бы брат на брата!), да вовсе и не обычное гражданское, а, пожалуй что, чуть ли не межмировское (восточно-русское с прозападнорусским — раскол тут, стало быть, в русском мире!), так ведь еще война сия, то бишь и русское с обеих сторон кровопускание, идет не то чтобы *в интересах всего мира*, то уж *в залог всему миру* — точно!, отчего тут не так вовсе благородное самопожертвование русских (и русскими) землян на планете, как вовсе не благородная, а вполне себе бездарная русская жертва общемировой, а вовсе не только, даже и не столько собственно западной *алчности*.

То, что Запад алчен, все в мире знают, как и то, что он, увь, развитиен и прогрессивен (нравится это кому-то или нет!), что тоже все в мире знают, а вот то, что *весь мир человеческий (от нулевого*

меридиана до нулевого) алчен, не то чтобы не знают, но как-то не все придают, особенно в России-РФ, этой врожденной мировой алчности достаточного и вполне ею заслуженного значения.

«Из полымя да в полымя» — чем не Екклесиаст, а-а? И у нынешней России-РФ есть такой пламенный шанс — попасть из когтистых львиных атлантических и волчих западноевропейских лап в клыкастую пасть китайского дракона и того же исламского тигра, как и остается шанс выскочить из того и другого полымя полноценной Россией, но непременно обращенной к *самой себе*, а следовательно и к *будущему* — БУДУЩЕМУ!, как раз шанс того, чего ожидает от России-РФ вовсе не занятое собой и только собой человечество, причем в лице не так народов, как рассеявшихся там и сям по человечеству хищных элит, а ожидает сам Господь Бог вкупе с Великой Неизвестностью и Великим Иным вовсе еще не покинувших и уж тем более не приговоривших Россию к исчезновению, однако без встречных в их сторону со стороны России-РФ ходов тут ничего у России-РФ не выйдет, а ходы сии должны быть у России-РФ вовсе не так в сторону от себя, а прежде всего, повторяем, *в сторону самой себя*, а это, как нетрудно в общем-то уяснить, как раз и всего труднее, ибо требуется кое-что мучительно-невозможное, а именно *преображение* — ПРЕОБРАЖЕНИЕ!, на которое и работает нынешняя война — да не навстречу войне лишь идти тут надо, ее насущным потребностям, а и, осознав сакральное значение этой *странной войны*, идти не так к войне, что надо делать и что здесь ничуть не оспаривается, а *от войны* — как раз к *России как России*, разумеется, не отгораживаясь от мира, даже не избегая и его западной, ныне явно враждебной для России-РФ, фракции: только *Россия как Россия* способна выстоять и повести за собой, причем *не за счет себя* — что ныне весьма возможно, да и то лишь желающих не только идти за Россией, но и быть *вместе с нею*, а много ли в зёмном мире таких вот явных и твердых сторонников России?

Бойся, Россия, сладких слов что с Запада, что с Востока, что с Юга, бойся!

Россия может рассчитывать *только* — ТОЛЬКО! — на *саму себя*, частично и в меру на попутчиков, да и то более вынужденных, чем добровольных, отчего и не очень постоянных, и не сильно верных, а совсем уж в порядке исключения может она рассчитывать

на союзников, тоже ведь вынужденных, хотя, быть может, и более постоянных, но, увы, тоже не слишком верных, однако во всех случаях, как заметил бы проницательный Екклесиаст, с *непременной платой* со стороны, а не в сторону, России, по преимуществу и превышающей ценность попутчиковой и даже союзнической услуги. *Объедают, да еще и как объедают, разве лишь косточки оставляют, да и то вряд ли — не оставляют!*

Весь мир — осознанно и не совсем осознанно, даже и трансцендентно — совсем не против преодолеть свое нынешнее коллизийное (не)состояние за счет России, а складывающийся ныне под диктовку США *всемирный антироссийский фронт* — не шутки во все!, а с другой стороны, вроде бы намечающийся будто бы пророссийский... э-э... нет, не фронт, конечно, даже и не блок, да к тому же и не пророссийский вовсе, а всего лишь согласно уклончивым манерам и размытым намерениям гуртоправщиков как будто бы антизападный, так он, скорее... некий неоформленный конструкт, даже всего лишь попытка какого-то конструкта, что-то *такое* обещающая России в ее противоборстве с Западом, но при этом ничего из *такого* России особенно не сулящая. Вот и выходит: вложи себя в мир, Россия, отдай ему себя, впусти в себя мир, поделись с ним собою, тогда, может, и чем-то, вдруг, поможем, а вот стóит ли на самом деле и на длительное время помогать России... э-э... зависит от обстоятельств, среди которых на первом месте — мощь и экзистент-удача *самой России*, — и что интересно! — ***России как России!***

Не только Россия ждет на своих просторах Россию, но и весь так или иначе России сочувствующий, пусть и не без для себя какой-то выгоды, остальной мир, даже и не только России сочувствующий, а вполне ей и враждебный, он ведь тоже ждет, пусть и не без смешанной со страхом алчности, но таки... *ждет!*

Великая Россия!

И не по пространству лишь великая, не по ресурсам, не по материальному богатству, а по созидательной *для себя* мощи, как и по *своему проекту* прежде всего, а уж потом де по общемировому.

Мир со своим будущим уперся в Россию, а Россия... нет, не так уперлась в мир, а как... вот тут и загадка из загадок, ибо никак

нельзя не упереться России в мир, как и никак нельзя ей отстраниться от мира, а... а... остается лишь стать достойной, да не просто самой себя, а и своей, еще не очень-то ей и понятной *экзистенциально-исторической миссии*, для чего надо не только внутренне сконсолидироваться, не только, как было замечено выше, преобразиться, сблизившись с коренной Россией, но... уж «извиняйте, господа правители»... стать *гуманитарно иной*, обретя новую для себя и мира *собственную* (вроде ССБ — службы собственной безопасности) *гуманитарную идеологию* — вот она — **сверхзадача!**

Новая (Не)гуманитарность

Гуманитарность как гуманитарность, то бишь гуманитарность в европросвещенческом понимании с ее каким-никаким, пусть и во многом надуманным и немало оборотническим, *гуманизмом* и соответствующими ему идеологией, словом, искусством, философией, наукой, даже и религией (с тем же протестантизмом, да и не только), эта-то гуманитарность сегодня, как минимум — *в отмене*, хотя и не в полной мере по пространству людского бытия: *есть она, есть!*, разумеется, лишь на обочине главного ныне экзистенциального трека, а оттого есть она в реалиях не более чем островками, архипелагами, да и то как более всего архаизм, как сброшенные с мозгов свободного-де человека-де вериги и опрокинутая им в мусорную яму ненужность, лишь мешающая движению сего псевдочеловека вперед — в оцифрованную неизвестность, в бескрайнее киберпространство, постчеловеческую небыль, впрочем, может, совсем и не так, а аккуратно и наоборот, ибо при сей безумно разогнавшейся гонке вперед «чек» окажется вдруг... нет, не на том же месте, где и был, а, уж извините... *в пустоте*, — попробуй, вражий друг мой, доказать что-нибудь обратное, как раз непустотное, когда никто из ныне отчаянно бегущих не знает, куда, зачем, да и почему он бежит, захваченный словно вихрем какой-то уже нечеловеческой, хоть и вызволенной на свет самим же человеком всеокрушающей, всем овладевающей и все поглощающей, вполне уже и дьявольской силой.

О какой же **новой гуманитарности** можно в таком разе говорить?

Обновленной, наверное, да и немало обновленной, а лучше бы сказать — о какой-то уже *иной гуманитарности*, а скорее всего — о *новой (не)гуманитарности*, о которой человек пока и помыслить не может, которая, однако, без споспешествования кризиса, беды, катастрофы, той же всеокрушающей войны, немало и гуманитарно-антигуманитарных, просто так на грешную землю не явится.

Вот он, настоящий-то уже призрак, надвигающийся на мир земный — *призрак нового (не)гуманитаризма*, такой нежеланный для нынешних оцифрованных прогрессистов, как и для соблазненных ими земных толп, однако все еще желанный для *все-еще-людей*, почти что уже и исчезнувших, правда, не более чем в Навь, причем, как ни странно, с возвратным в Явь билетом.

Здесь не благонамеренные утопические мечты, а самая обыкновенная констатация: *ничто из бытия-истории не исчезает бесследно*, не только сатанизм не исчезает, но и высокий гуманизм тоже, превращаясь не в полное ничто, а всего лишь в *ничто*женный осадок, ожидающийся неперменного возрождения: так было, так есть, так и будет, ежели, конечно, что-нибудь из человеческого вообще на свете будет, отчего у нас и слоган своеобразный выше приведен — *«Новая (Не)гуманитарность»*, ибо новая-то новая, да вот гуманитарность ли или еще что, никому из смертных еще не известно, а ежели все-таки гуманитарность, пусть и новая, и пока совсем не известная, да вот какая же все-таки, а-а?

Переменная ныне эпоха: компьютеризированные ньюнеандерталы ведут наступление на гуманизированных археокроманьолов — факт! *Неонеандертальская революция!* И как всякая революция, она не достигнет вполне своих целей, хоть и перевернет земный мир и сделает его... *иным* — ИНЫМ!

Э-э, тут-то вот и явится спасение, ежели не случится конечно-го конца... как раз явится в чем-то *ином* — никому ныне не ведомом, то бишь не в том из возможного, не в другом, даже и не в третьем, а... ежели уж еще *не конечный конец* — не-КОНЕЦ!, то в единственно *на тот момент* возможном варианте, а пока — ТАЙНА!

Да, *тайна* — ТАЙНА!

А как же еще, коли вокруг Великая Неизвестность с потаенным Великим Иным, да София с тщательно запрятанной в себе Премудростью Божией, а уж Господь Бог... что Господь Бог? — у него ведь свои планы, включая и Страшный Суд с участием Христа, так что всякое ожидает человека (не)разумного, всякое, а потому, ежели говорить о все-еще-людях, то не так разум, как... нет, не только вера как вера, а... *стойкость*, подкрепляемая, помимо веры как веры, стоической на сей критический бытийно-исторический момент... э-э... *идеологией*, да-да — ИДЕОЛОГИЕЙ!, а лучше бы сказать, идеософией — ИДЕОСОФИЕЙ!.. а-а... догадался-таки пронизательный читатель — *софиасофией* — СОФИАСОФИЕЙ!, то бишь с прямым обращением переживающего, чувствующего и мыслящего сознания к Софии Премудрости Божией ради поиска ответа на мучающие ныне все-еще-человека вопросы, которые он не находит готовенькими в затверженной памяти прошлого, а может найти, если повезет, только в вершащемся настоящем, завязывающим какое-то вроде бы моделируемое современниками будущее, пусть и не вполне ясное, и не до неперменного конца, но которое станет-таки *иным* — ИНЫМ!

Иной

Иной гуманитарий — одно, а вот *гуманитарный иной* — совсем другое, и ежели иной гуманитарий может быть любым, даже и сатаническим, по сути как раз антигуманитарным, вполне и зло-вредным, хоть и слыть за настоящего-де гуманитария вроде... э-э... не будем *фамиль-ярничать*, называя имена, то *гуманитарный иной*, он же и попросту ИНОЙ, не может не быть *софиасофически иным*, что... нет, не открывает ему последней (и первой тоже!) мирозданческой Тайны, но позволяет быть рядом с Тайной, да не как тупая движимая недвижимость, а как доверительный с Тайной... э-э... *немотный собеседник*, а лучше сказать — как ее *вдумчивый стяжатель*: не знает ничего и хорошо знает, что ничего не знает, но, не зная ничего *этого*, он все-таки знает... а что же?.. э-э... как раз *иное*, как раз *неизвестное иное*, но зато при этом и *иное неизвестное*, как раз то самое, что в силу своего творческого контакта с софиасофским гуманитарием *не то что становящееся ему известным, но уже не остающееся для него всего лишь terra incognita*.

Наивная, конечно, вполне и глупая, тут диалектика, но зато какую же силу животворную она придает стяжавшему ее землянину — силу не обывателя и не мечтателя, не проектанта и даже не самоупоенного творца, а силу *идущего* и *входящего* — куда же? — как раз в *Иное*, однако уже не более чем *как бы* неизвестное и при этом, уже и *не как бы* известное, то бишь — *свое* — СВОЕ!

Да-а, гуманитарный иной, вольно или невольно становящийся иным гуманитарием среди тьмы самодовольных гуманитариев, что не позволяет ему, ставящемуся в момент ощущения и обретения Иного, точнее бы сказать, прикосновения и приобщения к Иному, уже быть не собственно гуманитарием, а заставляет быть-небыть попросту *Иным* — ИНЫМ!, что ни хорошо и ни плохо, а что всего лишь... как бы это сказать... не слишком забавно что ли — как по причине вдруг иначе осознаваемой им той же гуманитарной-де реальности-ирреальности, вовсе на деле не такой, какой обыкновенно кажется (старается казаться!), не говоря уж о самих гуманитариях, тоже ведь старателей от кажимости, так и вследствие непременно приходящего к гуманитарному иному и его старательно оболочивающего вольно-принудительного *отшельничества*, может, по своему и себялюбивого и гордого — да что толку... впрочем... толк тут кое-какой есть, конечно, не явный, не тутошний, не бросающийся в глаза, примерно такой же, как и толк от никому толком не известной и старательно обходимой гуманитариями-старателями исходной, глубинной, коренной, «навской» России — как раз *России как России*, той самой России, которая — *сама отшельница* — держит на гуманитарном, немало и псевдогуманитарном плаву своего избранника — *гуманитарного иного*, да мало что держит, но и воспринимает, допуская малое от него смысло-излучение в свое большое, безбрежное, бесконечное, не то что не давая покоя отрицателям и незамечателям России как России, но и... что скрывать!.. погубляя раз за разом своих несчастных по гамбургскому счету погубителей, и вовсе не потому, что Россия сия так уж зла и мстительна, нет, всего лишь потому, что причастна она *Иному миру*, который и впрямь ничего и никому не прощает, будучи причастным и впрямь беспощадной *Великой Неизвестности*: и хотя *как бы нет* в *этом мире* России как России, а она, вовсе и *не как бы*, все-таки *есть*, разумеется, как нечто-ничто *иномирное*, им — *иным миром* — и

храняемая, да не просто она есть, а и покоя не дает не одним лишь гуманитариям-легионерам и даже не одной лишь самозванно и самозабвенно прикрывающей ее той или иной текущей псевдо-России, а, увы, и всему *этому миру*, что нынче в мировой практике как раз вполне отчетливо и происходит, да так, что мало уже кому на грешной Земле и кажется!

Итак, *гуманитарный иной* в России, он же и попросту *Иной*, сходящийся во вполне себе страдном и даже страдательном единении с *сакральным Иным*, а вместе с этим и с *сакральной Россией*, как, собственно, и наоборот: сходящийся сначала с *сакральной Россией*, а затем и с *сакральным Иным* — это уж как у кого (у кого, правда?) получается.

Поначалу безусловный гуманитарий, по-европейски (следственно, и по-масонски) образованный, вполне и международного пошиба профессионал, не без проблем, но находящий общий язык с такими же, как и он, заграничными гуманитариями (тоже по-европейски и по-масонски образованными), участвующий в международных контактах, форумах, изданиях, достигающий даже международной известности, правда, обыкновенно почему-то не в очень-то руссо-российском себя как гуманитарии исполнении, ибо там, за границей, сие исполнение почему-то не очень приветствуется и нарочито не замечается... пфу-у!.. зачем им *там* что-то *этакое* — из руссо-российского, даже не из экзотического, а так... из архаического и как бы небытийного, да и что, собственно, российские по принадлежности к стране-России гуманитарии, кроме редких единиц, могут выказать такого уж руссо-российского, да еще и за рубежом, в настоящем-де интеллект-сообществе — неуместно, невежливо, да и стыдно как-то?! Да что за рубежом, сие отчебучить и в своей-то стране неудобно, глупо и никому не впрок, впрочем, слава богу, и отчебучить-то бывает *ничего и некому!*

Судьба

Ежели подпевалой в общем с «умной заграницей» псевдогуманитарном хоре, то ни о какой-такой особой судьбе и заикаться не надобно, а ежели о собственном вдруг пении, да еще и не по выверенной международной партитуре, а по вольному зову России как России, вдруг зазевавшимся словно Иван-дурак гуманитарием вне-

запно почуемом и им... *принятом!*, то, да-а, тут уж и впрямь судьба, она же и судьбина, да мало что сойтись с незамечаемой, непонимаемой и невоспринимаемой сакральной *Россией как Россией*, так еще и с еще более незамечаемым, непонимаемым и невоспринимаемым *сакральным Иным*, да что сойтись, и самому стать, уже и пост- (или за-)гуманитарным (уже не в обычном понимании из расхожей гуманитарщины), *иным* — ИНЫМ!, не подлежа за это сколько-нибудь значимому официозному и в особенности «коллежскому» признанию, хоть и быть при этом трижды, пятижды, бесконечно «ижды» правым... ну и что, подумаешь, можно оказаться... нет, не правым вовсе, а попросту неединожды... э-э... отвергнутым (если не проклятым), ибо не в стае же, не в куче, не в толпе, а правы-то бывают всегда стая, куча, толпа, что и полезно любому начинающему гуманитарии зарубливать на своем еще не шибко ученом, но уже задранном вверх самодовольном носу, что он вольно или невольно по обыкновению и делает.

До каких же пор *так* будет?

А кто ж *это* знает, кроме... сами знаете, господа-товарищи, кто же *такое* на самом деле знает... нет, не Время вовсе, которое будто бы эмерджентно возьмется и поставит вдруг все на место, нет, это сделает... Вечность... и сделает все как надо... как раз в Конце Времен, уже вовсе не деликатно постукивающим в ворота Времени, а вполне себе нахраписто в них бьющем, а сроки, что сроки? — они *в срок* и подтянутся!

ПОСЛЕ-ВЕСТИЕ

Как ни прокручивай в своей углой голове вожделенный Запад, как ни поругивай выпрєнную Европу, однако цивилизации тамошней не откажешь в довольно-таки терпимом, если не в уважительном, пусть и не без исключений, отношении к своим из ряда вон выбивающимся гуманитариям, вовсе не исключая и всамделешных *Иных*, разумеется, не шибко, быть может, нося их на руках, но и не подвергая непременно огульному игнорированию, бездóводному отвержению и нарочитому забвению. Что есть, то есть!

А у нас на благословенной родине все как-то... нет, конечно, не совсем уж наоборот, но и... совсем как-то не так: и ежели не в

отчуждении, гоне и забвении *своих Иных*, то уж не в искреннем их признании как уникальных творцов и не в убедительном уважении их как достойных сынов нации... нет, да и вовсе не в публичном почете тут дело, чего истинному гуманитарии и не надо, а всего лишь в... *учете*, да-да, в самом что ни на есть обыкновенном учете — по жизни, хозяйству, творению, ну и по правлению тоже, всего ими — гуманитарными Иными — выстраданного, ан-нет, у нас как-то все не так да не так. Какого-нибудь западного Иного, да и восточного тоже, обязательно заметим, признаем и возвысим, еще и признательно перед ним склонимся, а вот своему... э-э... он же *свой*, так зачем же его ни с того, ни с сего признавать да еще и ему кланяться, какому-то там самозванному гуманитарному Иному, да еще и впрямь по сути российскому, да еще и сингулярному по своей гуманитарной исторической значимости — этого еще не хватало в мириадном стане самодовольных знатоков всего воистину-де ценного — что западного, что восточного?!

Так вот и живем, с нескрываемом влечением озираясь по чужим сторонам и нежно любя сии очаровывающие с ходу и по ходу стороны, совсем не взирая на свою собственную замшелую-де сторону, не любя ее вовсе, а то и презирая — *из века в век!*

Что ж, может, тут и в самом деле судьба, некий предположенный неизлечимый рок, как и сама сакральная правда, может, и впрямь так вот все и надо — почему нет, коли уж *из века в век?* Да вот как-то страдно-страдательно все получается, жертвенно, кровянисто и мертвенно, да ладно бы по личному судьбинному треку гуманитарных Иных, а то ведь и всей страны тоже, отчего не хватит ли все-таки обольщаться иными сторонами, не пора ли, братья, к своей сторонке оборотиться, в нашем случае, разумеется, *иногуманитарной?!*

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**



Л.А. ТУТОВ, А.А. ИЗМАЙЛОВ

Защитный пояс новой институциональной экономической теории и ключевые направления его развития*

Аннотация. Статья посвящена систематизации основных элементов защитного пояса новой институциональной экономической теории (НИЭТ) как лакатосианской научно-исследовательской программы (НИП), а также выявлению основных направлений его развития, что является вторым этапом применения методологии НИП по отношению к НИЭТ (ранее были установлены положения, формирующие жесткое ядро НИЭТ).

В первой части исследования представлена краткая история развития основных направлений исследований в рамках НИЭТ, формирующих ее защитный пояс. К ним относятся теория транзакционных издержек, теория прав собственности, новая институциональная экономическая история. Во второй части на основании анализа библиометрических показателей подтверждена гипотеза о прогрессивности исследовательской программы НИЭТ. В третьей части выявлены ключевые направления развития защитного пояса НИЭТ, к ним относятся исследования мезоинститутов и гибридных механизмов управления транзакциями.

Ключевые слова: новая институциональная экономическая теория, методология научно-исследовательских программ, защитный пояс, теория транзакционных издержек, теория прав собственности, новая институциональная экономическая история, мезоинституты, гибридные механизмы.

Abstract. The article is devoted to the systematization of the main elements of the protective belt of the new institutional economic theory (NIE) as a Lakatosian scientific research program (SRP), as well as to

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Тутов Л.А., Измаилов А.А. Защитный пояс новой институциональной экономической теории и ключевые направления его развития // Философия хозяйства. 2023. № 4. С. 45—61. DOI: 10.5281/zenodo.8065261.

the identification of the main directions of its development, which is the second stage in the application of the SRP methodology in relation to the NIE (previously, the elements of the NIE's hard core were established).

The first part presents a brief history of the development of the main areas of research within the NIE, which form its protective belt. These include the transaction costs economics, the theory of property rights, the new institutional economic history. In the second part, on the basis of bibliometric analysis, the hypothesis about the progressivity of the NIE research program is confirmed. The third part identifies the key directions for the development of the protective belt of the NIE, which include studies of meso-institutions and hybrid mechanisms for managing transactions.

Keywords: new institutional economics, methodology of scientific research programs, protective belt, transaction cost economics, property rights theory, new institutional economic history, meso-institutions, hybrid arrangements.

УДК 330.8

ББК 65.01

Введение

Проведенные ранее исследования показали, что применение методологии научно-исследовательской программы (НИП), предложенной И. Лакатосом, для систематизации достижений новой институциональной экономической теории (НИЭТ) и определения ее предметного поля может способствовать повышению ее методологического статуса и решению ряда проблем, ограничивающих ее развитие [3].

Согласно концепции, предложенной И. Лакатосом, двумя главными элементами каждой исследовательской программы являются жесткое ядро и защитный пояс [2]. Элементы жесткого ядра исследовательской программы НИЭТ были определены ранее [4], что стало первым этапом применения методологии НИП по отношению к НИЭТ. Целью этого исследования является выявление защитного пояса исследовательской программы нового институционализма.

Именно защитный пояс позволяет идентифицировать границы применения методологии НИЭТ как исследовательской программы. Кроме этого, состояние защитного пояса позволяет судить о методологическом статусе НИП среди других исследовательских программ, определить, является она прогрессивной или вырождающейся.

Ключевые элементы защитного пояса новой институциональной экономической теории

Защитный пояс новой институциональной экономической теории сформировался в результате стремительного расширения применения базовой методологии, разработанной интеллектуальными лидерами и основателями НИЭТ, по отношению к различным проблемам в области экономической науки, а иногда и в смежных областях, таких как социология, политология, история и др.

В результате этого сформировался целый ряд обособленных течений. Например, Э. Фуруботн и Р. Рихтер выделяют следующие направления исследований в рамках НИЭТ: экономическая теория прав собственности, теория трансакционных издержек, теория контрактов, теория организации, экономический анализ права, теория агентских отношений, теория общественного выбора, новая институциональная экономическая история [5].

Наличие множества зачастую слабо связанных друг с другом направлений исследований обуславливает высокую степень неоднородности нового институционализма, осложняющую задачу его предметной идентификации.

Если рассматривать НИЭТ как лакатосианскую исследовательскую программу, то к ее защитному поясу можно отнести лишь те направления исследований, в которых наиболее полно применяется базовая методология, формирующая ее жесткое ядро. Здесь ключевыми направлениями являются теория трансакционных издержек, интеллектуальным лидером которой является О. Уильямсон, новая институциональная экономическая история, основателем которой является Д. Норт, а также экономическая теория прав собственности (А. Алчян, Э. Остром и др.).

Стоит отметить, в ходе проведенного ранее контент-анализа [4] для публикаций, выполненных в рамках этих направлений, ха-

рактарно наиболее частое, по сравнению с другими направлениями исследований, употребление слов, связанных с элементами жесткого ядра НИЭТ.

Для большинства других направлений, включаемых рядом исследователей в НИЭТ (например, Э. Фуруботном и Р. Рихтером [5]), характерны смешение методов и применение подходов, разработанных в рамках других исследовательских программ, например, неоклассики, что может служить одним из оснований для идентификации НИЭТ как надстройки к ней.

Перейдем к более подробному рассмотрению элементов защитного пояса НИЭТ, первым из которых является теория транзакционных издержек. Ее основоположник, О. Уильямсон, в своих исследованиях дополнил и расширил идеи Р. Коуза, изложенные им еще в 1937 г. [9], связанные с установлением роли фирм, а также роли менеджмента в деятельности фирмы. Однако его интерес также пал на проблему вертикальной интеграции, а именно дилемму относительно того, производить ли компании продукт самостоятельно или покупать его на рынке. Он пришел к выводу, что замена рыночного обмена на вертикальную интеграцию может быть не выгодна в силу дополнительных технологических затрат, однако вертикальная интеграция может обладать и рядом преимуществ, таких как расширение инструментов контроля и достижение большей гибкости, играющей важную роль в вопросах разрешения конфликтов [30]. В дальнейшем ученый продолжил развивать вопросы, связанные со стимулами, администрированием и контролем, технологической сложностью, специфичностью активов [27].

Кроме этого, О. Уильямсон уделяет внимание проблемам договорных отношений и их регулирования. Он анализирует эффективность различных типов контрактов и систем управления в условиях неопределенности и необходимости осуществления инвестиций. Причинами вертикальной интеграции, согласно полученным результатам, может выступать необходимость осуществления дополнительных затрат, связанных с проведением транзакций. В результате это положило начало целому ряду исследований, которые расширили и укрепили позиции теории транзакционных издержек. В последующих работах были проанализированы более сложные

структуры, такие как, например, гибридные соглашения [29], за которыми последовали новые эмпирические исследования [13].

Как отмечают К. Менар и М. Ширли [17], дальнейшие исследования в рамках теории трансакционных издержек были связаны с такими проблемами, как антимонопольное регулирование, деятельность франчайзинговых компаний, предоставление коммунальных услуг. Разработанная методологическая основа находит применение в исследованиях влияния финансовых решений на управление компанией, анализе доверительных соглашений и их роли в регулировании и развитии компаний. Помимо этого, одним из наиболее актуальных вопросов является сокращение разрыва между теорией трансакционных издержек и институциональным анализом.

Перейдем к следующему ключевому направлению в рамках НИЭТ и, соответственно, ключевому элементу ее защитного пояса — новой институциональной экономической истории. Взгляды ее основателя — Д. Норта — формировались под влиянием неоклассики, однако в 1968 г. он отходит от стандартных моделей и в своем исследовании, посвященном рынку морских перевозок, устанавливает, что технологические изменения не всегда играли роль в росте производительности. При этом он отметил влияние таких факторов, как сокращение пиратства, концентрация товаров в нескольких крупных портах, развитие более крупных и организованных рынков, которые можно назвать институциональными [20]. Впоследствии он сконцентрировал усилия на разработке институциональной теории, позволяющей объяснить ключевые события американской истории [22]. В дальнейшем ученый аналогичным образом исследовал историю европейских стран и пришел к выводу, что при помощи инструментов неоклассики не представляется возможным объяснить фундаментальные социальные изменения, происходившие в средневековых европейских экономиках [19].

Д. Норт в своих исследованиях стремился к экономическому объяснению временной динамики структуры и показателей, характеризующих экономики различных стран. В итоге он пришел к выводу, что в условиях положительных трансакционных издержек и неопределенности институциональные ограничения оказывают влияние на набор возможностей индивидов, что, в свою очередь, влияет на экономические показатели государства. Качественная институ-

циональная структура здесь может снижать неопределенность и, следовательно, издержки, что положительно отражается на экономическом развитии. Однако в силу высоких политических и экономических транзакционных издержек неэффективные институты могут сохраняться в течение длительного периода времени [26].

В целом концепция новой институциональной экономической истории Д. Норта объединяет в себе изучение взаимодействия политики и экономики в привязке к экономической истории. Ученый опирается на ограниченную рациональность экономических агентов, учитывает роль идеологии и отвергает гипотезы эффективного рынка и рационального выбора.

Как мы отмечали ранее, теория Д. Норта неоднократно подвергалась критике, однако она продолжает развиваться и совершенствоваться, в частности, он обращается к когнитивной науке для улучшения понимания процессов формирования убеждений людей, оказывающих влияние на процессы институциональных изменений [21]. Некоторые ранее разработанные им концепции перерабатываются и усовершенствуются, например, концепция объяснения истории человечества [23].

Перейдем к следующему элементу защитного пояса НИЭТ — экономической теории прав собственности. Права собственности представляют собой один из главных институтов, существующих в обществе. Они оказывают значительное влияние на все сферы жизни общества, и экономика не является исключением. Как отмечают К. Менар и М. Ширли, институты в целом играют роль в анализе экономической деятельности, так как они устанавливают права собственности и обеспечивают их соблюдение [16].

Как и в случае с теорией транзакционных издержек, основы экономической теории прав собственности были заложены Р. Коузом [9] и развиты им в дальнейших работах [8; 10]. Согласно его исследованиям, фактически экономические агенты обмениваются не товарами и услугами, а именно правами собственности.

Концепция Р. Коуза получила дальнейшее развитие в работах А. Алчяна. Он определил права собственности как набор прав, позволяющих использовать и передавать собственность, а также совершать с ней иные допустимые действия [7]. При этом права собственности могут быть как формальными (закрепленными юри-

дически), так и неформальными (например, могут обеспечиваться деловым этикетом).

Одной из центральных проблем для экономической теории прав собственности является выбор между альтернативными режимами использования ограниченных ресурсов. А. Алчиян выделил три возможных режима использования, или разновидности прав собственности: частная, коммунальная и государственная собственность [7]. При режиме частной или государственной собственности у обладателя права есть исключительные полномочия на использование ресурса, иные пользователи исключаются. При коммунальном режиме собственности такими полномочиями обладает группа лиц, что в ряде случаев может быть гораздо эффективнее первых двух вариантов (за исследования в этой области Э. Остром была удостоена Нобелевской премии) [24]. В дальнейшем исследователи выделили четвертый режим собственности — режим свободного доступа, при котором ресурс является общедоступным [18].

Значимость исследования прав собственности для представителей нового институционализма обусловлена тем, что они формируют стимулы для использования ресурсов, производства, обмена, инвестиций. Кроме этого, права собственности играют огромную роль в исследовании транзакций и транзакционных издержек, так как, во-первых, именно с передачей прав собственности связана значительная часть транзакций в рыночной экономике, во-вторых, от спецификации прав собственности зависит уровень транзакционных издержек [16].

На современном этапе ключевыми вопросами для экономической теории прав собственности являются вопросы, связанные с выбором режима прав собственности и переходом от одного режима к другому, спецификацией и передачей прав собственности. Наряду с этим, с правами собственности связаны такие исследовательские вопросы, как внешние эффекты и методы их интернализации.

В этой части были рассмотрены основные элементы защитного пояса НИЭТ. Далее перейдем к библиометрическому анализу, который позволит оценить прогрессивность исследовательской программы НИЭТ.

Анализ библиометрических показателей новой институциональной экономической теории

Согласно методологии научно-исследовательских программ, разработанной И. Лакатосом, все исследовательские программы можно разделить на два типа — вырождающиеся и прогрессивные. Первые стремятся лишь защитить свое ядро от атак со стороны конкурирующих НИП, вторые же активно развиваются, наращивают защитный пояс. Главную роль в развитии прогрессивных исследовательских программ играет позитивная эвристика, которая направляет усилия ученых на развитие старых концепций и получение нового научного знания. Благодаря этому объяснительные и предсказательные способности НИП увеличиваются, как и ее методологический статус. Прогрессивная НИП может эффективно участвовать в борьбе за лидерство между НИП предметной области или же эффективно отражать нападения конкурентов и укреплять свое положение в случае занятия лидирующей позиции.

Проверить гипотезу о прогрессивности исследовательской программы НИЭТ и выявить развитие ее защитного пояса позволяет анализ библиометрических показателей.

В первую очередь рассмотрим количество публикаций, которые в аннотации, ключевых словах и названии содержат следующие фразы: «new institutional economics», «new institutionalism». Сразу стоит отметить, что далеко не все публикации представителей НИЭТ содержат эти фразы в указанных выше разделах, однако динамика их количества является показательной.

Для исследования были использованы данные базы Scopus. По результатам поискового запроса с указанием фраз «new institutional economics» и «new institutionalism» были отобраны соответствующие публикации, первая из них увидела свет в 1981 г. После этого было подсчитано количество публикаций на отрезках длиной в 10 лет. В общем числе публикаций были отдельно выделены журнальные статьи.

Полученные результаты представлены на рис. 1. Согласно им прослеживается тенденция к активному росту числа публикаций из выборки. Это свидетельствует об активном развитии НИЭТ и является аргументом в пользу признания ее исследовательской программы прогрессивной.



Рис. 1. Количество публикаций, содержащих в аннотации, ключевых словах и названии фразы «new institutional economics» и «new institutionalism» (составлено авторами)

Перейдем к следующему этапу библиометрического анализа достижений НИЭТ. В базе Scopus были отобраны публикации, которые в аннотации, ключевых словах и названии содержат ключевые понятия новой институциональной экономической теории, относящиеся к ее жесткому ядру. К таким понятиям относятся следующие: «transaction costs», «contracts», «property rights». Так как исследования новых институционалистов выходят за рамки «чистой» экономической науки, результаты были отражены для трех областей знаний: экономика, менеджмент, социальные науки.

Полученные результаты представлены на рис. 2. Отметим, что полученные цифры по количеству публикаций с большой вероятностью завышены, так как указанные выше понятия могут использоваться и представителями других исследовательских программ, однако не столь активно. Как показывает график, от десятилетия к десятилетию количество исследований, использующих понятийный аппарат НИЭТ, стремительно увеличивается, причем это касается всех рассматриваемых групп статей. Это говорит о том, что расширяется применение методологических подходов, которые входят в состав ядра НИЭТ, следовательно, развивается ее защитный пояс, а саму НИЭТ можно считать прогрессивной НИП.

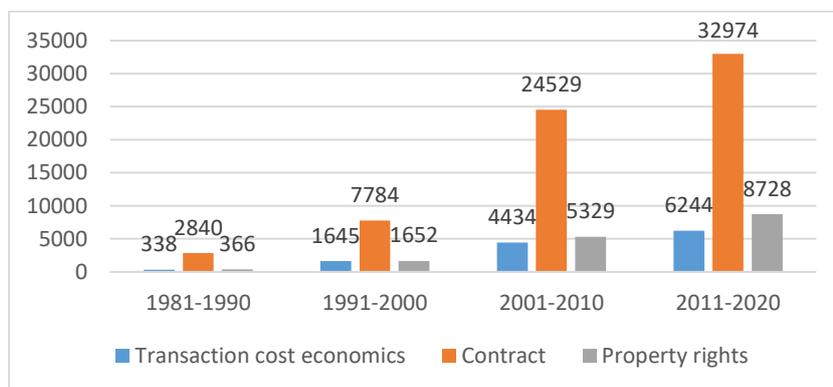


Рис. 2. Количество публикаций, содержащих в аннотации, ключевых словах и названии ключевые понятия нового институционализма (составлено авторами)

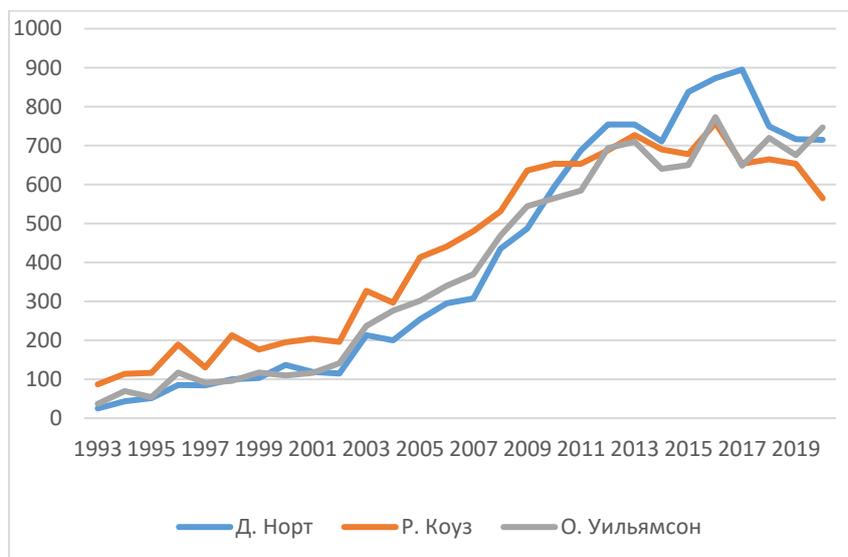


Рис. 3. Динамика количества цитирований публикаций основателей НИЭТ (составлено авторами)

На следующем этапе библиометрического анализа были изучены данные по количеству цитирований работ основателей и интеллектуальных лидеров НИЭТ, в числе которых Р. Коуз, О. Уильямсон, Д. Норт. Данные по количеству цитирований их работ были взяты в базе Scopus, значения показателей были представлены за период с 1993 по 2020 г.

Полученные результаты (рис. 3) говорят о том, что количество цитирований работ основателей НИЭТ растет, но за последние годы несколько снизилось количество цитирований работ Д. Норта и Р. Коуза, однако в целом тренд остается положительным, что еще раз говорит об активном развитии НИЭТ.

Таким образом, проведенный анализ библиометрических показателей показал, что новый институционализм активно развивается, число публикаций его представителей стремительно увеличивается. Это еще подтверждает тот факт, что НИЭТ является прогрессивной исследовательской программой.

Ключевые направления развития защитного пояса новой институциональной экономической теории

Защитный пояс нового институционализма как прогрессивной исследовательской программы активно расширяется. Именно защитный пояс НИЭТ устанавливает границы распространения ее инструментария. В силу высокой изменчивости самого защитного пояса, а также предмета исследований новых институционалистов данные границы изменчивы. Различные исследователи предпринимали попытки их установить, в частности в данной области заслуживает внимания работа К. Менара [14].

Ученый проводит разграничение разработок представителей НИЭТ на микро- и макроуровни. К первым можно отнести исследования в области теории организаций, суть которых заключается в выявлении различных способов организации транзакций, которые формируют структуры экономики. Так как не существует единого универсального механизма организации транзакций, который в любой ситуации был бы оптимальным, представители НИЭТ активно развивают исследования в этой области, направленные на выявление и изучение новых типов организационных механизмов [14].

Первые шаги в данной области были сделаны О. Уильямсом [28; 29]. В ходе дальнейшего развития исследований выяснилось, что главной проблемой здесь является тот факт, что на практике редко встречаются чистые рынки и чистые иерархии. В большинстве случаев применяются гибридные механизмы координации [14].

Такие механизмы представляют высокий исследовательский интерес для ученых еще и в силу того, что их распространение может быть связано с таким фактором, как технологический прогресс. В ранних исследованиях, посвященных вопросам гибридных механизмов, отмечалось, что они могут создавать новые эффективные стимулы для небольших компаний, открывать им доступ к новым технологиям [25]. С учетом цифровизации и активного развития технологических компаний актуальность данного исследовательского вопроса лишь возрастает. Наряду с этим исследователи отмечают эффективность гибридных механизмов, сочетающих в себе механизмы ценовой координации и иерархии в рамках решения экологических проблем, что также крайне актуально в свете тренда перехода к устойчивому развитию [11].

Также одной из причин применения гибридных механизмов может быть изменение в законодательстве, формирующем «правила игры». Компании могут применять гибридные механизмы, чтобы подстроиться под новое законодательство и получить выгоду, или же с целью обойти действующие правила, например, в области налогообложения [12].

Таким образом, вопросы, связанные с гибридными механизмами, являются актуальными, они вызывают высокий интерес исследователей, являющихся представителями НИЭТ. Число исследований в данной области растет, что позволяет отнести ее к позитивной эвристике НИЭТ.

Перейдем к исследованиям на макроуровне. Как отмечает К. Менар, здесь исследования нового институционализма шагнули гораздо дальше объяснений значимости институтов, которые имели место на ранних этапах. На сегодня организационные соглашения встроены в институциональную среду. Более того, ученые признают, что институциональная среда не является однородным слоем. И важной исследовательской задачей К. Менар видит изучение этих

слоев, позволяющее более детально раскрыть, как действуют правила и нормы на каждом слое [14].

В своих работах К. Менар вводит понятие мезоинститутов. Их можно определить как «промежуточные организационные структуры, задачей которых становится реализация разработанных на макроуровне проектов реформ» [1]. От деятельности этих институтов зависит процесс реализации реформ и внедрение новых формальных правил в сформировавшуюся институциональную среду. Мезоинституты определяют способы и принципы применения конкретных правил, а также степень их регуляторного воздействия на экономических агентов, попадающих под влияние конкретного правила. Фактически мезоинституты можно рассматривать как промежуточное звено между уровнем принятия правил и уровнем организационных механизмов, где и проводятся трансакции.

Главной исследовательской задачей в области мезоинститутов, согласно К. Менару, является выявление причин успехов и провалов реформ общественных организаций. Так как принимаемые правила не могут быть директивно внедрены на микроуровне, появляется необходимость в их интерпретации, адаптации и контроле за соблюдением. Успех реализации каждого из этих трех этапов зависит от качества мезоинститутов. В случае низкого качества мезоинститутов может возникать разрыв между декларируемыми правилами и наблюдаемыми в реальной экономике процессами [17].

Кроме этого, важная функция мезоинститутов заключается в информировании экономических агентов на микроуровне относительно принимаемых правил, так как от этого в значительной степени зависит восприятие ими реформ. Для того чтобы реформы воспринимались как легитимные, необходимо доводить информацию о них до всех заинтересованных сторон. Если же этот фактор не учитывать, велика вероятность возникновения дополнительных незапланированных трансакционных издержек, как политических, так и экономических [15].

По мнению некоторых исследователей, концепция мезоинститутов К. Менара является на сегодня наиболее последовательной и разработанной концепцией, внедряющей изучение уровня мезоэкономики в исследования реформ и институционального дизайна [1]. Однако подход, предложенный К. Менаром может претендовать

на замену устоявшейся связки «институциональная среда — институциональные соглашения», предложенной О. Уильямсоном, на связку микро-, мезо- и макроинститутов [6].

Вопрос о необходимости такой замены остается дискуссионным. Как отмечает А.Е. Шаститко, переход к предложенной К. Менаром, концепции является одной из структурных альтернатив развития концептуального ядра НИЭТ, а именно уточнения характеристик институциональной среды с выделением двух ее уровней — мезоинститутов и макроинститутов. С учетом эффекта колеи в развитии науки решение этой задачи может потребовать достаточно длительного промежутка времени. Тем не менее разработки К. Менара сфокусировали внимание исследователей на важном аспекте, оказывающем значительное влияние на экономическую, политическую и социальную ситуацию. И этот аспект длительное время оставался неразработанным, особенно в прикладном плане [6], что потенциально открывает широкое поле для будущих исследований представителей нового институционализма и для развития защитного пояса НИЭТ. На основании этого исследования мезоинститутов также можно отнести к позитивной эвристике НИЭТ.

Заключение

Подводя итог, еще раз отметим, что защитный пояс НИЭТ сформировался в результате стремительного расширения применения базовой методологии, разработанной ее интеллектуальными лидерами и основателями НИЭТ. В результате этого сформировался целый ряд обособленных течений, входящих в состав нового институционализма. Основными направлениями являются теория трансакционных издержек, новая институциональная экономическая история, а также экономическая теория прав собственности.

Защитный пояс нового институционализма активно расширяется, что позволяет сделать вывод о том, что НИЭТ является прогрессивной исследовательской программой. В рамках исследования это было подтверждено библиометрическим анализом числа публикаций, представленных в базе Scopus, который показал рост числа публикаций, в которых применяется базовая методология НИЭТ, а также содержатся ссылки на работы интеллектуальных лидеров НИЭТ.

Важную роль в развитии защитного пояса НИЭТ играет позитивная эвристика, в качестве ее элементов были рассмотрены исследования в области гибридных механизмов и мезоинститутов.

Литература

1. *Круглова М.С.* Теория мезоинститутов Клода Менара и её использование в институциональном дизайне // *Journal of Institutional Studies*. 2018. № 3. С. 49—57.
2. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995.
3. *Тутов Л.А., Измайлов А.А.* Методология научно-исследовательских программ как инструмент для решения современных проблем экономической науки // *Философия хозяйства*. 2022. № 4. С. 89—106.
4. *Тутов Л.А., Измайлов А.А.* Применение контент-анализа для выявления жесткого ядра новой институциональной экономической теории // *Философия хозяйства*. 2022. № 6. С. 93—110.
5. *Фуруботн Э., Рихтер Р.* Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005.
6. *Шаститко А.Е.* Мезоинституты: умножение сущностей или развитие программы экономических исследований? // *Вопросы экономики*. 2019. № 5. С. 5—25.
7. *Alchian A.* Some Economics of Property Rights // *Politico*. 1965. No. 30. P. 816—829.
8. *Coase R.H.* The Federal Communications Commission // *The Journal of Law and Economics*. 1959. No. 2. P. 1—40.
9. *Coase R.H.* The Nature of the Firm // *Economica*. 1937. No. 4. P. 386—405.
10. *Coase R.H.* The Problem of Social Cost // *The Journal of Law and Economics*. 1960. No. 3. P. 1—44.
11. *Galli A.M., Fisher D.R.* Hybrid Arrangements as a Form of Ecological Modernization: The Case of the US Energy Efficiency Conservation Block Grants // *Sustainability*. 2016. No. 8.

12. *Hardeck I., Wittenstein P.* Assessing the Tax Benefits of Hybrid Arrangements. Evidence from the Luxembourg Leaks // *National Tax Journal*. 2018. No. 2. P. 295—334.
13. *Menard C.* Hybrid Modes of Organization: Alliances, Joint Ventures, Networks, and Other ‘Strange’ Animals’ // *The Handbook of Organizational Economics* / R. Gibbons, J. Roberts (eds.). Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012.
14. *Menard C.* Research frontiers of new institutional economics // *RAUSP Management Journal*. 2018. No. 53. P. 3—10.
15. *Menard C., Jimenez A., Tropp H.* Addressing the policy-implementation gaps in water services: the key role of meso-institutions // *Water International*. 2017. No. 43 (1). P. 13—33.
16. *Menard C., Shirley M.* *Advanced Introduction to New Institutional Economics*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2022.
17. *Menard C., Shirley M.* The future of new institutional economics: From early intuitions to a new paradigm? // *Journal of Institutional Economics*. 2014. No. 10 (4). P. 541—565.
18. *Merill T.* The Demsetz Thesis and the Evolution of Property Rights // *The Journal of Legal Studies*. Vol. 31. No. 52. 2002.
19. *North D.C.* Douglass C. North, the Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 1993: Autobiography // *The Nobel Foundation*. 2010.
20. *North D.C.* Sources of Productivity Change in Ocean Shipping, 1600–1850 // *The Journal of Political Economy*. 1968. No. 76 (5). P. 953—970.
21. *North D.C.* *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005.
22. *North D.C., Davis L.* *Institutional Change and American Economic Growth*. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
23. *North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R.* *Violence and Social Order: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. NY: Cambridge University Press, 2009.
24. *Ostrom E.* *Governing the Commons*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
25. *Powell W.* Hybrid organizational arrangements: new form or transition // *California management review*. 1987. No. 30 (1).

26. *Richter R.* The New Institutional Economics: Its Start, its Meaning, its Prospects // *Eur Bus Org Law Rev.* 2005. No. 6. P. 161—200.
27. *Williamson O.E.* *Markets and Hierarchies: Analysis and Anti-trust Implications*, New York, NY, Free Press, 1975.
28. *Williamson O.E.* *The economic institutions of capitalism*. NY: The Free Press-Macmillan, 1985.
29. *Williamson O.E.* *The Mechanisms of Governance*. Oxford: Oxford University Press, 1996.
30. *Williamson O.E.* The Vertical Integration of Production: Market Failure Considerations // *American Economic Review.* 1971. No. 61. P. 112—123.

References

1. *Kruglova M.S.* Teoriya mezoinstitutov Kloda Menara i ee ispol'zovanie v institutsional'nom dizayne // *Journal of Institutional Studies.* 2018. № 3. S. 49—57.
2. *Lakatos I.* *Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh programm*. M.: Medium, 1995.
3. *Tutov L.A., Izmaylov A.A.* Metodologiya nauchno-issledovatel'skikh programm kak instrument dlya resheniya sovremennykh problem ekonomicheskoy nauki // *Filosofiya khozyaystva.* 2022. № 4. S. 89—106.
4. *Tutov L.A., Izmaylov A.A.* Primenenie kontent-analiza dlya vyyavleniya zhestkogo yadra novoy institutsional'noy ekonomicheskoy teorii // *Filosofiya khozyaystva.* 2022. № 6. S. 93—110.
5. *Furubotn E., Rikhter R.* *Instituty i ekonomicheskaya teoriya. Dostizheniya novoy institutsional'noy ekonomicheskoy teorii*. SPb.: Izdatel'skiy dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005.
6. *Shastitko A.E.* Mezoinstituty: umnozhenie sushchnostey ili razvitie programmy ekonomicheskikh issledovaniy? // *Voprosy ekonomiki.* 2019. № 5. S. 5—25.

Д.К. СТОЖКО, К.П. СТОЖКО

**Философия креативной стоимости в современном
информационном обществе***

Аннотация. В условиях постиндустриализма изменяются содержание и характер труда и создаваемой им стоимости. Трудовая стоимость во все большей степени становится результатом не физического, а умственного (интеллектуального) труда, причем творческого (креативного) труда. Соответственно и трудовая стоимость оказывается не абстрактной величиной — средних затрат общественно-необходимого физического труда, а синергетическим результатом интеллектуальной и творческой деятельности человека. Именно этот компонент труда — креативность и связанные с нею — совершенство, неповторимость, уникальность сегодня определяют социальную и профессиональную востребованность самих работников. Поэтому актуальным и своевременным является анализ социально-онтологических оснований нового качества трудовой стоимости в современных условиях.

Ключевые слова: абстрактный труд, конкретный труд, креативная стоимость, меновая стоимость, общественно-необходимый труд, полезность, потребительная стоимость, товар, трудовая стоимость, ценность.

Abstract. Under the conditions of post-industrialism, the content and nature of labor and the value it creates are changing. Labor value is increasingly becoming the result of not physical, but mental (intellectual) labor, moreover, creative (creative) labor. Accordingly, the labor cost turns out to be not an abstract value — the average cost of socially necessary physical labor, but a synergistic result of a person's intellectual and creative activity. It is this component of labor — creativity, and the perfection, originality, uniqueness associated with it — that today determine the social and professional demand for the workers themselves.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Стожко Д.К., Стожко К.П. Философия креативной стоимости в современном информационном обществе // Философия хозяйства. 2023. № 4. С. 62—81. DOI: 10.5281/zenodo.8065323.

Therefore, the analysis of the socio-ontological foundations of the new quality of labor value in modern conditions is relevant and timely.

Keywords: abstract labor, concrete labor, creative value, exchange value, socially necessary labor, utility, use value, commodity, labor value, value.

УДК 165.23
ББК 87.25

Социально-философский и политико-экономический анализ феномена трудовой стоимости, данный в свое время К. Марксом применительно к индустриальному обществу второй половины XIX в., вновь оказывается в фокусе научных исследований в контексте формирования новой реальности и глубокого геополитического и социально-экономического кризиса, переживаемого человечеством. Целью данного исследования является философский анализ нового качества трудовой стоимости, формирующейся в условиях перехода к новой социальной реальности.

С философского угла зрения феномен трудовой стоимости может быть рассмотрен *а)* в контексте теории отражения действительности и *б)* в контексте теории репрезентации. В рамках первой теории познания стоимость представляет собой не самостоятельную сущность, а всего лишь отражение этой сущности в определенном феномене — общественно необходимом труде. Этот труд присутствует в товаре абстрактно, т. е. идеально, и не может быть сведен к полезности (потребительная стоимость) или к способности данного товара к обмену на другой товар (меновая стоимость). В рамках философского дискурса такое сведение означало бы отождествление всеобщего и частного, т. е. редукцию.

В рамках теории репрезентации феномен стоимости трактуется как суждение о презентации (представлении). Стоимость на поверхности экономических отношений, т. е. в сфере обмена и потребления представлена в своих формах меновой и потребительной стоимостей. Следовательно, судить о стоимости непосредственно нельзя, можно лишь выносить суждения о ее превращенных формах. Но такой подход, по сути, ведет к подмене сущности формой, т. е. с методологической точки зрения он не корректен. Так, в рам-

как теории репрезентации стоимость отождествляется либо с затратами, либо с полезностью. В европейской научной традиции преобладает второй вариант. Его «отцами-основателями» являются представители австрийской (Венской) школы экономики (Е. Бем-Баверк, К. Менгер, Ф. Визер), которые свели стоимость к полезности (ценности). В частности, К. Менгер фактически трактовал феномен стоимости как *представление* о важности благ, как характеристику того, насколько важны для нас отдельные товары (или наборы товаров), когда мы осознали, что без владения этими товарами невозможно удовлетворить наши потребности. Он отмечал: «То обстоятельство, что благо имеет для нас ценность, заключается в том, что наличность его в распоряжении имеет для нас значение удовлетворения потребности, которая без того не была бы удовлетворена» [15, 130].

Однако обратим внимание на то обстоятельство, что само понятие «стоимость» в заглавии книги К. Менгера обозначено термином «*value*», что в буквальном переводе означает «ценность», или «переменная» стоимость. Этот же термин широко используется и в современной литературе [25, 819]. Однако в строгом смысле слова для обозначения стоимости в современном научном лексиконе по существу нет адекватного термина, что само по себе удивительно, поскольку трудовая теория стоимости, равно как и иные ее теории, давно разработаны. Чаще всего экономисты используют термин «*cost*», хотя этот термин ассоциируется с понятиями «неизменный», «стабильный», «твердый» и т. д. Кроме того, этот термин широко применяется для обозначения затрат (издержек). В научном лексиконе типичными являются термины «*marginal costs*» — предельные издержки», «*explicit costs*» — «явные издержки», «*implicit costs*» — «скрытые издержки», «*opportunity costs*» — «издержки утраченных возможностей» и т. д.

Однако он же применяется и для обозначения «стоимости», в связи с чем стоимость отождествляется с издержками производства. Например, А. Алчиан (США) в 1968 г. издал известную работу под названием «Стоимость», в которой четко заявил: «В экономической теории стоимость (*cost*) чего-либо есть неизбежно отвергаемая наилучшая возможность (*hignest-valued opportunity necessarily forsaken*). Полезность концепции стоимости является логическим

следствием выбора среди доступных вариантов. Только при отсутствии возможных вариантов или при достаточном для удовлетворения потребностей желаний всех людей количестве доступных ресурсов, так что все блага были бы свободными, понятия стоимости и выбора были бы не нужны» [2, 401]. Это суждение свидетельствует о том, что стоимость рассматривается американским исследователем как некое социальное отношение (альтернатива), как выбор (альтернативная стоимость), который люди осуществляют в пользу того или иного сценария поведения. Но такой подход — скорее исключение из общего правила.

Само же «правило» — отождествление стоимости и полезности — отстаивал и представитель кембриджской научной школы А. Маршалл, который еще в 1890 г. издал свое сочинение «Принципы экономической науки», где рассматривал стоимость как полезность. Глава VI книги I этого сочинения так и называлась «Полезность и стоимость», причем в тексте главы термин «стоимость» не был употреблен ни разу [14, 191—207]. Зато использовался новый термин — «добавочная полезность». В своем «преобразованном» виде — «добавочная стоимость» — этот термин закрепился в науке благодаря Д. Стерну [1, 20]. В 1939 г. в свет вышла фундаментальная работа Дж.Р. Хикса «Стоимость и капитал», в которой подход, отождествлявший стоимость и полезность, был объявлен «последним словом науки» [27, 103].

Вместе с тем, встает вопрос о том, какую именно сущность отражает стоимость. Иначе говоря, встает вопрос о соотношении понятий «стоимость» и «труд». Несмотря на имеющиеся в науке попытки рассматривать труд как «анти-ценность» [21; 28], определенный интерес представляет рассмотрение сущности трудовой стоимости в контексте информационного характера современной экономики как «информационной стоимости» и в качестве «отрицательного вклада в энтропию» [5, 33—34].

Трудовая теория стоимости, разработанная К. Марксом, основана на том, что стоимостью продукта (товара) является общественно-необходимый труд, представленный в нем. При этом К. Маркс также связывал общественно-необходимый труд и общественно-необходимое рабочее время с созданием потребительной стоимости: «Общественно необходимое рабочее время есть то ра-

бочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда» [13, 47].

Учение К. Маркса о двойственном характере труда, которое он сам считал едва ли не главной своей научной заслугой, внутренне также оказалось двойственным. Сосредоточившись на поиске количественных критериев общественно-необходимого труда, К. Маркс «отвлекся» (абстрагировался) от качества труда. И здесь необходимо отметить два важных обстоятельства. Во-первых, количественное определение общественно-необходимых затрат может быть разным и трактоваться неоднозначно. В истории политической экономии существовало как минимум шесть вариантов их определения, не говоря уже об оценке факторов формирования общественно-необходимых затрат труда [17, 99]. Во-вторых, качество труда непосредственно оказывает свое воздействие и на его количественные значения (в полном соответствии с известным законом перехода количественных изменений в качественные). И этот переход связан с использованием определенной терминологии, которая обозначает наличие рассматриваемых затрат в продукте. На этот счет также существуют разночтения: общественно-необходимые затраты труда в качестве стоимости продукта (товара) в нем присутствуют, представлены, опредмечены, воплощены, кристаллизованы, концентрированы. Разные термины по-разному характеризуют *состояние* стоимости.

Есть и еще одна проблема: если стоимость тождественна общественно необходимым затратам труда, которые измеряются общественно необходимым рабочим временем, то как же конкретно она с этим временем соотносится, какая здесь связь — прямая или обратная? К. Маркс писал: «Чем больше производительная сила труда, тем меньше рабочее время, необходимое для изготовления известного изделия, тем меньше кристаллизованная в нем масса труда, тем меньше его стоимость» [13, 49]. Но буквально через несколько страниц читаем иное: «Следовательно, один и тот же труд в равные промежутки времени создает всегда равные по величине стоимости, как-бы не изменялась его производительная сила» [13, 55]. Но если труд вдруг становится более производительным, он

перестает быть «одним и тем же», т. е. тождественным по отношению к менее производительному труду. Это уже труд другого количественного и качественного характера. Он — труд — не «тот же», не одинаковый, не тождественный прежнему труду, а более интенсивный, лучше организованный, а значит и качественно иной. Точно также как гнилой помидор — это не одно и то же, что спелый помидор, производительный труд — не одно и то же, что непроизводительный труд. И хотя в обоих случаях труд — это просто затрата физической, умственной и нервной энергии в целесообразной форме и ничего более, но характер затрат этих видов энергии, а значит и их качество и количество меняются. В одном случае человек затрачивает меньше энергии, в другом — больше, в одном — больше нервной, в другом случае — больше физической и т. д. Отсюда следует, что труд по своему характеру, содержанию и качеству в каждом случае разный.

Следовательно, и стоимость в каждом случае разная. Противоречивость суждений К. Маркса объясняется его абстрагированием (отвлечением) от качественной предметности самого труда как такового. И это беспредметное (отвлеченное) понимание труда как раз и вело к тому, что сначала К. Маркс заявлял, что чем больше производительная сила труда, тем меньше стоимость, а потом вдруг сам же себя и поправлял, утверждая, что какой бы производительностью не обладал труд, стоимость остается неизменной.

Это позволяет сделать вывод о том, что суждение, согласно которому «изменение производительной силы само по себе не может затрагивать труда, поскольку происходит отвлечение от его конкретной полезной формы» [13, 55] — это, в свою очередь, крайне «отвлеченное» и умозрительное суждение. Производительная сила труда отнюдь не свидетельствует о его «полезной форме». Например, производительная сила труда не всегда тождественна его целесообразности и даже полезности. В этой связи можно, например, отметить, что «трудоголизм» — это своего рода болезнь, которая ведет к профессиональному и эмоциональному «выгоранию» человека. Следовательно, производительная сила труда — это характеристика не конкретного труда, а абстрактного труда, труда в целом. Но на уровне «конкретного» труда производительная сила предстает перед нами как *производительность* труда. Между собой

эти понятия — «производительная сила труда» и «производительность труда» — соотносятся как *сущее* и *должное*, как потенция и актуальность. Из потенции производительная сила труда превращается в актуальность — производительность труда. В этом, по большому счету, и состоит различие между «абстрактным» и «конкретным» трудом. Но у К. Маркса об этом ничего не говорится. Хотя можно было бы использовать терминологию И. Канта и определить «абстрактный» труд как «в себе», как проект труда, его замысел, а «конкретный» труд — как труд «в его инобытии», как осуществленный проект [13].

Полагая невозможным охарактеризовать стоимость через понятие производительной силы «абстрактного» труда количественно, К. Маркс категорически отрицал также и возможность охарактеризовать «абстрактный» труд со стороны качества. Но тогда возникает вопрос: не подменял ли автор «Капитала» диалектический метод исследования стоимости номиналистическим подходом? Ведь стоимость, взятая вне качественных и количественных характеристик труда, оказывается фантомной, ноуменальной.

Попытку логически закрепить тезис о неизмеримости стоимости предпринял лидер лозаннской школы экономики В. Парето. Он также, как и многие европейские экономисты, отождествлял стоимость и полезность, но вместо полезности предложил использовать другой термин — «*шкала предпочтений*». Его система доказательств неизмеримости полезности оказалась в противоречии с системами доказательств измеримости полезности А. Маршалла, Л. Вальраса, Ф. Эджуорта и др. Таким образом, хочет это кто-то признавать или нет, ожесточенная идейная борьба между «кардиналистами» и «ординалистами» стала прямым следствием марксистского учения о двойственном характере труда.

В этой связи представляется рациональным развести социальное и техническое понимание стоимости. Социальное понимание стоимости связано с представлением о ней как о социальном отношении — отношении между людьми по поводу создания стоимости. Техническое понимание стоимости связано с отношением работника к предмету своего труда, т. е. сводится к технологии его производства. На поверхности явлений такое техническое понимание стоимости выступает как отношение одного товара к другому това-

ру (меновая стоимость) и не более. Но такое различие в понимании стоимости в условиях рыночной (капиталистической) экономики всегда было и будет оставаться впредь условным, поскольку рабочая сила в этих условиях сама оказывается товаром.

У К. Маркса читаем: «Стоимость [Wertgegenständlichkeit] товаров тем и отличается..., что не знаешь, как за нее взяться. В прямую противоположность чувственно грубой предметности товарных тел, в стоимость [Wertgegenständlichkeit] не входит ни одного атома вещества природы. Вы можете ощупывать и разглядывать каждый отдельный товар, делать с ним что вам угодно, он как стоимость [Wertding] остается неуловимым. Но если мы припомним, что товары обладают стоимостью постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства — человеческого труда, что их стоимость [Wertgegenständlichkeit] имеет поэтому чисто общественный характер, то для нас станет само собой понятным, что и проявляться она может лишь в общественном отношении одного товара к другому» [13, 56].

Это, пожалуй, самый известный фрагмент текста I тома «Капитала», касающийся понимания стоимости у К. Маркса. Здесь, помимо всего прочего, обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, разные термины, которые автор использует для обозначения стоимости: «wertgegenständlichkeit» и «wertding». Во-вторых, тезис о том, что стоимость — это выражение общественно-го характера труда.

Однако вопрос все еще остается открытым: каково же соотношение стоимости и труда? К. Маркс утверждал, что «сам труд не есть стоимость. Стоимостью он становится в застывшем состоянии, в предметной форме» [13, 60]. Но если «абстрактный» труд беспредметен, лишен качественных и количественных характеристик, то, как можно его выявить в «застывшем состоянии», да еще в «предметной форме»? Используя индукцию и дедукцию, интериоризацию и экстериоризацию, К. Маркс рассуждал формально об «особой предметности» стоимости, но в конце концов сводил ее к меновым пропорциям.

В связи с вышеизложенным представляется необходимым исследование соотношения *стоимости* и *труда* не как соотношения товаров между собой, а как скрытого за этим социального (социаль-

но-трудового) отношения между субъектами хозяйственной деятельности. В связи с этим, учитывая особенности экономики информационного типа, исследователи выделяют «информационную» стоимость [9; 22]. Однако правомерно выделение и других модальностей стоимости: «инновационной» стоимости и «креативной» стоимости. Это связано с тем, что в структуре общественно необходимого труда, создающего стоимость, все большую роль начинает играть не репродуктивный, а творческий труд. Это обусловлено постепенным исчерпанием ресурсов, переходом к новому технологическому укладу и к модели «быстрореагирующего производства» (Р. Сури). По большому счету, эти обстоятельства связаны с ростом неопределенности и нестабильности современных экономических систем [11] и диктуют необходимость постепенного сокращения доли репродуктивного труда в структуре совокупного труда и его замены трудом творческим.

И здесь необходимо соотнести понятия «творчество» и «креативность». Понятие «творчество» более старое. Проблемами творчества занимались еще древнегреческие ученые. Смысл творчества они усматривали в переводе предмета из небытия в бытие, в осуществлении, в делании (*poiesis*) [3, 490]. Развивая эти представления, И. Кант пришел к выводу о том, что творчество есть перевод предмета из сферы бессознательного в сферу сознания [24, 642]. Далее появились «частные» концепции творчества. Например, отождествление творчества и изобретательства (Ч. Пирс, Дж. Дьюи), творчества и переживания, творчества и экзистенции (Н. Бердяев, А. Камю) и т. д.

Что касается термина «креативность», то он появился относительно недавно и до сих пор окончательно не оформился. Существует большое разнообразие в понимании креативности [16, 37]. *Креативность* трактуется либо как «способность к преобразованию, приумножению информации» [30, 96.], либо как способность к композиции, импровизации нового со старым [31, 21], либо как стремление к переменам [29]. Однако многие авторы как в нашей стране (Т.А. Барышева, Л.С. Выготский, В.Н. Дружинин, О.М. Дьяченко, Ю.А. Жигалов, Л.Д. Лебедева, С. Медник, А.В. Морозов и др.), так и за рубежом (Д. Аустин, Ф. Бэррон, Дж. Гилберт, А. Кестлер, Р. Кратчфилд, А. Маслоу, Р. Мэй, Х. Кребс, К. Роджерс,

Э. Торранс, К. Тэйлор и др.), по существу отождествляют понятия «творчество» и «креативность». Отдельно можно отметить и исследования в области креативного характера труда (Г.Л. Ильин, С.П. Колпакова, В.Т. Рязанов, Т.Ю. Сидорина, Т.Д. Степанова и др.). Однако данное понятие требует дальнейшего уточнения.

Вместе с тем, творческий труд не мыслим без творческого сознания. Творческое, или, если следовать логике исследователей данной проблематики, «*креативное*» сознание — это сознание, преобразующее внешнюю энергию (космоса) в духовную (внутреннюю) энергию личности [18, 18]. Именно креативное сознание создает и творческое состояние, которое выступает субъективной стороной творчества и рассматривается как особое психическое состояние человека [20, 109].

На наш взгляд, креативное сознание человека связано с продуктивно-творческими способностями личности и, в первую очередь, с продуктивно творческим воображением. Фантазирование, конструирование идеальных образов, обобщение и систематизация, импровизация и теоретическое моделирование — это признаки продуктивно творческого воображения. Однако творческий труд и креативное сознание — это не одно и то же. Деятельность (работа) нашего сознания — это идеальная (интеллектуальная) деятельность. Ее роль в создании стоимости в информационном обществе постоянно растет. Но интеллектуальная деятельность не всегда ведет к созданию более *совершенных* образцов и образов, поскольку труд (в том числе и интеллектуальный), как известно, может быть и бесполезным, и даже вредным. Поэтому необходимо определенное уточнение: креативный труд — это особый вид творческого труда. Этот труд всегда общественно полезный, поскольку он создает новое качество, более высокую степень полезности. Одновременно креативный труд создает и новую — креативную — стоимость. Иначе говоря, креативный труд, в отличие от инновационного труда (который тоже может рассматриваться как труд творческий), имеет своим результатом более совершенный, чем прежде, продукт.

В условиях информационного общества стоимость перестала быть «простым» понятием, в котором отражался бы абстрактный однородный, лишенный каких бы то ни было качественных признаков труд. Современное общество и сфера хозяйства переживают

качественные изменения, которые не могут не отражаться на стоимости как характеристике современного труда. Одними из таких качественных изменений являются рост интеллектуального характера труда, его масштабов, превращение интеллектуальной деятельности едва ли не в универсальную характеристику современного труда, а значит и абстрактного труда. Обращая внимание на это обстоятельство, Н. Винер писал: «В настоящее время изобретение теряет свою специфичность товара перед лицом всеобщей интеллектуальной организации по производству изобретений» [6, 132]. Рассматривая интеллектуальный труд как своеобразную «отделку» товаров, в отличие от креативного труда как способа создания «совершенных» товаров, он отмечал, что в силу игнорирования различия между этими двумя типами стоимости были потеряны большие состояния [6, 133].

В целом же, творческий труд как источник стоимости в условиях информационного общества может рассматриваться как фактор, снижающий энтропию. «Мы погружены в жизнь, где мир в целом подчинен второму закону термодинамики: беспорядок увеличивается, а порядок уменьшается. В мире, где энтропия в целом стремится к возрастанию, существуют местные и временные островки к уменьшающейся энтропии и наличие этих островков дает некоторым из нас возможность доказывать наличие прогресса» [6, 40].

Но прогресс связан не с репродуктивным трудом, а как раз с творческим трудом, в структуре которого особую роль играет фактор креативности. По существу, креативность есть отражение продуктивно творческих субъектных сил и способностей человека как субъекта труда. И в этой связи следует иметь в виду, что «всякое расширение понятия делает неточным его обычное употребление» [12, 31]. Тем не менее, как считает Т. Кун, ученым необходимо изменить свое понятие о сущностях, с которыми оно давно сроднилось, и в процессе этой перестройки внести видоизменения и в теоретическую схему, сквозь которую они воспринимают мир [12, 30—31].

Изменение научного представления о сущности феномена стоимости и «абстрактного» труда предполагает исследование субъекта труда в контексте субъект-субъектных и субъект-

объектных взаимосвязей. «*Отношение к другому* — это точка зрения сознания человека, захваченного вещественностью предмета. *Отношение к самому себе* — позиция субъекта как знающей себя социальности» [8, 409]. В рамках этих взаимосвязей субъект творческого труда все в большей мере становится не просто носителем информации, но и непосредственным участником духовного производства. Сама природа креативности обусловлена тремя основными проявлениями субъектности личности: а) самоидентификацией, б) самоопределением и в) самореализацией. Можно сделать вывод о том, что полная самореализация личности может быть обеспечена только в том случае, если сама личность действует как субъект социального творчества.

Понятие субъектности определяется как «форма социальной активности, которая характеризует личности и коллективы в следующих аспектах: как способность к самоопределению и самоорганизации, самоуправлению и нормотворчеству; как реальные полномочия в реализации общественно значимых потребностей, интересов и целей; как реальная власть над природными, психическими и социальными силами» [7, 311].

Диалектическая связь субъектности и креативности опосредует характер всеобщего (абстрактного) труда в условиях информационного общества больше, чем когда-либо прежде. Сложность этой детерминации хорошо видна в споре конвенционалистов и инструменталистов. С позиций инструментализма творчество сводится к созданию новых инструментов и способов решения новых задач. Тем самым, речь идет о технологическом детерминизме. С позиций конвенционализма подлинный прогресс является кумулятивным, но возможен он лишь в практической сфере человеческой деятельности (т. е. в сфере материального труда). Изменения на теоретическом уровне, т. е. в сфере духовного производства, носят все тот же инструменталистский характер [12, 462—463].

Обе точки зрения не приемлемы для понимания креативной стоимости и креативного труда, поскольку креативная стоимость есть *идеальное* (теоретическое) отражение *идеального* (абстрактного) труда. Следовательно, с позиций конвенционализма и инструментализма ничего принципиально нового в феномене стоимости также быть не может. Получается парадокс: характер труда изменя-

ется, прогресс осуществляется, а представления о стоимости остаются незыблемыми, словно она «высечена из единого куска стали». Но из такого «куска» высекается ортодоксия.

Преодоление ортодоксии в понимании стоимости не может быть осуществлено без понимания ее внутренней диалектики. В частности, без понимания растущей роли творческого труда в ее образовании и без понимания соотношения *инновационного* и *креативного* моментов в самом творческом характере труда.

В современных условиях проблематика инновационного труда разрабатывается достаточно подробно. Инновационный характер труда связывается именно с фактором обновления. Еще в середине XX в. американский исследователь Р. Уотермен предложил своеобразные комбинированные схемы факторов инновационной деятельности «7 — С» и «7 — К». Первая схема касалась организации инновационной деятельности и включала такие компоненты, как 1) структура, 2) способности, 3) совместимые ценности и культуру, 4) символика поведения, 5) состав, 6) системность. Вторая схема касалась планирования инновационной деятельности и включала 1) коммуникации, 2) контроль, 3) мотивы и приверженность, 4) шанс и информацию, 5) совместные ценности и культуру и 6) навыки и способности. В этих схемах совместные ценности и культура, а также навыки и способности были общими для организационной и плановой схем инновационной деятельности [23, 80]. На основе общности двух указанных компонентов было сконструировано так называемое «колесо обновления», которое, как полагали ученые, позволит обеспечить гарантию повышения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов за счет постоянного обновления. Главным в этом тезисе была идея о «самоуправляемой самостоятельности». Но цели субъектам инновационной деятельности в этих схемах все-таки задавались *извне*, в частности, рыночной конъюнктурой. Получалось, что не объективно необходимый «абстрактный», «идеальный» труд определяет хозяйственную деятельность участников инновационного процесса, а спрос и предложение, т. е. внешние силы, которым приходится подчиняться. Человек в такой интерпретации отношения стоимости оказывался объектом, а не субъектом деятельности, превращался в марионетку, которой можно манипулировать.

Проявлениями манипулирования в сфере инновационной деятельности стали упадок научно-исследовательской работы, акцент на маркетинговые технологии (в области продвижения товара к потребителю) и создание товаров с весьма сомнительными свойствами. Вместо идеи повышения качества продукта возобладала идея о том, что «маркетинг — ключ к успеху». Научно-обоснованное понимание характера труда, необходимого для формирования общественной стоимости, оказалось постепенно подмененным представлениями о том, что задача состоит в реализации продукта потребителю любыми средствами и любой ценой. Экономика постепенно стала превращаться в *хрематистику*, о которой когда-то писал Аристотель. Масса бесполезных «усовершенствований» как результат инновационной деятельности только способствовала росту цен и прибылей производителя, но не имела никакого отношения к росту качества самого продукта и качества жизни людей в целом.

Так, сегодня очевидно, что «число новых продуктов, получивших признание потребителей, резко увеличилось. Некоторые из них были действительно улучшены, но были и сомнительные новшества, например, зубная паста с полосами или автомобили со все большими ребрами радиатора» [26, 54]. Благодаря технологическим новациям многим фирмам удалось на протяжении десятилетий удерживать лидерство в производстве тех или иных товаров и услуг. Но технологии имеют свой предел «либо в виде предела для конкретной технологии, например, максимально возможной плотности элементов на кремниевом кристалле, либо в виде последовательности пределов для нескольких технологий, которые образуют более крупную технологию, продукт или метод ведения дел. Все знают о существовании технологических пределов, но нередко компании не распознают их и не сообразуются с ними. Тех, кто не осознал идеи предела, перемены застают врасплох» [26, 35, 37].

Инновационный труд — это, прежде всего, труд, основанный на новых технологиях и обращенный на развитие таких технологий. Инновационная модель труда не учитывает того обстоятельства, что решающую роль всегда играет все-таки «человеческий фактор», а именно креативные способности самого человека. Ставка на технологический детерминизм оказалась обусловленной тем, что современное постиндустриальное общество «потеряло “инстинкт опасно-

сти”, который сохранился в “отсталых”, “крестьянских” обществах... Мы начинаем оценивать это лишь сегодня, когда сами выбросили это преимущество на помойку» [10, 54].

Инстинкт, предчувствие, наитие, вдохновение, талант — это далеко не полный перечень проявлений креативности как таковой. И, в отличие от идей максимизации прибыли, извлечения выгоды или расширения власти, свойственных инновационно-технологической модели труда, в креативной модели труда доминантами выступают духовность, красота и человечность.

Технологизм и инновационность сами по себе, лишённые духовных, морально-нравственных детерминант, способствуют только деградации человека. Именно в силу технологического детерминизма и собственной инновационной «зашоренности» «человек гораздо более реализует в себе образ звериный, чем образ Божий... Ужасен не зверь в человеке, а человек, ставший зверем. Зверь безмерно лучше звероподобного человека» [4, 427—428].

Убедительным доказательством несамодостаточности инновационной модели труда в понимании его творческого характера является тот факт, что новые технологии не избавили человечество от социальных бед. На протяжении XX в. оно пережило две мировые войны, которые способствовали подъёму инноваций и технологий, но принесли людям огромные жертвы, не дав им ни счастья, ни уверенности в своем будущем. Ещё более тревожным и драматичным оказывается XXI в.

Отсюда следует, что сам по себе фактор обновления ещё не достаточен для выработки универсальных представлений о сущности творческого труда и креативной стоимости, а, точнее, о выражаемой через них объективной реальности. Необходимы ещё «работа со смыслами» (В.С. Соловьев) и «духовное делание» (И.А. Ильин).

Современное общество — это «общество риска» (У. Бек), в котором постоянно возрастают турбулентность и неопределённость. В историческом развитии человечества такие волны нестабильности, сменяющие периоды покоя — вещь не редкая. И, как показывает исторический опыт, человеку в такие переломные моменты собственной истории приходится вырабатывать креативные техники и модели поведения для того, чтобы выжить и развиваться дальше. Непременным условием этого является переосмысление накоплен-

ных знаний, научных понятий и категориального аппарата. Это в полной мере касается понятия стоимости.

«Загадочный феномен стоимости» как «циркулирующая в головах людей идеально-информационная субстанция», «опосредующая хозяйство» и «им управляющая», сама по себе «состоит из мыслей, конечно, из идей», из «идеальной информации» [19, 16]. И эта субстанция, эта «идеальная информация» есть продукт духовного производства, результат творческого сознания и креативного труда.

Креативный труд, создающий креативную стоимость — это труд, наполненный духовностью, определяемый и направляемый высшими ценностями человеческого бытия. В результате такого труда и сама стоимость становится синонимом совершенства, она превращается в объективно необходимую для человека систему социальных отношений, в основе которых складывается *духовная доминанта*, регулирующая «самоуправляемую самостоятельность». Любые «превращенные» формы креативной стоимости (инновационность, гармоничность, оптимальность, пропорциональность и др.) отражают именно это духовное, нравственное начало, заложенное в самом продукте и в создавшем его труде. Дальнейшее формирование и развитие креативной стоимости неизбежно будет способствовать оздоровлению и всей системы социальных взаимосвязей, укреплению принципа социальной справедливости в обществе, поскольку сама эта система открыта и доступна для влияния закона стоимости в том его понимании, которое обусловлено смыслом и содержанием креативной модели труда.

Литература

1. *Алексахина Т.А.* Философско-методологический анализ изучения стоимости. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2010. 29 с.
2. *Алчиан А.* Стоимость / Вехи экономической мысли. Рынки факторов производства. Т. 3 / Под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 2000. С. 401—433.
3. *Аристотель.* Этика. М.: АСТ, 2010. 496 с.
4. *Бердяев Н.А.* Диалектика божественного и человеческого. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. 623 с.

5. *Бриллюэн Л.* Научная неопределенность и информация. М.: Мир, 1966. 272 с.
6. *Винер Н.* Творец и будущее. М.: АСТ, 2003. 732 с.
7. *Гончаров С.З.* Логико-категориальное мышление. Ч. 3. Аксиология мышления. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2011. 609 с.
8. *Гончаров С.З.* От технической цивилизации — к культуре / Экономика и культура. Материалы I Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. С. 408—421.
9. *Гужвин П.А.* Концептуальные основы информационной теории стоимости // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2009. № 1. С. 8—11.
10. *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
11. *Кузьмин Е.А.* Неопределенность и определенность в управлении организационно-экономическими системами. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. 184 с.
12. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2002. 605 с.
13. *Маркс К.* Капитал. В 3 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1966. 713 с.
14. *Маршалл А.* Принципы экономической науки. В 3 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1993. 416 с.
15. *Менгер К.* Основания политической экономии // Менгер К. Избранные труды. М.: Территория будущего, 2005. С. 59—286.
16. *Мороз В.В.* Обзор зарубежных теорий креативности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 12 (200). С. 35—41.
17. Общественная форма труда при социализме / Под ред. А.Д. Смирнова, К. Сабо. М.: Экономика, 1984. 264 с.
18. *Орлова Т.С.* Креативность экономического сознания. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 430 с.
19. *Осипов Ю.М.* Экономика XXI века // Философия хозяйства. 2021. № 5 (137). С. 13—28.
20. *Платонов К.К.* Краткий словарь системы психологических понятий. М.: Высшая школа, 1984. 174 с.

21. *Старикова Е.В.* Бремя труда, или как не надо работать // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 88—99.
22. *Степанов В.И.* Об информационной версии трудовой теории стоимости // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2015. № 2 (38). С. 58—61.
23. *Уотермен Р.* Фактор обновления. Как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании. М.: Прогресс, 1988. 363 с.
24. Философский энциклопедический словарь / Под ред. С.С. Аверинцева, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичева и др. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1989. 815 с.
25. *Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р.* Экономика. М.: Дело, 1993. 864 с.
26. *Фостер Р.* Обновление производства: атакующие выигрывают. М.: Прогресс, 1987. 272 с.
27. *Хикс Дж.Р.* Стоимость и капитал. М.: Прогресс, 1993. 488 с.
28. *Шипилов А.В.* Труд и отношение к нему: до и после модерна // Общественные науки и современность. 2021. № 6. С. 61—72.
29. *Austin J.H.* Chase, chance and creativity. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1978. 237 p.
30. *Binning G.* Bild der Wissenschaft // Journal of Clinical Psychology. 1990. No. 3. P. 91—106.
31. *Drevdahl J.* Factors of importance for creativity // Journal of Clinical Psychology. 1956. No. 12. P. 21—26.

References

1. *Aleksahina T.A.* Filozofsko-metodologičeskij analiz izučeniya stoimosti. Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Krasnoyarsk, 2010. 29 s.
2. *Alchian A.* Stoimost' / Vekhi ekonomičeskoj mysli. Rynki faktorov proizvodstva. T. 3 / Pod red. V.M. Gal'perina. SPb.: Ekonomičeskaya shkola, 2000. S. 401—433.
3. *Aristotel'.* Etika. M.: AST, 2010. 496 s.

4. *Berdyayev N.A.* Dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo. M.: AST; Har'kov: Folio, 2003. 623 s.
5. *Brillyuen L.* Nauchnaya neopredelennost' i informaciya. M.: Mir, 1966. 272 s.
6. *Viner N.* Tvorec i budushchee. M.: AST, 2003. 732 s.
7. *Goncharov S.Z.* Logiko-kategorial'noe myshlenie. CH. 3. Aksiologiya myshleniya. Ekaterinburg: Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta, 2011. 609 s.
8. *Goncharov S.Z.* Ot tekhnicheskoy civilizacii — k kul'ture / Ekonomika i kul'tura. Materialy I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. un-ta, 2000. S. 408—421.
9. *Guzhvin P.A.* Konceptual'nye osnovy informacionnoj teorii stoimosti // Promyshlennost': ekonomika, upravlenie, tekhnologii. 2009. № 1. S. 8—11.
10. *Kara-Murza S.* Manipulyaciya soznaniem. M.: Eksmo, 2005. 832 s.
11. *Kuz'min E.A.* Neopredelennost' i opredelennost' v upravlenii organizacionno-ekonomicheskimi sistemami. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2012. 184 s.
12. *Kun T.* Struktura nauchnyh revolyucij. M.: AST, 2002. 605 s.
13. *Marks K.* Kapital. V 3 t. T. 1. M.: Politizdat, 1966. 713 s.
14. *Marshall A.* Principy ekonomicheskoy nauki. V 3 t. T. 1. M.: Progress, 1993. 416 s.
15. *Menger K.* Osnovaniya politicheskoy ekonomii // Menger K. Izbrannye trudy. M.: Territoriya budushchego, 2005. S. 59—286.
16. *Moroz V.V.* Obzor zarubezhnyh teorij kreativnosti // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 12 (200). S. 35—41.
17. Obshchestvennaya forma truda pri socializme / Pod red. A.D. Smirnova, K. Sabo. M.: Ekonomika, 1984. 264 s.
18. *Orlova T.S.* Kreativnost' ekonomicheskogo soznaniya. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2004. 430 s.
19. *Osipov YU.M.* Ekonomika HKHI veka // Filosofiya hozyajstva. 2021. № 5 (137). S. 13—28.
20. *Platonov K.K.* Kratkij slovar' sistemy psihologicheskikh ponyatij. M.: Vysshaya shkola, 1984. 174 s.

21. *Starikova E.V.* Bremya truda, ili kak ne nado rabotat' // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2019. № 50. S. 88—99.
22. *Stepanov V.I.* Ob informacionnoj versii trudovoj teorii stoimosti // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser. Social'nye nauki. 2015. № 2 (38). S. 58—61.
23. *Uotermen R.* Faktor obnovleniya. Kak sohranyayut konkurentosposobnost' luchshie kompanii. M.: Progress, 1988. 363 s.
24. Filosofskij enciklopedicheskiy slovar' / Pod red. S.S. Averinceva, E.A. Arab-Ogly, L.F. Il'icheva i dr. 2-e izd. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1989. 815 s.
25. *Fisher S., Dornbush R., SHmalenzi R.* Ekonomiks. M.: Delo, 1993. 864 s.
26. *Foster R.* Obnovlenie proizvodstva: atakuyushchie vyigryvayut. M.: Progress, 1987. 272 s.
27. *Hiks Dzh.R.* Stoimost' i kapital. M.: Progress, 1993. 488 s.
28. *SHpilov A.V.* Trud i otnoshenie k nemu: do i posle moderna // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2021. № 6. S. 61—72.

С.Г. КОВАЛЕВ

**Суверенизация национальной экономики:
понятийный смысл сквозь призму наследия
зарубежной и отечественной мысли***

Аннотация. В статье раскрываются основные категории связанные с самодостаточностью российского общества и его экономики: суверенность, суверенитет, суверенизация. Показана история понятия «национальная экономика», дано ее определение. Раскрыты взгляды на развитие страны представителей державной экономиче-

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ковалек С.Г. Суверенизация национальной экономики: понятийный смысл сквозь призму наследия зарубежной и отечественной мысли // *Философия хозяйства*. 2023. № 4. С. 81—106. DOI: 10.5281/zenodo.8065401.

ской мысли. Выделены виды суверенитета: внутренний, внешний, экономический, технологический, культурный и т. д.

Ключевые слова: национальная экономика, суверенитет, державная экономическая мысль.

Abstract. The article reveals the main categories associated with the self-sufficiency of the Russian society and its economy: sovereignty, sovereignty, sovereignty. The history of the concept of national economy is shown, its definition is given. The views on the development of the country of representatives of the sovereign economic thought are revealed. The types of sovereignty are distinguished: internal, external, economic, technological, cultural, etc.

Keywords: national economy, sovereignty, sovereign.

УДК 330
ББК. 65.в

Понятие суверенизации экономики

На важность проблемы сохранения странового суверенитета в процессе экономического развития мира обратил внимание Ф. Лист, опубликовавший в 1841 г. работу «Национальная система политической экономии», которая послужила теоретической основой для разработки и реализации экономической политики модернизации для многих стран в конце XIX — начале XX в. и в частности для Российской империи (РИ).

В канун празднования 300-летия дома Романовых была издана работа С. Витте «Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900—1902 гг.» (их готовил не только он, но работники Министерства финансов), в которых был отражен целостный взгляд на экономику РИ — сочетание государственного хозяйства с частными хозяйствами, взгляд на народное хозяйство как развивающуюся целостность, не сводимую к частным хозяйствам [1].

А за концептуальную основу модернизационного развития РИ приняты взгляды Ф. Листа — в интерпретации С. Витте с поправками на российскую действительность: имперское хозяйство,

осуществляющее промышленное развитие с опорой на иностранный капитал в стране с сильной централизованной государственной властью и быстро вписывающейся в мировой экономический порядок. Отсюда и логика экономической политики — одновременная опора и на российские государственные казенные заводы (оборонные), российский частный капитал, и на привлекаемый иностранный капитал. А чтобы капитал пошел — высокие таможенные пошлины («менделеевский тариф»), золотой рубль и заграничные займы для его обеспечения, свобода в распоряжении получаемой прибылью. Отсюда сильные позиции иностранных компаний, в том числе банков в экономике перед 1914 г., неравномерное развитие отраслей, преимущественно обеспечивающих быструю отдачу средств, государственные гарантии. Итог: не доиндустриализация, недостаточное развитие важных народнохозяйственных и технологически передовых отраслей того времени, а в целом неготовность к ненужной стране войне (сильных стимулов участия в переделе колониального мира у РИ не было). Исторический цикл повторяется, и в начале XXI в. наблюдаем новую трансформацию миропорядка, и хотя процесс более сложен и более многомерен, вектор неизменен — в пространстве России, за счет России и без будущего для России. А потенциальные возможности страны ниже, чем они были у РИ, СССР.

Один из признаков нового мира — рассуверенизация стран, уменьшение либо лишение суверенитета. Суверенность, суверенитет, суверенизация — понятия емкие и многоплановые. Вышеназванные слова, термины можно воспринимать и употреблять либо как тождество, либо как неполное тождество. Либо, оперируя термином «суверенитет», молчаливо подразумевать его многоаспектность, где суверенность, суверенизация — его составляющие. Причем суверенизация — это процесс обретения суверенности, суверенитета.

На взгляд автора, термин «суверенитет» исторически всегда акцентирует внимание на власть, наделение ею, на степень ее полноты, верховенство ее субъекта над социумом, а термин «суверенность» включает в себя пространственные границы распространения власти, параметры дееспособности, страновой самодостаточности. Термин «суверенизация» определяет процесс и вектор развития суверенности, ее степень качественных и количественных измене-

ний: возрастает, убывает [3; 4]. Полезно и познавательно проанализировать вопрос суверенитета в ракурсе истории экономической мысли.

Понятие суверенитета у Ж. Бодена, Г. Гроция

Первоначально в общественном сознании европейских людей суверенитет ассоциировался с абсолютной, неделимой властью без пространственно-временных границ — сначала с властью богов, а затем единого Господа Бога на небе и на земле. Он был отражен в религиозном сознании людей как обладание возможностью наделяния властью своих избранных — жрецов храмов, римских пап, императоров, а через них королей и отдельных народов. В период становления в Европе национальных государств (XV—XVII вв.) суверенитет начинает ассоциироваться с государствами и их независимостью, с властью правителей — монархов, получающих ее либо от Бога, либо от народа, который уступает им власть над собой. При этом правитель не разделяет ее на земле ни с кем, т. е. наделяется верховной властью, подотчетной лишь Богу, мысленно отчитывается непосредственно лишь перед ним и им карается [3].

Процесс становления европоцентричного мира — это генезис государств: от теологического (христианство) и языкового (латынь) средневекового дуального «папско-императорского единства» к множеству суверенных национальных государств, формирующихся на насаждаемой естественной общности (территориальной, этнической, культурной, экономической, политической) и на экспансии за пределы старой ойкумены (великие экспедиции: крестовые походы, географические открытия и, как следствие, международные колониальные компании, колониальные владения). Новой первичной социальной ячейкой, наряду с феодальной семьей, становится государство, выступающее как форма социального порядка, внутреннего подчинения народа и внешнего общения народов. Укореняется взгляд на государство как триединую целостность: территория, население, нормы общежития и поведения под властной юрисдикцией избранных (либо Богом, либо народом) лиц. Концептуальная парадигма божественной тварности человечества (природы, прародителя Адама, предопределенности эволюции народов и библейских царств) сменяется парадигмой рациональной, свободной чело-

веческой деятельности: творят себя из себя путем создания духовных и материальных рукотворных благ, творят собственную историю на основе просвещенного разума. В Западной Европе иерархическая феодальная личная и хозяйственная лестничная зависимость по вектору: а) папа <—> император, папа —> короли; б) папство —> аббатства —> монастыри; в) император —> короли —> герцоги —> графы —> бароны постепенно заменяется государственной зависимостью на основе формального равенства социальных прав граждан (собственности, свободы вероисповедания, деятельности) и нивелирования сословных привилегий. Третье сословие наряду с духовенством и дворянством отвоевывает гражданские права. Мануфактуристы, ремесленники, крестьяне, а не только феодальное дворянство и церковные клирики становятся равноправной частью народа. Формируются формы хозяйственной деятельности на основе рыночного товарообмена. Церковная реформация, буржуазные революции ускоряют процесс образования и становления новых независимых государств. Типичный пример — Нидерланды.

Появляется потребность осмыслить и оправдать становление нового миропорядка, легитимность новых стран, природу их внутренней власти, их претензии на часть пространства и в пределах, и за пределами мира европейских держав. Долгие войны в Европе — восьмидесятилетняя против испанской короны за независимость, переросшая в гражданскую (Нидерландская буржуазная революция (1-я фаза — 1566—1609 гг.; 2-я фаза — 1621—1648 гг.) и тридцатилетняя — военные конфликты между протестантами и католиками в Священной Римской империи (1618—1648 гг.)) катализировали процесс выработки правил страновых взаимоотношений. Вестфальский мир оформил и узаконил образовавшийся порядок (было легитимизировано 350 государств) и стимулировал написание теоретических работ по осмыслению природы государства. В Голландии, Франции, Англии и других странах выходит литература о государстве, о его суверенитете как на национальных языках, так и латинском языке, переводится и распространяется по всему Старому свету. Пионерские, яркие работы по вышеназванной проблематике вышли из-под пера Ж. Бодена, Г. Гроция.

Жан Боден (1530—1596), французский политик, ученый, опубликовавший 10 работ. В 1576 г. издал работу «Шесть книг о

республике», состоящую из взаимосвязанных частей: в первой книге дается понимание государства, которое вырастает из семей, и дефиниции: республика, в смысле не империя, а понимаемое как общее благо, дело в направлении достижения справедливости, и суверенитет как важнейший атрибут государства и как абсолютная власть, неделимая и постоянная; во второй — проблемы монархии и ее виды; в третьей — парламент, корпорации, церковь, территориальные общины; в четвертой — цикл жизни республик: рождение, расцвет, упадок и разрушение и их политика, в пятой — финансы, монетная и налоговая политики, проблемы вооружения населения, содержания армии, укрепления городов, шестая — хвала монархии, институциональное устройство общества, концепции социальной гармонии. Данную работу оценивают по-разному, по мнению Британской энциклопедии, это первая попытка построить сложную систему политической науки, важная в ряду между Аристотелем и современными писателями. В соответствии с условиями своего времени Боден одобрял абсолютные правительства, хотя они и должны, по его мнению, контролироваться конституционными законами. Он приступил к изоцирковой защите частной собственности от нападков Платона и Мора скорее потому, что схема его работы требовала рассмотрения этой темы, чем потому, что она была практически насущной в его время, когда крайности анабаптистов вызвали сильное чувство против коммунистические учения. Он находился под общим влиянием меркантилистских взглядов и одобрял энергичное вмешательство правительства в дела промышленности, высокие налоги на иностранные товары и низкие пошлины на сырье и продукты питания и придавал большое значение густоте населения. Но он не был слепым последователем системы, во многих случаях он желал неограниченной свободы торговли и опередил своего более выдающегося современника Монтеня в понимании того, что приобретения одной нации не обязательно означают потери другой. Государственным финансам, которые он называл «жилами государства», он уделял много внимания и настаивал на обязанностях правительства в отношении правильного регулирования налогообложения.

Понимание Боденом суверенитета как власти, независимой от внешних (папство, империи) и внутренних (претензии сословий)

сил, служило укреплению национального государства. Смысл его абсолютного суверенитета не в том, что монарх выше всех человеческих законов, кроме законов естественных и установленных Богом, а в том, что обладает свободой воли в их изменении и не смещаем народом, только Богом, отчитывается только перед ним. Отсюда посыл и новизна Бодена во взгляде на суверенитет: государства, зависимые от других сил и государств, не обладают всей полнотой суверенитета. Отсюда и его книги против иных сил, претендующих на власть в обществе — колдовство, христианство («О демонии колдунов» (1588), «Коллоквиум Семерых о тайнах возвышенного» (1857)).

Государство само по себе — и носитель, и не носитель суверенитета, его субъект — суверен (допустимы три формы суверенного государства: монархия, аристократия, демократия). Суверен — это власть, реализуемая по собственному, а не по внешнему праву, власть во власти, власть над подданными. Хотя само понятие суверенитета как верховной власти итальянские и французские юристы использовали и до Бодена, но именно он сделал его ключевым при раскрытии сути государства, придав не только правовой, но философский, политический, экономический, исторический смысл. Более поздние теоретики права в качестве суверена рассматривали уже непосредственно само государство, построенное на принципе разделения властей, действующее в правовом поле.

Гуго Гроций (1583—1645), голландский политик, ученый, написавший и опубликовавший более 90 работ на разные темы, в том числе об осмыслении процессов мировой торговой экспансии, длительных войнах, становлении национальных государств. Важнейшие из книг по данной проблематике — рукопись «О праве добычи» (1605), при жизни опубликована 12 глава «Свободное море, или О праве, принадлежащем голландцам в области торговли с Индией» (1609). «О праве войны и мира» (1625 г.), «Голландская юриспруденция» (1931). Гроция интересовала взаимосвязь природы индивида, социальных качеств людей и природа государства и его прав.

Разделив право на общее: а) естественное (базируется на разумной природе человека), б) человеческое (базируется на воле правящих — на принципе волеустановления) и на божественное (бази-

руется на религиозной воле, идущей от Бога), он формулирует предписания по каждому виду. Из естественного права вытекают положения: воздерживаться от присвоения чужого; возвращать владельцу его вещь, если она случайно оказалась в чужом владении; возмещать выгоду, полученную за пользование чужой вещью; строго исполнять заключенные договоры; ущерб должен возмещаться тем, кто его причинил; воздавать людям заслуженное ими наказание.

Человеческое право разбивается на внутригосударственное (исходящее от гражданской власти) и право народов (исходящее из воли всех народов или многих из них). При этом основанием человеческого права он считает саму природу человека и естественное право. Стадия жизни до государства — это естественное состояние. Но появление частной собственности и вытекающие из нее неравенство и чувство защиты справедливости и такие качества людей, как общительность и разум, вынуждают их договариваться, что приводит к появлению государства. А наличие многих государств порождает их права во взаимоотношении между собой и по защите собственных интересов. У государств формируется суверенитет.

Соответственно, суверенитет — неотъемлемой атрибут национального государства и его экономики. Отождествление, сильная связь национального государства с национальной экономикой наблюдаются уже в Средние века.

Термин и понимание национальной экономики

Как ни парадоксально, ни в истории экономической мысли, ни в современной науке практически нет фундаментальных монографических работ по теории национальной экономики стран, в частности РФ — по-прежнему действуют догма А. Смита об универсальной теории общественного богатства, охватывающая все народы и ее современная модифицированная версия — американский «economics». Хотя страновой уровень воспроизводства еще никто не отменил — существуют суверенные страны, и в них ведется собственная хозяйственная деятельность.

Термин «национальная экономика» первоначально употребил, видимо, итальянец Джаммария Ортез (1713—1794) назвав свою книгу «Economia nazionale» («Национальная экономия»

(1774)), в 1804 г. были изданы лекции Беккариа (1738—1784), миланского экономиста, прочитанные в 1769—1779 гг. под названием «Elementi di economia pubblica» («Начала общественной экономики»). Их название подчеркивало выделение нового предмета для исследования — экономики общества, а затем, с XIX в., он был широко введен и в европейскую науку, прежде всего — в немецкую.

Однако значительно раньше, в XV—XVI вв., когда в Европе пошел процесс становления национальных государств, как было показано выше, стала распространяться идея суверенного государства Ж. Бодена, изложенная в его трактате «Шесть книг о республике», в нем пятая и шестая главы посвящены необходимости создания сильной независимой экономики, понимаемой как общее дело. В 1615 г. во Франции выходит книга А. Монкретьена «Трактат по политической экономии», адресованная юному королю Людовику XIII и его матери Марии Медичи. В ней проводится мысль о сильной экономике Франции и необходимости развития всех видов производств, морского судоходства, внешней торговли, устранении внутренних таможен для того, чтобы сделать страну богатой и сильной.

Позже эти идеи развиты Р. Кантильоном в работе «Очерк о природе торговли в общем плане» (1734). А в Британии, в 1767 г., ее последний, наиболее яркий представитель меркантилизма шотландец Джеймс Стюарт (1712—1780) сформулировал предмет политической экономии — науки, изучающей внутренние задачи, стоящие перед государственными деятелями и заключающиеся в том, чтобы обеспечить некоторые резервы средств существования для всех членов общества («Исследование о принципах политической экономии» (1767)). И определил не только предмет, но и сами принципы английской имперской экономической политики по защите национальных интересов: а) ключевая роль правительства в развитии экономики, управлении народом и его занятости; б) важность внутреннего рынка, защищенность от иностранной конкуренции; в) выпуск бумажных денег государственным банком; г) экспортные субсидии, ценовая поддержка сельхозпроизводителей, государственные меры по созданию рабочих мест; д) более высокие налоги от богатых; е) колониальные владения как рынок для экспорта и источники сырья; ж) монополия метрополии на торговлю с колони-

ями, запрет на развитие в них производств; з) формирование сильной нации — большое население, минимизирование его потребностей, особенно в отношении предметов роскоши, бережливость, обеспечение притока рабочей силы; и) внешняя торговая политика в интересах метрополии; к) рыночное регулирование товарообмена и количества денег в обращении.

В реальной практике английская экономическая политика строилась во многом на рецептах Дж. Стюарта, а не А. Смита с его декларированными принципами абсолютных преимуществ в мировом разделении труда, экономической свободы и невидимой руки (термин использовал дважды, не уточняя чья рука — самоорганизации рынка или Бога). Причем А. Смит резко критиковал Стюарта, не упоминая его непосредственно.

Но в итальянских, испанских, английских опусах XV—XVI вв. понимание хозяйственной деятельности и политики в направлении общего дела, благосостояния встречались еще раньше. Концепция «добротного князя» итальянца Диомеде Карафы (1406—1487), производственного развития испанца Луиса де Ортиса («Мемориал», 1548), общего блага английского королевства Джона Хейлзу. Йозеф А. Шумпетер отмечал, что это зародыш концепции национальной экономики. Сам термин имеет итальянские и немецкие корни.

В Германии вопросы суверенной экономики затрагивались первоначально в рамках камералистики — области знания о государственном управлении — например, работы Иоганна фон Юсти «Основы могущества и благополучия государства...» (1760—1761), «Государственное хозяйство» (1755). Юсти исповедовал принцип государственного регулирования, планирования, но в сочетании со свободой предпринимательства [8].

Позднее, уже в эпоху становления промышленных производств Фридрих Лист написал книгу «Национальная система политической экономии» (1841), в которой на основе обобщения опыта Англии, европейских стран и своего пребывания и предпринимательства в США, дал критику учения А. Смита, его рецепта богатства народов — как не учитывающего историческую, культурную, хозяйственную специфику стран — и сформулировал подход к самодостаточной экономике — развитие национальных производи-

тельных сил и гибкая таможенная политика на основе учета достигнутого страной уровня развития. Из этих примеров видно, что проблема формирования национальной экономики в большей мере волновала Францию, Германию, другие европейские страны, которые значительно отставали от Англии в плане развития, мировой конкурентоспособности и колониальной экспансии. США данный вопрос решили первыми и более кардинально, провозгласив независимость от метрополии — Англии, а позже объединили все свои штаты, прихватив и территории соседей, и таким путем образовали новое, суверенное, быстро набирающее мощь государство (его повивальной бабкой явилась война Северных и Южных штатов, война с Мексикой).

Термин (понятие) «национальная политэкономия» предложен Ф. Листом как альтернативное к ранее уже введенному понятию «политическая экономия» А. Монкретьена (искусство управления хозяйством государства), так и к богатству народов и политэкономии А. Смита. Ф. Лист, полемизируя с Адамом Смитом, констатировал, что есть два уровня планетарной экономики рассматриваемой как единая целостность: экономика всего мира (глобальная) и суверенная экономика или нация. Но первая еще не сложилась, и поэтому реально существует лишь вторая. Подход А. Смита — исследование общих условий и единый рецепт формирования богатства для всех народов — не верен: у них разные стадии развития, история, культура. Лист замечает, что в случае образования целостного планетарного мира теория А. Смита являлась бы верной, но до этого далеко, хотя человечество и движется в данном направлении [3]. В дальнейшем идеи Ф. Листа разрабатывала немецкая историческая школа, оперируя термином «германское народное хозяйство», делая акцент на его описании. В Российской империи также широко применялось понятие «российское народное хозяйство» — А.И. Чупров (1841—1908), С.Ю. Витте (1849—1915). Например, Чупров в книге «Курс политической экономии» (1891) подчеркивал, что народное хозяйство, в отличие от частного, представляет организм, в котором все части находятся в постоянном взаимодействии и взаимной зависимости. Соответственно, предмет политической экономии — данный организм.

Российская державная, имперская хозяйственная мысль XIX—XX вв. о самодостаточном развитии страны

Данный вопрос всегда будоражил отечественную мысль, круг ее проблематики в той или иной степени вращался в русле цивилизационного и геополитического пространства страны, места ее в мире, в русле поиска пути развития [6]. К сожалению, на протяжении последнего более чем двухсотлетнего отрезка времени отечественная экономическая наука и экономисты по-прежнему оперируют либо парадигмой, заложенной еще трудами А. Смита — буржуазной политической экономии и ее постулатами преимуществ свободного рынка и международного разделения труда, либо парадигмой глобализма К. Маркса — пролетарской, интернациональной, политической экономии и ее постулатами коммунизма в мировом масштабе [3]. И первый и второй подход роднит вера в единый планетарный мир. Намного реже оперируют парадигмой национальной политической экономии, сформулированной Ф. Листом [5].

В императорской России, а также в СССР делались попытки акцента на державное начало экономики, ее самодостаточность, например, работы И.Т. Посошкова (1652—1726), М.В. Ломоносова (1711—1765), Н.Я. Данилевского (1822—1885), С.Н. Булгакова (187—1944), Г.В. Бутми (1856—1919), Л.А. Чижевского (1897—1964), С.А. Подолинского (1850—1891), С.Ф. Шарапова (1855—1911), Д.И. Менделеева (1834—1907), К.П. Победоносцева (1827—1907), Л.А. Тихомирова (1852—1923), К.Э. Циолковского (1857—1936), А.Д. Нечволодова (1864—1938), И.Л. Солоневича (1891—1953), Л.Н. Гумилева (1912—1992), И.А. Ильина (1883—1954), И.В. Сталина (1879—1953) и многие другие. Но это в основном фрагментарные и практические попытки осмысления российской действительности.

Теории экономики самодержавия, а также теории экономики советского социализма как самостоятельной экономической формации не сформировались. Отсутствует и экономическая теория суверенной рыночной экономики России, хотя страна, начиная с 1991 г., последовательно проводит курс на ее практическое создание.

Заметим, что российская предреволюционная экономическая мысль была неоднородной: экономический буржуазный либерализм, эсеровский социал-анархизм и терроризм, интернациональ-

ный марксизм, монархизм, а в рамках вышеперечисленных направлений еще много оттенков (впоследствии они сохранились и эмигрантской среде и ее мысли, причем во всех волнах эмиграции). Но при всех различиях большинство политиков и экономистов выступали за единую и неделимую Россию. В свете трансформационных и геополитических процессов, в которые в последние десятилетия напрямую вовлечена наша страна — современная РФ — особый интерес представляют российские ученые, взгляды которых условно можно отнести к имперско-консервативным, напрямую связанным с вопросами сохранения хозяйственной суверенности страны [6]. В этом контексте можно выделить ряд ключевых моментов во взглядах на суверенность в экономическом развитии, сохранивших не только историческую познавательную ценность для особо любознательных, но и определенную практическую актуальность для наших дней. Можно выделить следующие моменты, актуальные и в наши дни: первое — подход к стране как особой континентальной евразийской империи (П. Савицкий); второе — народнохозяйственная самодостаточность, хозяйственная целостность и многомерность форм хозяйствования (Д. Менделеев, Н. Алексеев); третье — развитие собственных производительных сил и отраслей промышленности (Д. Менделеев); четвертое — создание емкого внутреннего рынка и его защита (Д. Менделеев, Л. Тихомиров); пятое — проведение самостоятельной экономической политики и, в частности, денежной (Л. Тихомиров, С. Шарапов, Г. Бутми, А. Нечволодов).

Первым идею подхода к РИ как особой континентальной евразийской стране-империи наиболее четко высказал П. Савицкий в своих ранних работах [2]. В них царская Россия рассматривается как своеобразная западно-ориентированная империя — многонациональное, крупное государство, обладающее достаточной целостностью, проводящее политику расширения за пределы этнокультурных границ (культурных, экономических, политических). При этом здоровый империализм способствует прогрессу народов. В основе характеристики лежит выделение по пространственно-географическому критерию двух исторических видов империй — Римская, Британская.

Первый вид — материковая имперская система, где примат отношений политической зависимости. Второй тип — морская экс-

пансия и прямая подчиненность. Все имперские страны можно отнести с выделенными моделями. Для царской России ближе модель первого вида, дающая больше политических и хозяйственных прав интегрируемым в нее народам. Если для империй второго вида характерно наличие больших территорий за счет расширения заморских владений и сосредоточение промышленности в метрополии, а добычи сырья и частичного сбыта продукции в колониальных владениях, то царская Россия прирастала территориями за счет расширения вглубь континента, но при этом не сумела обеспечить равномерности территориального развития. Перед ней стояла задача развивать промышленность и в западных, центральных губерниях, и продвигать развитие промышленности за Урал, экономически осваивать территорию окраин, в том числе и за счет массового переселения из трудоизбыточных регионов. Перенос промышленности за Урал позволял приблизить ее к источникам сырья, сокращал издержки.

При взаимодействии империй одного вида (континентальная — континентальная) и разных видов (континентальная — заморская) Савицкий допускал, что менее противоречиво взаимодействие последних. Считал наличие доступности к океану фактором включения в мировую экономику, а отсутствия доступности — фактором самодавления и внутриконтинентальной интеграции. Разделив страны по критерию отстояния их территории от побережья океана, морей, обеспечивающих доступ к океаническим водам (океанические, континентально-океанические, континентальные), он обосновал неуниверсальность экономической политики, требование учета природно-географических особенностей конкретной страны. Последнее положение раскрыто с помощью системы логических доводов.

1. Океанические перевозки дешевле сухопутных, и, соответственно, издержки на перевозку тонны груза значительно ниже.

2. Хозяйство должно ориентироваться на внутренний континентальный рынок. Океанические страны при товарообмене по мировым ценам имеют конкурентные преимущества на мировом рынке (мировой рынок как центр операций) и при продаже произведенной продукции, и при покупке товаров для производственного и личного потребления. Занимая разное положение по отношению к

океану, страны как части целостного мирового хозяйства находятся в неодинаковом положении. Россия наиболее обездолена в смысле океанического обмена.

3. При вступлении в мировое хозяйство континентальные страны несут дополнительные издержки на единицу продукции при ее экспорте и импорте. Континентальным странам и их регионам резон строить отношения не столько с мировым рынком, сколько выстраивать дополняющее друг друга единое континентальное хозяйство, ориентироваться на внутренний континентальный рынок [7]. Внутриконтинентальное притяжение ведет к обоюдной пользе и для покупателя, и для продавца товара. Притяжение больше там, где выше пространственное соприкосновение, где выше спектр производств.

4. Обездоленность России-Евразии выходами к океану (замёрзшие Балтийское и Белое моря, закрытый льдами Северный Ледовитый океан, неподконтрольный выход из Черного в Средиземное море) объективно побуждает к самодавлению, развитию собственного сельского хозяйства и промышленности. Моря как связь с мировым рынком нужны России, но роль океанического принципа в построении хозяйства для нее второстепенна.

Ранние взгляды П.Н. Савицкого получили дальнейшее развитие в декларациях евразийцев и в его работах эмигрантского периода жизни. Рассмотрение российской истории сквозь призму истории Евразии — особого исторического географического мира, охватывающего три крупные равнины (Беломоро-Кавказскую, Западно-Сибирскую, Туркестанскую) и отличающегося флагообразным расположением основных почвенно-ботанических зон (тундра, лес, лесостепь, степь, пустыня) — выявляет специфическую, свойственную для данного пространства закономерность — унификацию между культурами общеевразийских держав: скифов, гуннов, а позднее монголов.

Восточные славяне, Древняя Русь, располагающаяся на окраине евразийской ойкумены, монгольскими завоеваниями были втянуты в общий ход общеевразийских событий. В дальнейшем выяснилось, что северо-восточная ее часть в лице Руси Московской способна к выявлению такой силы и духовного напряжения, что сдела-

ло ее наследницей монголов на евразийском пространстве и позволило принять на себя объединительную роль.

Историческая преемственность многое объясняет в возникновении и в развитии Российской империи XVIII—XX вв., сменившим ее СССР и РФ, в частности, связь с хозяйственными формами кочевых держав. В монгольской империи все слои общества являлись служивыми, несли тягло, отсутствовала настоящая частная собственность на землю, значение каждой социальной группы определялось ее отношением к государству. Черты названного уклада были восприняты Московской Русью. Императорская Россия отошла от него в сторону европейских образцов лишь частично. Из этого же источника идут и принципы этатизма, огромная роль государства в хозяйстве. Раскрытие месторазвития как географического и исторического единства, синтеза пространств: природно-территориального, социально-культурного, политического, экономического обуславливало суверенную целостность российской державы. Месторазвитие — есть не внешняя среда для социума, а единство природных и жизнедеятельных процессов в рамках определенной территории и властных полномочий над ней. Выделяются различные типы месторазвития — земной шар как глобальное место для всего человеческого рода и локальные места развития. К последним относится Россия-Евразия: определенные формы культуры, присущие ей, независимо от генетической близости и расового смешения народов ее населяющих, позволяло обосновать историческую логику сборки российской державности.

В целом евразийцы, обосновывая свои взгляды, упор делали не на все евразийское пространство, весь континент Евразия, а лишь на ее часть — Северную Европу, часть Северной и Восточной Азии, т. е. территорию, на которой исконно на протяжении веков формировалась Российская империя [7].

Позднее Н.С. Гумилев считал, что здесь происходили ритмы Евразии: чередование интеграции и дезинтеграции (империи готов, гуннов, хазаров, татаро-монгол, Древняя Русь, Российская империя, СССР, РФ).

Второй момент — такие акценты, как народнохозяйственная самодостаточность, хозяйственная целостность и многомерность форм хозяйствования, в разной степени полноты присущи многим

российским экономистам. Например, тем же евразийцами, которые в работе «Евразийство: декларация, формулировка, тезисы» (1932) сформулированы три принципа ведения экономической деятельности: а) принцип соборности — духовной общности единения людей в хозяйственной деятельности; б) принцип справедливости и правды — организация хозяйственной деятельности в интересах всех трудящихся, которая является не самоцелью, а средством, необходимым для духовного процветания человека; в) принцип планового развития хозяйства и предоставления личности свободы выбора хозяйственных форм [7].

В реализации данных принципов большая роль отводилась государству и государственно-частной системе хозяйства, призванной обеспечить свободу выбора между работодателем в лице государства и частными предпринимателями [7]. Существование двух типов предприятий позволяет в условиях здоровой конкуренции обоюдно подтягивать их уровень. Признавая, что частная собственность противоречит идее социального целого, евразийцы требовали свободы не для частной собственности, а для частно-хозяйственной инициативы. Выдвигали идею функциональной собственности в рамках синдикатов, государственно-хозяйственного плана и центра. Создание крупных государственных и частных предприятий промышленности, объединенных в синдикаты отдельных отраслей — вот модель, которую пропагандировали евразийцы.

Являясь сторонниками сохранения прав государства на всю земельную площадь страны, допускали разные типы землепользования, аграрного производства — единоличные хозяйства, колхозы, совхозы. Оптимальное сочетание форм сельхозпредприятий зависит от конкретных природно-климатических условий и их эффективности. Выделив категории «хозяин», «хозяйстводержание» для обоснования особого экономического пути частно-государственного партнерства, на основе раскрытия диалектики индивидуального и коллективного, экономического и социального, П.Н. Савицкий показал, что хозяин-личность и хозяин-общество есть два единства и две категории, которые порождены самим народным опытом и опираясь на которые можно понять российскую действительность и проектировать будущее общество и науку, его изучающую — политическую экономию хозяйства [7].

Интересны взгляды и других российских мыслителей, живших и писавших примерно в одно и то же время, но сформулировавших похожие мысли раньше — К.П. Победоносцев Д.И. Менделеев, Л.А. Тихомиров, С.Ф. Шарапов.

К.П. Победоносцев в своей работе «Московский сборник» констатировал, что XIX в. — век преобразований, и предлагал опираться на здравый смысл, исходя из реальных условий и институтов, которые сложились в стране. Он писал, что с идеей преобразования происходит все то же, что со всякой новой идеей: в начале она является достоянием немногих умов, прочувствующих, к осуществлению чего они стремятся, затем становится достоянием массы и переходит в состояние, в котором слово принимается на веру, становится достоянием массы и переходит на рынок и на нем мельчает. Он показал, что общая болезнь так называемых государственных людей — честолюбие, или желание прославиться поскорее, им скучно заниматься улучшением текущих дел и существующих учреждений, хочется все сотворить заново, при этом они не задумываются, из чего творить, какие есть под рукой материалы, им не хватает практического разума дела. Соответственно здравый смысл, реальное дело плохо уживается с преобразовательной горячкой, не хватает реальных лиц для реальных дел. В «Письмах к Александру III» констатировал, что «за нами, русскими, издавна замечен тот недостаток, что всякую новость из Европы мы стремимся перенять немедленно, всякое новое явление общественной жизни повторить у себя, всякое новое учреждение пересадить на свою почву, не справляясь, по плечу ли оно нам, есть ли на нашей почве для него условия правильного роста и может ли оно у нас вправду послужить действительности» [6].

Л.А. Тихомиров — философ, юрист, общественный деятель, написавший за свою жизнь множество произведений, в том числе такие фундаментальные работы, как «Религиозно-философские основы истории», «Монархическая государственность» (есть раздел «система управления»), при этом уделял внимание и непосредственно экономике — статьи: «Земля и фабрика», «К вопросу об экономической политике», «Вопросы экономической политики», постоянно указывал на опасность механического заимствования чуждых идей, когда человек нашей интеллигенции формирует свой

ум преимущественно по иностранным книгам, создает себе мировоззрение чисто дедуктивное, построение чисто логическое, где все стройно, кроме основания — совершенно слабого. Выступая за самоудовлетворяющееся производство регулируемое государственными органами, собственный рынок, против переустройства всей России по английскому типу. Отойдя от революционных идей и ратуя за государственный институт власти, констатировал, что понял, какое драгоценное сокровище для народа, какое незаменимое орудие его благосостояния и совершенствования составляет верховная власть с веками укрепленным авторитетом. Подчеркивал, что государственная власть не есть власть производная, а имеет совершенно определенные обязанности: охранять, укреплять именно ту страну, тот строй, те основы существования коих только и дало государству его власть и права [6].

Д.И. Менделеев в книге «К познанию России» (1896) размышлял о судьбе и перспективах страны. Особенность его экономических идей — их прагматизм, конкретность. Он ставил проблемы индустриализации России, направления и форм развития ее промышленности, считал, что для России не перспективны ни акционерный, ни монопольно-казенный способ производства, а преимущественно кооперативный (артельный). Считал возможным введение протекционистских тарифов для защиты отечественного производства [6].

С.Ф. Шарапов — публицист и общественный деятель, пытавшийся связать идеи славянофильства с данными экономической науки и найти реальную опору свободы человеческого духа, критиковавший существовавший порядок денежного обращения в России, установленный реформами Витте (переход к золотовалютному стандарту). Выделял три функции денежной системы: организатора народного труда (счетная), направителя народного труда, защиты государства от соседей-конкурентов и хищной международной биржи. В этих целях предлагал отказаться от золотого рубля и поставить систему денежного обращения под контроль собственного суверенного государства. Относился отрицательно к привлечению в Россию иностранного капитала, рассматривал в целом деньги не только как инструмент, обеспечивающий товарооборот, а как инструмент развития национальной экономики. В своей повести

«Диктатор» он писал, что Россия тяжело больна и ее надо вылечить, лекарство не в теории, а в здравом смысле. Он затуманился и исчез за странными и нелепыми понятиями о либерализме, реакции и т. п. В целом выступал за глубокое реформирование царского режима [6].

А.Д. Нечволодов — общественный и военный деятель, который проанализировал ситуацию после революции 1905 г. и пришел к выводу, что Россия находится в тяжелом экономическом состоянии, в том числе по причине сельского перенаселения в центральных районах страны, и как следствие сокращения площади земельных уделов, и по причине усиления ее зависимости от крупнейших стран Европы из-за перехода на золотой стандарт и предложил перейти на бумажно-денежное обращение внутри страны. После революции пытался разобраться в крахе монархии и выяснить роль закулисы в ее свержении [6].

Суверенность современной РФ

В международном праве XX столетия суверенитет есть власть государства на своей территории, а суверенность — это независимость страны, полнота национальной власти над всей своей территорией, ее правовой примат по отношению к международной власти и международному праву. Соответственно, обобщенно суверенитет выступает и как пространственная власть, и как сила, определяющая общественное устройство, устанавливающая отношения взаимодействия внутри страны и с внешним миром. Иначе говоря, это сила конструирующая локальный социальный порядок, его устойчивость, механизм самосохранения [3].

Понятия «суверенность», «суверенитет» в последнее время пытаются трактовать шире, распространяя их на субъекты самого общества: а) суверенитет граждан — независимость и власть над собой; б) суверенитет регионов — независимость и власть на закрепленной административной территории.

Расширенное толкование суверенности и суверенитета, перенос их не только на государство, но и на отдельных его субъектов — очень деликатная тема, тем более деликатная при федеративном устройстве. Такая постановка возможна и интересна в научном плане, но на практике ведет к размыванию данных понятий, к под-

мене их первоначального смысла. Корректнее ставить вопрос о пакете (пучке прав) суверенности-суверенитета в рамках целого, конкретного суверенного государства. Как смысловые, юридические категории они не разбиваются по субъектам общества, они едины, являются признаком политически независимого государства. Например, Российская Федерация наделена суверенностью и суверенитетом, их абсолютным обладателем является народ в целом, а гарантом их сохранения — президент страны. В этом плане интересен исторический процесс становления и воспроизводства российской суверенности, его цикличность, в котором можно выделить: 1) предысторию суверенности: а) первоначальное обретение — Древняя Русь: Новгородская, Киевская, Владимирская; б) частичную утрату — вхождение в Монгольскую империю; в) новое обретение суверенности — Великое княжество Московское (Иван III, 1480 г. — распад Золотой орды и освобождение от монгольской зависимости); в) укрепление — Московское или Русское царство (Иван IV, 1547 г. — венчание на царство, принятие титула царя); 2) имперская суверенность: а) монархическая — Российская империя (Петр I, 1721 г. — принятие титула императора); б) республиканская — Российская республика (1 сент. 1917 г.); в) социалистическая — РСФСР (окт. 1917 г. и одновременное параллельное существование «белого» российского государства со столицей в г. Омске — с 1918—1920 г.); СССР (1922 г.); г) капиталистическая — Российская Федерация (с декабря 1991 г.). При этом реальный суверенитет наиболее характерен лишь для РИ, СССР. Надо заметить, что царскую Россию лишь условно можно считать империей — не было колониальных владений. Тем более слово «империя» еще более условно применимо к СССР и еще в меньшей степени к РФ.

Рассматривая суверенность и суверенитет, нельзя ограничиваться чисто юридическим подходом, связывая эти категории только с конституцией стран и международным правом, ограничиваясь плоскостью политических и юридических международных отношений. Реальная независимость — явление более глубокое, многоплановое, чем декларируемый правовой суверенитет. Суммарно он состоит из самодостаточности ключевых сфер жизнедеятельности: культурной, экономической (включая финансовую, денежно-

кредитную), производственно-технологической, информационно-цифровой, научно-образовательной, медико-рекреационной, экологической, военной и др. Действительная независимость страны во много определяется ее производственным потенциалом, а также дееспособностью ее элиты, особенно в многонациональных странах. Определяется степенью вовлеченности национальной элиты в более широкую — международную элиту, ее зависимостью от нее, ее признаваемостью и степенью идентификации с собственной страной. Из совокупности вышеназванных и ряда других факторов складывается реальная суверенность. Соответственно, суверенность и суверенитет — это вопрос не только независимости, но и реальной власти: ее формирования, обновления, механизма выработки решений, их исполнения, учета интересов общества и страны во внутренней и международной политике. Если национальная элита «размыта», включена в мировую, которая ее контролирует, то ясно, что политика такой страны подчинена интересам иностранных субъектов. Силами слома странового суверенитета являются: а) крупные территориально-региональные интеграционные объединения (ЕС, НАФТА и др.); б) экономические и коммуникативные корпоративные сети: головные ТНК, ТНБ и их филиалы, крупные транснациональные коммуникационные корпорации, контролирующие интернет, спутниковое телевидение, логистические и транспортные сети, электронная торговля и т. д.; в) формирование типовых институций и схожести поведения: универсализация потребностей, унификация культурных ценностей, образование; г) формирование международных структур управления как межстрановых, так и надстрановых (ООН и др.). Отсюда процесс объективного размывания суверенитета, подрыв его основания, прежде всего, национальной идентификации: исчезают границы (экономические, информационные, миграционные), мир становится открытым. Но и в этих условиях поддержание планетарного разнообразия и необходимо, и возможно, что реально требует сохранения независимости стран. Суверенное воспроизводство РФ — это требование самого глобализирующегося мира — через локальное самосохранение поддерживать сохранение целого, но уже иного, нового целого. Для иллюстрации диалектики национального и глобального рассмотрим проблему суверенитета в сфере экономической деятельности. Современная суверенная эко-

номика эволюционирует в сторону взаимопроникновения национального в глобальное и глобального в национальное. Безусловно, для разных стран степень интенсивности и вектор направления взаимодействия разные. Однако в целом экономики теряют свою национальную чистоту и национальную принадлежность из-за включения в них интернационального (иностранные товары, иностранные капиталы, иностранные технологии, иностранная рабочая сила и т. д.). Однако большинство стран сохраняют суверенность и стремятся сохранять ее и дальше, а для РФ это означает сохранение и самодостаточности ее национальной экономики [3]. Соответственно можно следующим образом определить смысл категориального осознания Национальной экономики России (НЭР): теоретико-прикладная наука и учебная дисциплина, изучающая законы и процессы хозяйственного воспроизводства суверенного общества, имеющая свой объект, предмет, функции и методологический инструментарий исследования. Сочетание НЭР подчеркивает единство, целостность субъектной, властной и пространственной хозяйственной деятельности.

Объект НЭР — российское общество и его воспроизводственная жизнедеятельность в историческом территориально-временном пространстве.

Предмет НЭР — хозяйственная деятельность российского общества и ее эффективность во внутренней — суверенной природной и социально-культурной и внешней по отношению к границам страны мировой взаимодействующей с ней среде.

Функции НЭР как науки вытекают из ее функции как практической деятельности: 1) обеспечение суверенной репродукция себя и благ потребления как условие жизни общества, сохранения его социального и биологического потенциала; 2) обеспечение конкуренции за место в международном разделении труда в планетарном сообществе. Соответственно, функция НЭР как науки — познание закономерностей хозяйственного воспроизводства общества и его развития; выработка методов регулирования хозяйственного воспроизводства общества; прогнозирование тенденций мирового и собственного воспроизводства для целей конкурентоспособного суверенного развития.

Методологический инструментарий — концептуальное понимание российского общества как целостного, формационно-цивилизационного образования, ведущего хозяйственную деятельность в евразийском пространстве, с использованием в исследовании широкого набора общенаучных, общеэкономических и специальных (страноведческих) методов познания.

Субъектные уровни НЭР — 1) государство как хозяйствующий субъект (властное, законоустанавливающее, институциональное лицо; 2) предприятия как хозяйствующие субъекты (юридические лица); 3) семьи как хозяйствующие субъекты (физические лица, держатели ресурсов).

Таблица 1

Суверенитет и его атрибутивное содержание

Тип	Объект	Субъект	Вид
1. Внутренний	Пространство в границах страны и взаимодействия с другими странами	Государственная, страновая власть	Территориальный Политический Военный Экономический Технологический Научно-образовательный Информационный Культурный
2. Внешний	Планетарное пространство международного регулирования	Надправительственная, не страновая (планетарная) власть	Срезы жизнедеятельности выходящие за пределы странового суверенитета (планетарные конфликты, эпидемии, экология, океанские воды, пути, международные расчеты и т. д.).

Формирование одновременно и национального, и интернационального в экономике требует разработки теории экономической суверенности, которая должна служить основой сохранения независимости страны в условиях размывания: а) «чистоты» собственности; б) «чистоты» потребления (производственного и индивидуаль-

ного); в) «чистоты» капитала (национальный, мировой); г) «чистоты» гражданства (двойное гражданство, резидент или не резидент) и в целом размывания национального поля деятельности, но при этом важно сохранение политической независимости, возможности контроля над суверенными ресурсами и суверенной территорией, возможности поддержки и защиты резидентов, возможности создания благоприятных условий для нерезидентов, возможности отстаивания суверенных интересов силой [3]. В целом нужны более широкий подход к осмыслению суверенитета, выделение внутреннего и внешнего суверенитета (см. табл 1).

Развитие страны на основе суверенитета, обеспеченного самостоятельностью во внешних и главенством во внутренних делах страны ее народа, объективно необходимо. Оно требует учета реалий мира: неустойчивости, нестабильности, колебательности, турбулентности и учета реалий РФ, ее конкретного исторического периода. И хотя проблема суверенизации России имеет давнюю историю, ее решение требует и более глубоких теоретических, а главное практических усилий всего общества, иначе реальна неокOLONИЗАЦИЯ. Время — жесткий арбитр, а оно течет неумолимо, причем скорость протекания всех социально-экономических процессов и конкуренция в мире лишь возрастают. Однако шансы на суверенизацию у РФ есть.

Литература

1. *Витте С.Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. М.: Директ-Медиа, 2014.
2. *Карелин Е.А., Нильсон Й.П.* Петр Николаевич Савицкий: евразиец в Норвегии // Наука из первых рук. 2015. № 6. С. 30—41.
3. *Ковалев С.Г.* Воспроизводствогенез суверенности России // Философия хозяйства. 2018. № 3. С. 21—28.
4. *Ковалев С.Г.* Геостратегия современного воспроизводства России в пространстве Большой Евразии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегод. вып. 2. Ч. 1. М.: ИНИОН РАН, 2019, С. 62—66.
5. *Ковалев С.Г.* Метафизика миропорядка: воспроизводство суверенности РФ в Большой Евразии // Россия в игре: страна и мир /

Под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. Ростов н/Д; Таганрог: Изд. Южного федерального университета, 2019.

6. *Ковалев С.Г.* Российская экономическая мысль сквозь призму ноосферного развития // Российская хозяйственная мысль: своеобразие, история, перспективы / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.: ТЕИС, 2013.

7. *Ковалев С.Г.* Савицкий П.Н. О воспроизводственном развитии России в XX веке // Проблемы современной экономики. 2016. № 2. С. 330—339.

8. *Шумпетер И.А.* История экономического анализа. Ч. 1. СПб.: Наука, 2003.

References

1. *Vitte S.YU.* Konspekt lektsiy o narodnom i gosudarstvennom khozyaystve. М.: Direkt-Media, 2014.

2. *Karelin E.A., Nil'son Y.P.* Petr Nikolaevich Savitskiy: evraziets v Norvegii // Nauka iz pervykh ruk. 2015. № 6. С. 30—41.

3. *Kovalev S.G.* Vosproizvodstvogenез suverennosti Rossii // Filosofiya khozyaystva. 2018. № 3. С. 21—28.

4. *Kovalev S.G.* Geostrategiya sovremennogo vosproizvodstva Rossii v prostranstve Bol'shoy Evrazii // Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo. Ezhegod. vyp. 2. CH. 1. М.: INION RAN, 2019, S. 62—66.

5. *Kovalev S.G.* Metafizika miroporyadka: vosproizvodstvo suverennosti RF v Bol'shoy Evrazii // Rossiya v igre: strana i mir / Pod red. YU.M. Osipova, A.YU. Arkhipova, E.S. Zotovoy. Rostov n/D; Taganrog: Izd. YUzhnogo federal'nogo universiteta, 2019.

6. *Kovalev S.G.* Rossiyskaya ekonomicheskaya mysl' skvoz' prizmu noosfernogo razvitiya // Rossiyskaya khozyaystvennaya mysl': svoeobrazie, istoriya, perspektivy / Pod red. YU.M. Osipova, E.S. Zotovoy. М.: TEIS, 2013.

7. *Kovalev S.G.* Savitskiy P.N. O vosproizvodstvennom razvitii Rossii v XX veke // Problemy sovremennoy ekonomiki. 2016. № 2. С. 330—339.

8. *Shumpeter I.A.* Istoriya ekonomicheskogo analiza. CH. 1. SPb.: Nauka, 2003.

К.В. МОЛЧАНОВ

**Эволюция теоретических представлений
о социально-экономическом развитии России
как рефлексивная основа методов компьютерного
моделирования роста экономики страны***

Аннотация. В статье представлен ряд актуальных вопросов эволюции и методологии исследований социально-экономического развития России, изученных в авторской современной политической экономии, поскольку эти вопросы не могут быть должным образом проанализированы в экономической науке. Рассматриваемые вопросы включают ряд тем и положений, касающихся состояния познания и применения новых знаний в области современной экономической теории, включая определение нового принципа познания. Результаты этого исследования могут быть использованы для формирования новых теоретических позиций в области экономической теории и для ее качественно нового развития на основе диалектики.

Ключевые слова: экономическая наука, социально-экономические исследования, общество, диалектика.

Abstract. The article presents a number of topical issues of evolution and methodology of research on socio-economic development, studied in the author's Modern Political Economy, since these issues cannot be properly analyzed in economic science. The issues under consideration include a number of topics and provisions related to the state of cognition and the application of new knowledge in the field of modern economic theory, including the definition of a new principle of cognition. The results of this study can be used to form new theoretical positions in the field of economic theory and for its qualitatively new development on the basis of dialectics.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Молчанов К.В. Эволюция теоретических представлений о социально-экономическом развитии России как рефлексивная основа методов компьютерного моделирования роста экономики страны // Философия хозяйства. 2023. № 4. С. 107—121. DOI: 10.5281/zenodo.8065429.

Keywords: economic science, socio-economic research, society, dialectics.

УДК 008
ББК 87.6

Вопросы осмысления социально-экономического развития требуют всестороннего и тщательного рассмотрения, учета многих факторов. Обычно обсуждаются злободневные темы, фактическое положение вещей, желаемые цели, возникающие в связи с их достижением задачи, методы их решения и т. п. Но без ретроспективы сложившейся ситуации понять ее причины, истоки и существо, а также возможные пути решения задач вряд ли возможно. Формально о *чем-то историческом* обычно говорится, и даже некоторые факты из истории изучаемой социально-экономической ситуации включаются в объемы рассуждений специалистов и научных исследований. Однако история изучаемой ситуации не является для них их единственной составляющей, органичной им, их содержанию, — составляющей их *единства*¹, а является лишь *отдельным элементом* предмета социально-экономических исследований, причем зачастую просто источником отдельных субъективных мнений. Причин такого положения дел много. Одной из них является то, что в науках (в отличие от диалектики) история как феномен не учитывается в единстве аспектов содержания исследований и логики их проведения, а принимается во внешнем к ним порядке, причем с описательных или в лучшем случае с аналитических позиций. Это

¹ Как мы уже отмечали в ряде работ, категория «единство» в науках корректно не определена. Обычно говорится о некой взаимосвязи определенных предметов, процессов, которая образует целостную систему взаимодействия, внутренне устойчивую в изменениях и в то же время включающуюся в более широкую систему, в конечном счете в составе бесконечного во времени и пространстве мира. При этом такого рода «определения» не только обобщены, но и даются через некорректно определенные термины (например, такие, как «целое») или даже через неопределенные термины (например, такие, как «бесконечность»). А в Новой философской энциклопедии ее авторы вообще ограничились указанием только на то, что эта категория является одним из фундаментальных понятий философии и математики [4] и дальше привели большой набор определений — выбирай, какое хочешь, а вот какое верное, так и остается неизвестным.

обусловлено рядом негативов научного познания (см., напр.: [6]), прежде всего, применением в нем традиционной логики (содержание которой Гегель в свое время даже удостоил *презрения* [1, 30], в силу которых в науках неизбежны односторонность, формальность и субъективность анализа ситуации и его внешний характер по отношению к предмету исследований.

Но имеется проверенный временем альтернативный принцип — диалектический, обозначенный и всесторонне рассмотренный Гегелем: *единство исторического и логического*. И именно он обуславливает, как будет показано ниже, новый, современный принцип социально-экономических исследований, который раскрывается через применение функционала единства исторического и логического, но в данном случае не к предмету, обусловленному объектом исследований, а к их проведению, по сути, к гносеологии исследований.

При этом если необходимость исследования истории вопроса и применение логики понятны, а методология соответствующих диалектических исследований известна из работ Платона и Гегеля, то вот обозначаемое в настоящей статье понимание *диалектики теоретических представлений о развитии ситуации как момента познания*, как *принципа*, является новым. Для его понимания необходимо на конкретном примере продемонстрировать диалектику (эволюцию) теоретических изысканий, что и сделано в статье; по ходу изложения будут акцентироваться некоторые смысловые и методологические положения обозначаемого принципа.

Исследование теоретических представлений в области политической экономии, касающихся современного социально-экономического развития России, и их динамики мы проводили на основе диалектики².

Чтобы более полно осознать вопросы исследуемой проблематики, необходимо обратить внимание на применяемое нами диалектическое положение, которое было описано еще в работах Платона. Оно определяет следующее: результаты в диалектике «наш разум

² Точнее на основе а) диалектического метода, понимаемого согласно Платону, и раскрытого им в его труде «Государство» [9, 315—318] (этот метод не следует путать с тем, что под словами «диалектический метод» понималось в СССР), и б) гегелевского учения о сущности [1].

достигает с помощью диалектической способности. Свои предположения он не выдает за нечто изначальное, напротив, они для него только предположения как таковые, то есть некие подступы и устремления к началу всего, которое уже не предположительно. Достигнув его и придерживаясь всего, с чем оно связано, он приходит затем к заключению, вовсе не пользуясь ничем чувственным, но лишь самими идеями в их взаимном отношении, и его выводы относятся только к ним» [9, 293]. Таким образом, в диалектике предварительные условия исследования рассматриваются не как предположения, гипотезы, а как отправные точки, которые требуется обосновать. Диалектическое познание использует принципы, рассматриваемые как система идей, доказываемых в соответствии с философскими основаниями, и, имея их в своей основе, стремится к сущности вопроса, но объективно, не заменяя ее субъективной гипотезой, а затем связывает свои представления с его бытием, реальностью, проявляя ее в качестве ответа на вопрос, а не свои мнения, пусть даже полученные на основе проверенных ранее (но ведь не в данной ситуации!) методов. Диалектическое (разум) познание решение «отыскивает, восходя от предпосылки к началу, такой предпосылки не имеющему. Без образов, какие были в первом случае, но при помощи самих идей пролагает она себе путь» [9, 292].

А вот научное познание (рассудок) проводит исследования «на основании предпосылок, пользуясь образами... и устремляясь поэтому не к началу, а к завершению» [9, 292]. Научное познание, то есть рассудок, начинается с принятия некой гипотезы — субъективно предположенного начала. Затем к этому конкретному началу в науках также субъективно применяется метод, чаще всего формальный, причем неприсущий содержанию исследования, внешний ему, абстрактный. Кроме того, его возможности существенно ограничены тем, что он может исследовать лишь те положения, которые содержатся в гипотезе (иные либо искажают посылку исследований, а, значит, и их процесс, либо должны быть учтены в гипотезе, т. е. неизбежно надо начинать все сначала...). Наконец, научное познание стремится к достижению целевого (субъективного) результата, а не к (объективной) истине исследуемого феномена.

Таким образом, имеется существенное различие в реализации диалектического и научного познания, которое было досконально

исследовано российскими и зарубежными экспертами (см, напр.: [3]). Это различие в данной статье не будет рассматриваться, поскольку оно хорошо изучено и достаточно очевидно.

Однако отметим, что для обозначаемого в настоящей статье принципа диалектического познания существенно его обращение к себе, на себя, как к своей сущности, через рефлексию, т. е. *рефлексирование*, которое акцентируется далее; — именно такое обращение познания обуславливает выявление основного момента обозначаемого принципа и вместе с ним базового положения нашего исследования — *реального возможного*.

Обозначенные моменты имеют значение не только для изучения предмета исследований, но и для их гносеологии (теории познания), что акцентирует суть обозначаемого принципа и, соответственно, настоящей статьи. Другими словами, далее мы будем говорить не о развитии представлений об объекте из субъективной гипотезы и не об интуитивных представлениях о нем: вместо этого мы будем говорить о конкретном, рефлексивном исследовании и об объективном развитии обосновываемого содержания³.

Анализ вопросов социально-экономического развития России на основе авторской *современной политической экономики*⁴ начинался фактически также, как и в науках, — с описания ситуации и постановки задач, обусловленных насущными проблемами. В целях проведения исследований нами была сформирована система положений теоретического основания решения соответствующих вопросов⁵. Одной из основных теоретических позиций исследований бы-

³ Положения наших исследований современного развития России подробно рассмотрены в наших работах (в том числе [4; 5]) являются базой указываемых в статье докладов. Однако ссылки на наши работы в данной статье нецелесообразны в связи с их большим количеством, да и имевшая место апробация более значима для нее. Отдельно отметим, что основные положения наших исследований апробированы в ряде наших докладов на различных научных мероприятиях, указываемых в статье.

⁴ Ее предметные и методологические основы, направления исследований и задачи были определены в нашей диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук «Выявление современных парадигмально-гносеологических основ политической экономики», защищенной в 2003 г.

⁵ Они были изложены в нашем докладе «Философско-экономические основы теории развития в начале XXI в.» на международной научной конференции

ло обозначение ретроспективы их предмета (событий 1990-х гг.) на основе принципа единства исторического и логического.

Но исследование социально-экономического развития России обозначило ряд проблем и вопросов к нему самому.

С одной стороны, было установлено, что обычное, традиционное исследование социально-экономического развития обладает рядом существенных недостатков, актуальных в смысле настоящей статьи (далее рассматриваются только те негативы научного познания, которые относятся к предмету настоящей статьи). Во-первых, обычно анализ вопросов социально-экономического развития производится субъективно и в силу надобности учета (например, разработчиками программы развития) целей, директивных указаний и других положений, не свойственных предметному содержанию, природе исследуемой ситуации. Во-вторых, соответственно, предполагается реализация субъективных путей решения проблем, а не содействие объективному развитию ситуации, максимально способствующему достижению поставленных целей (это положение является краеугольным для предмета статьи). Поэтому, в-третьих, составление планов (программ) социально-экономического развития отражает не существо (понятие) проблем, а лишь их *внешность*, не учитывающую сущность предмета исследования и закономерности его собственного развития в конкретной реальной ситуации

С другой стороны, принципиально важными являются текущие изменения социально-экономической ситуации; для начального этапа наших исследований это были обнаружившиеся в начале «нулевых годов» изменения ситуации с малым бизнесом, некие новые веяния (в том числе, как потом оказалось, связанные с предпосылками кризиса 2008 г.) и др. Иными словами, оказались недостаточными применение принципа единства исторического и логического и исправление указанных выше (и других) негативов научных исследований. В частности, имевшие место события потребовали уже не только учета и изучения, но еще и их моделирования на базе более широкой основы, чем научные методы, методологии, теории и парадигмы, причем а) с учетом новых реалий и принципов, обусло-

«Российский путь в XXI веке: экономика, политика, общество» (МГУ, 5—7 декабря 2001 г.).

вивших изучение ретроспективы сложившейся ситуации, и б) в единстве с применением непротиворечивого логического аппарата и исследованием исторического опыта и эволюции предмета — как теоретических представлений, так и практики. Поэтому пришлось формировать особый инструмент — *экономико-философское предметное поле*⁶, позволяющий учитывать возможности применения теоретических основ и целевые позиции в единстве с положениями а) известных экономико-философских изысканий и теорий, б) исторической практики и ее ретроспективы, включая текущие события, и в) логики. Иными словами, ставился вопрос не только о решении задач развития, о программе развития, но и о вариантах и возможностях осуществления преобразований ситуации и условий, в которых оно могло бы происходить, — о модернизации социально-экономической ситуации (хозяйства) в России⁷.

Однако анализ социально-экономического состояния страны и его возможной модернизации обозначил новую проблему: одной из важнейших причин невозможности формирования на основе имевшихся представлений программы модернизации и социально-экономического развития России оказалось изменение существа капитализма. Сейчас о нем говорят многие, однако только как об очевидном факте, и приводятся в основном субъективные мнения о характере происходящих изменений. Но ведь вопрос не столько в их оценке и проявлениях, которые *видны* всем, сколько в их сути, в их *понимании*. А сутью является изменение капитализма *в себе*, связанное в том числе с трансформацией принципа экономических (рыночных) отношений, или с проявлением новой — третьей — экономической максимы после максим Ж.-Б. Сэя и Дж.М. Кейнса⁸.

⁶ Его основы и предметные положения изложены в нашей диссертации «Экономико-философское предметное поле концептуального обоснования модернизационного проекта развития России» на соискание ученой степени доктора философских наук, защищенной в 2008 г.

⁷ Ее основные положения были изложены в нашем докладе «Концептуальные положения проекта социально-экономической модернизации в России и управление процессами его легитимации» на международной научной конференции «Инновационное развитие экономики России: национальные задачи и мировые тенденции» (МГУ, 23—25 апреля 2008 г.).

⁸ Ее положения были изложены в нашем докладе «Третья экономическая максима», сделанном на теоретическом семинаре «Дискуссионные проблемы со-

Без учета изменений капитализма понимание и изучение современного социально-экономического развития невозможны (это также стало одним из краеугольных положений наших исследований). Следовало переосмыслить теоретические основы и предметные положения соответствующих исследований и понять варианты их возможных преобразований [5]. При этом речь, в первую очередь, шла об *отрицании* капитализма в той или иной мере, которое является весьма сложной категорией. Дело в том, что в смысле развития оно должно рассматриваться при определенном условии, причем актуальным в рассматриваемом случае является отрицание, то есть речь идет об *отрицании отрицания*. Однако это весьма сложная и многогранная операция, которую следует применять с большой осторожностью. Например, К. Маркс в конце первого тома своего грандиозного труда «Капитал» применил ее без определенных условий (вне правил ее применения), что обусловило возможность разных позиций (различных толкований и реализаций) отрицания отрицания, которые могли бы быть осуществлены на практике, в том числе следующей: капитализм — отрицание — социализм — отрицание — капитализм (что было подтверждено историей СССР). Иными словами, Маркс не столько обозначил безусловность завершения капитализма, сколько показал неустойчивость социализма (вследствие чего В.И. Ленин писал о длительном переходном периоде, но обозначенные им нормы были в большинстве своем в СССР проигнорированы...). Поэтому для рассмотрения развития России в современных условиях оказалось необходимым изучение вопросов, определяемых трансформаций капитализма (это следует и из понятия *отрицания отрицания*, взятого в смысле диалектики), что и было осуществлено в авторской современной политической экономии. В результате нами была обнаружена новая ипостась капитализма (это не его стадия или этап), понимаемая в рефлексии капитализма как *особенная* капиталистическая общественно-экономическая формация⁹. Ряд положений ее теории, осмысленных нами при изу-

временной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Текущая экономика: что с кризисом?» (МГУ, 16 ноября 2010 г.).

⁹ Это наше открытие в 2016 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова было удостоено премии в «Конкурсе работ, способствующих решению задач Программы развития Московского университета».

чении эволюции теоретических представлений о современном капитализме, имеет большое значение для анализа его процессов, его изменений, — для предмета настоящей статьи и для социально-экономических исследований вообще¹⁰. Ее обсуждение как возможного варианта общественного развития не входит в объем настоящей статьи, так как представляет собою отдельный вопрос, в достаточном объеме уже рассмотренный нами (см., напр.: [4]). Однако отметим, что речь, в первую очередь, идет о рефлексивных аспектах и о необходимости выявления противоположностей, — об обнаружении новых веяний и факторов наряду с текущими (что является одной из причин пересмотра методики изучения вопросов общественного развития, то есть обсуждаемое в статье изменение, развитие исследований, понимаемое как принцип, имеет свое теоретическое обоснование и особенности).

Вопросам изменения капитализма, его новым тенденциям и т. д. посвящено очень много работ, поэтому на этом мы не будем останавливаться, однако акцентируем дискуссии, которые развернулись в отношении новых экономических процессов и даже такого понятия, как «неоэкономика», на международной научной конференции «Российское системное перестроение как стратегическая неизбежность: неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм» (МГУ, 7—9 декабря 2016 г.). На ней в нашем докладе «Неоэкономическое как другое капиталистическое экономическое (формирование неоэкономической теории на основе развития некоторых положений труда Г.В.Ф. Гегеля “Феноменология духа”» мы подчеркнули противоположность экономического и неоэкономического в смысле диалектики, причем акцентировали развивающуюся противоположность, изменяющую облик капитализма, то есть *противоречие*. Оно принципиально важно для развития исследований, поскольку? согласно Гегелю, «противоречие есть корень всякого движения и жизненности» [1, 520]. Все дело в том, что противоречие обозначает неизбежность не только развития, но и (факта) кризиса

¹⁰ Ее базовые положения были изложены в нашем докладе «Индустриальное социальное общество как формационный вариант евразийской стратегии» на международной научной конференции «Международное воспроизводственное обустройство евразийского (постсоветского) пространства: экономика и политика» (МГУ, 4—6 декабря 2013 г.).

ситуации, который необходимо было предположить уже не только в связи с известной цикличностью кризисов при капитализме: либо «традиционный» кризис, либо кризис нового образца был неизбежен, и он в смысле диалектики должен был иметь *особенность*. И кризис случился, причем в конкретной своей получившейся реализации не как «традиционный» кризис, а как результат противоречия экономического и неэкономического (не путать с неэкономическим, это отдельный вопрос): экономического и «эпидемиологического». Это был кризис 2020 г., вызванный известным коронавирусом. Этот кризис действительно имел отличительную особенность, актуальную в смысле противоречия общественного развития¹¹.

Противоречие, согласно Гегелю, решается в *основании* (это было подробно рассмотрено великим философом в его учении о сущности [1] и поэтому не требует отдельного разъяснения в настоящей статье), одной из особенностей которого является неоднозначность, в свою очередь одна из ипостасей которой была определена нами как *алогичность*, имеющая проявление в социальной сфере — как последующая после *гиперреальности*, по Бодрийяру, неопределенность, но уже диалектического порядка, а не субъективного¹². При этом решение вопросов, связанных с исследованием алогичности как одного из основных факторов современных проблем и с формированием представлений о развитии ситуации (как о некотором *обоснованном*, получаемом из основания), целесообразно на основе *реального возможного*, понимаемого согласно гегелевскому учению о сущности, — иными словами, только в рамках диалектических представлений, так как в науках решение многих из обозначенных вопросов в принципе невозможно по ряду причин (в том числе в силу негативов, указанных в ряде наших статей, см., напр.: [5]).

¹¹ Ее мы раскрыли в нашем докладе «Новый тип социально-экономических кризисов как посылка качественного преобразования недостаточно развитой экономики», сделанном на международной научной конференции «Россия в переделье: цивилизация, техногенез, экономика» (МГУ, 9—11 декабря 2020 г.).

¹² Ее положения были изложены в нашем докладе «Алогичность как знамение социальных трансперемен», сделанном на всероссийском научном симпозиуме «Трансперемены: технотроника, экономика и социум» (МГУ, 27 октября 2021 г.).

Итак, в ходе исследований социально-экономического развития России обозначились их качественные эволюционные рефлексивные изменения, которые оказались обусловленными не только окружающей реальностью, но и методологией исследований.

Особенностями исследований стали:

- их развитие из единства исторического и логического, полагаемое противоречием;
- их соответствие изменениям исследовательского аппарата, так как в диалектике методы (фактически развитие предмета исследований) не отделимы от содержания исследований;
- возможность проведения исследований с учетом рефлексивной (изменяющейся) сущности вопроса;
- использование ряда чуждых наукам диалектических понятий, в первую очередь, следующих: рефлексия, противоречие и основание.

Перечисленные положения являются принципиально важными как для проведения диалектических исследований вообще, так и для наших исследований социально-экономического развития России.

Как основа и как метод познания, диалектика, использующая понятие единства исторического и логического, в одном из своих проявлений играет особую роль в уточнении и развитии гносеологии и содержания исследований. Диалектика позволяет фиксировать изменения в практике, включает изучение этих изменений и их логические (гносеологические) моменты в предмет исследований. Кроме того, диалектика позволяет создавать новые представления о состояниях и изменениях *предполагаемого возможного*, включая альтернативные аналитические и синтетические варианты, принципиально новые позиции и вневременные многообразия, что дает возможность рассуждать о путях развития как некоторого *полагаемого*, или объективно наступающего, так и некоторого *предполагаемого*, или планируемого, что важно для создания программы развития.

При этом в ходе исследований нами был сделан вывод о том, что для исследований, которые начинаются даже в обычном для научного познания порядке, возможна органичная им трансформация их методологии и теоретических возможностей.

Познание, осуществляемое на базе изучения теоретических представлений об исследуемом феномене и его перспективах (на основе учета эволюционных изменений), с одной стороны, использует (в единстве) факты динамики изменения исследуемого феномена (его историю и текущее состояние) и гносеологические положения (теоретическую основу и логику исследований) и позволяет оценивать возможность и целесообразность применения и *добавления* тех или иных теоретических и методологических положений и их изменений (что и обуславливает новый принцип исследований и основу соответствующего подхода).

С другой стороны, такое познание включает *средний термин* (здесь: это диалектическое понятие), соединяющий а) логику (прежде всего единство логического и исторического) фактического положения дел (включая историю исследуемого феномена) и б) гносеологию, прежде всего предметную гносеологию определенного феномена. При этом актуально то, что и сама логика выступает в обозначенном случае в качестве *среднего термина*, и, по сути, имеются два «параллельных» средних термина (что логично в смысле указанной Гегелем двойственности особенного). *Такое дуальное именование концепта среднего термина также является новым положением для исследований.* Оно определяет существенное отличие проводимых на его основе диалектических исследований от научных (при этом отдельно следует акцентировать *особенность*, определяемую спецификой двойного среднего термина, важную для диалектики в категориальном смысле¹³) и позволяет значительно расширить в методологических оппозициях набор инструментов познания и вариантов их использования.

Таким образом, диалектика исследований, во-первых, основывается на гегелевском учении о сущности, во-вторых, реализует единство исторического и логического, в-третьих, соотносит и вза-

¹³ В частности, можно сказать, что в концептуальном плане отличие исследований на основе обозначенного принципа от исследований на основе любого научного подхода эквивалентно различию *трансцендентальной логики* Канта [2] и раскритикованной им общезвестной, до сих пор применяемой в науках традиционной логики, или, по Канту, *общей логики*: это — различие, с одной стороны, развивающегося содержания объекта, и, с другой стороны, применения внешних и, по сути, формальных методов.

имно развивает гносеологию и содержание и, в-четвертых, может использоваться в различных формах, обуславливая многообразие исследований.

Таким образом, диалектика исследований обуславливает новый подход к пониманию содержания и изменений *предполагаемого возможного*, включая принципиально новые позиции (идеи) предмета и альтернативные результирующие варианты развития событий.

Однако диалектические представления не обязательно будут соответствовать материалистическим научным представлениям из-за ряда факторов, включая не только негативные аспекты научного познания (см., напр.: [7]), но и специфические для наук диалектические позиции. Например, науки могут игнорировать аспекты единства, не различать моменты действительности и применять логику, основанную на ложных законах и чье содержание Гегель, как уже отмечалось, удостоил презрения. Кроме того, гегелевское учение о сущности содержит ряд диалектических категорий, которые также могут быть проигнорированы науками, тем более при исследовании экономики (экономическая наука — материалистична...).

В заключение отметим, что использование обозначенных гносеологических положений: а) обеспечивает существенное преимущество диалектическим исследованиям в силу применения обозначенного принципа и соответствующего ему диалектического подхода перед научными изысканиями; б) позволяет значительно расширить возможности вообще исследований как в сфере общественных наук, в первую очередь социально-экономических процессов [6], их планирования и реализации, так и в области естественных наук (в их случае в диалектическом смысле актуален акцент на единстве *действительности*); в) дает возможность проводить исследования и делать прогнозы за счет использования специализированных программных средств, реализующих методы эволюционного и статистического моделирования, прежде всего, для временных рядов, причем параметры методов будут определяться объективными характеристиками данных, а не субъективными установками экспертов.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Соч.: В 14 т. Т. 5. М.; Л., 1937. 716 с.
2. Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. 799 с.
3. Месяц С.В. Платоновская концепция дискурсивного знания // *Философский журнал*. 2011. № 1. С. —30.
4. Молчанов К.В. О некоторых базовых диалектических положениях теории иного капиталистического развития // *Проблемы современной экономики*. 2015. № 2 (54). С. 45—48.
5. Молчанов К.В. Политико-экономические начала неэкономической идеи: диалектическое осмысление современной экономики как другой капиталистической экономики (некоторые положения, обусловленные продолжением труда Гегеля «Феноменология духа») // *Философия хозяйства*. 2017. № 1 (109). С. 175—193.
6. Молчанов К.В. Принципиально новая сфера социально-экономических исследований и ее актуальные положения // *Философия хозяйства*. 2018. № 1 (115). С. 169—180.
7. Молчанов К.В. Могут ли современные науки осмыслять актуальные проблемы? // *Философия хозяйства*. 2018. № 5 (119). С. 196—206.
8. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под ред. В.В. Степина. М., 2001: URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/515/edinstvo.htm> (дата обращения: 20.03.2023).
9. Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1994. 656 с.

References

1. *Gegel' G.V.F. Soch.: V 14 t. T. 5. M.; L., 1937. 716 s.*
2. *Kant I. Soch.: V 6 t. T. 3. M., 1964. 799 s.*
3. *Mesyac S.V. Platonovskaya koncepciya diskursivnogo znaniya // Filosofskij zhurnal. 2011. № 1. S. —30.*
4. *Molchanov K.V. O nekotoryh bazovyh dialekticheskikh polozheniyah teorii inogo kapitalisticheskogo razvitiya // Problemy sovremennoj ekonomiki. 2015. № 2 (54). S. 45—48.*
5. *Molchanov K.V. Politiko-ekonomicheskie nachala neoekonomicheskoy idei: dialekticheskoe osmyslenie sovremennoj ekonomiki kak drugoj kapitalisticheskoy ekonomiki (nekotorye*

polozheniya, obuslovlennyye prodolzheniem truda Gegelya «Fenomenologiya duha») // *Filosofiya hozyajstva*. 2017. № 1 (109). S. 175—193.

6. *Molchanov K.V.* Principial'no novaya sfera social'no-ekonomicheskikh issledovanij i ee aktual'nye polozheniya // *Filosofiya hozyajstva*. 2018. № 1 (115). S. 169—180.

7. *Molchanov K.V.* Mogut li sovremennyye nauki osmyslyat' aktual'nye problemy? // *Filosofiya hozyajstva*. 2018. № 5 (119). С. 196—206.

8. *Novaya filosofskaya enciklopediya: V 4 t. / Pod red. V.V. Stepina. M., 2001: URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/515/edinstvo.htm> (data obrashcheniya: 20.03.2023).*

9. *Platon. Sobr. soch.: V 4 t. T. 3. M., 1994. 656 s.*

В.Е. ЧАБАНОВ

О возрождении двухконтурного денежного обращения*

Аннотация. Представлен опыт использования двухконтурного денежного обращения в СССР и в других странах мира. Проанализирована возможность его возрождения в нынешних условиях России. Показано, какую форму оно должно принимать, чтобы было саморегулируемым, не требовалось повседневное вмешательство административных служб, а обмен одного вида денег на другой осуществлялся без дисконта, надежно и ритмично. Установлены преимущества внедрения указанного денежного обращения, решения с его применением многих актуальных проблем страны.

Ключевые слова: экономика, деньги, двухконтурное обращение, китайский опыт, советский опыт, производственные деньги, потребительские деньги, инвестиции, оборотные средства, производственный рынок.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Чабанов В.Е. О возрождении двухконтурного денежного обращения // *Философия хозяйства*. 2023. № 4. С. 121—138. DOI: 10.5281/zenodo.8065481.

Abstract. The experience of using double-circuit money circulation in the USSR and in other countries of the world is presented. The possibility of its revival in the current conditions of Russia is analyzed. It is shown what form it should take in order to be self-regulating, does not require daily intervention of administrative structures, and the exchange of one type of money for another was carried out without a discount, reliably and rhythmically. The advantages of introducing this money circulation, solving many urgent problems of the country with its application have been established.

Keywords: economy, money, double-circuit circulation, Chinese experience, Soviet experience, production money, consumer money, investments, working capital, market for production.

УДК 32
ББК 66

Теоретическое обоснование проекта

Представленная статья является развитием теории, описанной в работах автора [5, 485; 6; 7, 431; 8] и др. Она предназначена для гармоничного решения проблем существующих денег, которые приобретают все более глобальное и разрушительное действие.

Современные предприятия реального сектора экономики многих стран мира испытывают хронический денежный дефицит и для своей работы вынуждены пользоваться кредитами, из-за чего объем мирового долга уже достиг 246 трлн долл. Это абсолютный кредитный рекорд, 320% мирового ВВП. В результате доля финансового сектора в перераспределении прибыли за последние 30 лет выросла с 5% (нормальной ставки посредника) до 50% и более. Данное обстоятельство привело к превалированию доходности финансового капитала по сравнению с промышленным, к стагнации производства, сокращению платежеспособного производственного рынка и понижению продуктивности всего мирового хозяйства.

В значительной мере это объясняется действующей хозяйственной доктриной. Согласно ей, экономика призвана обеспечивать получение прибыли, а не изготовление средств существования людей. В этой связи нынешние деньги используются преимущественно для извлечения дохода, а не для обслуживания товарообме-

на. Рентабельным считается оптимизация расходов денежных средств, а не человеческих или природных ресурсов.

Отсюда, согласно действующей философии хозяйства, расширение производства может осуществляться только путем привлечения в него денежных инвестиций. Вместе с тем, мировой опыт свидетельствует о том, что данный способ не является единственно возможным. Известен и другой путь государственной модернизации, в основе которого лежит понимание того, что производственная и распределительная деятельности людей кардинально различаются между собой. Так, при распределении лучше проявляют себя конкуренция хозяйствующих субъектов, организация полноценного потребительского рынка, разнообразие и покупателей, и продавцов. А для работы производства более действенными являются кооперация производителей и контрагентов, совмещение их интересов, надежность партнеров, своевременность и качество поставляемых ими полуфабрикатов и комплектующих.

С другой стороны, скорость оборота денег, а значит и их доходность в потребительском секторе значительно выше, чем в производственном. Поэтому использование лишь одной формы денег приводит к тому, что для производства их хронически не хватает, что является естественным тормозом для его развития. И никакие административные или законодательные меры с этой предопределенностью справиться не способны.

В этой связи наиболее простым и действенным методом, способным обеспечить эффективное решение указанных проблем, является применение двух форм денег, одни из которых предназначены для обслуживания только производства, а другие — для распределения предметов потребления [5].

Впервые на это обратили внимание в Китае XII в. н. э. при правлении династии Сун [1], и благодаря использованию данного феномена государство долгие годы успешно развивалось. Суть модели заключалась в разделении денежного обращения на реальные и символические потоки. При этом потребление человека обеспечивалось обычными деньгами (золотом, серебром и их симуляторами), называемых *юаньбао*, и здесь сохранялись все недостатки, присущие таким деньгам, в том числе инфляция, дефицит, финансовые спекуляции, ростовщичество и проч. А долгосрочные инфраструк-

турные проекты (строительство ирригационных сооружений, возведение дамб, каналов, дорог, финансирование войн и проч.) обеспечивались символическими знаками, представляющими собой долговые обязательства в виде бумажных денег, называемых *фаби* — и здесь указанные недостатки не наблюдались, на первое место выходило решение насущных проблем государства и общества, а не получение прибыли хозяйствующими субъектами путем создания сложностей при их реализации.

Доверие к *фаби* как к государственной учетной единице стоимости работ обеспечивалось красной императорской печатью на купюрах с тем или иным их номиналом. При этом *фаби* возвращались в казну в виде платы за ресурсы, получаемые из казенных фондов (в том числе зерна), а также налогов, не связанных с потреблением (земельный, наследственный, рентный и им подобных). Причем оба контура денежного обращения были разделены, а границы между ними контролировалось государством через специальные конторы. Все это позволяло обоим денежным носителям работать параллельно и автономно друг от друга, не перенося специфические проблемы производства на потребление и наоборот.

После покорения Китая Чингисханом в начале XIII в. созданное им государство распространило указанные государственные деньги на всю Великую Орду от Тихого океана до Каспия [1]. В частности, именно по двухконтурной схеме финансирования был построен Великий канал.

Опыт Советского Союза в использовании двухконтурного денежного обращения

Фактический возврат к двухконтурной денежной системе после ряда трагических заблуждений, проб и ошибок был осуществлен в Советском Союзе начала 1930-х гг. при реализации 1-й пятилетки индустриализации страны. Вначале для ее осуществления пытались использовать традиционную западную модель денежного обеспечения, т. е. привлекать инвестиции. Однако ни внешних, ни внутренних источников таковых не оказалось. Поэтому было принято решение не «привязывать» индустриализацию к рыночному инвестированию, а искать альтернативные пути ее финансирования.

Такое решение было найдено не сразу, а эмпирическим, экспериментальным путем, вследствие чего созданная в СССР финансовая модель не имела аналогов в современной мировой истории [2] (деньги выступали в виде наличных для потребительского рынка и безналичных — для производственного). Причем принципы работы советской финансовой системы были так закамуфлированы идеологическими догмами, что не в полной мере осознавались даже собственными ее авторами, не говоря уже о широком круге экономистов.

В процессе принятой финансовой стратегии реальная экономика фактически из ничего получила настолько мощное финансовое вливание, что была полностью избавлена от препонов, связанных с дефицитом денег для производства продуктов жизнеобеспечения и государства, и общества. Был запущен такой вектор развития, при котором экономика совершенствовалась не за счет увеличения личного потребления, а последнее росло вслед за производством. Экономика работала не ради денег, а деньги служили людям, становились слугами, а не капризными их хозяевами. Для социалистической экономики, которая не ставила своей целью получение дохода и прибыли, а решала задачи всемерного развития государства и повышение благосостояния людей, это было вполне закономерным.

Подобные меры позволили СССР выйти на индустриальный уровень развития с наименьшими трудовыми затратами и избежать чудовищных потерь, свойственных чисто рыночной модели хозяйствования с неизбежными в ней рисками, пробами и ошибками. Без каких-либо денежных затруднений и инфляции построить эффективную экономику, повысить жизненный уровень населения, победить фашистскую Германию, обеспеченную ресурсами всей Европы.

При этом централизованная система управления позволяла концентрировать усилия, ресурсы и средства на наиболее важных и перспективных направлениях. И делать это оперативно, не дожидаясь, пока оно произойдет в результате перетока средств из одних производств в другие, изменения рыночной конъюнктуры, спроса, предложения или других сопутствующих им явлений.

Вместе с тем вся указанная конструкция могла работать надежно только при условии, что сбой в какой-то ее части недопустимы. В этой связи она требовала повседневного административ-

ного вмешательства, контроля и корректировки, опиралась на государственную и коллективную собственности на средства производства. Поэтому пик эффективности указанной системы наблюдался в сталинский период ее существования, в котором действия каждого человека были жестко подчинены государственной целесообразности. Фонды оплаты труда коллективов предприятий регламентировались их штатными расписаниями, а не достигнутыми успехами, что в значительной мере подрывало действенность производственных стимулов. Работала при условии, что производственный и потребительский секторы экономики будут обслуживаться исключительно своими деньгами и перевод их из одной формы в другую будет строго лимитирован.

Поэтому, когда начались рыночные преобразования в стране, наличные деньги стали проникать в производственный контур обращения, а безналичные — безнадзорно меняться на наличные, т. е. различие между ними начало исчезать. В результате система организации народного хозяйства стала терять свою эффективность, функциональное различие денег и управляемость советской экономики нарушились, производительность труда понизилась, рост экономики замедлился.

В конечном итоге плотина между обоими контурами денежного обращения была полностью разрушена, экономика СССР «встроилась» в мировую систему хозяйства и приобрела все присущие ей негативные качества. А поскольку противоядия к таким процессам страна еще не выработала, они приобрели в ней гротескные формы.

Опыт использования двухконтурной денежной системы другими странами

Советский опыт эффективного применения двухконтурного финансового обращения и его результаты не могли остаться незамеченными. И если широкому его распространению препятствовало повсеместное стремление капиталистов извлекать финансовую ренту, то в сложных ситуациях этим опытом стали пользоваться. В этой связи нечто подобное по инициативе доктора Я. Шахта было внедрено в фашистской Германии в 1933 г. В рамках указанной схемы для подготовки к войне в ней стали использовать дополнительный

контур денежного обращения в виде векселей, называемых «бонды», которые под гарантии Рейхсбанка предназначались для оплаты военных заказов. В результате государство получило механизм дешевого внутреннего кредита, и все это без существенной инфляции и не внося серьезных изменений в существующую денежную систему.

Указанные бонды выступали в качестве денежного суррогата и уже к 1938 г. позволили профинансировать до 45% всех военных расходов. При этом промышленное производство Германии практически удвоилось. Общий объем таких сделок оценивался в 12 млрд марок, однако они не отражались ни в бюллетенях Рейхсбанка, ни в государственном бюджете, ни в средствах информации. Деньги получались как бы из ничего, но, тем не менее, успешно работали для решения стоящих перед страной задач [4].

В настоящее время Китай также частично реализует двухконтурную модель денежного обращения, подобную советской. Так, государственная собственность, плановое хозяйство и твердые цены позволяют использовать ему безналичный расчет в программах, имеющих государственное значение (ядерный проект, освоение космоса, строительство дорог, мостов, циклопических сооружений и др.). При этом на первый план выходят стратегическое государственное планирование и регулирование, поскольку нацеленный на прибыль рынок не позволяет концентрировать ресурсы для разработки программ с неясной перспективой, особенно требующих возврата вложенного капитала. Вследствие этого уже к середине 1960-х гг. административно-командная экономика Китая начала догонять прибавочно-стоимостную экономику США, а сейчас уже в значительной мере ее обогнала.

Таким образом, опыт успешной работы двухконтурной финансовой системы в Советском Союзе и в других государствах мира нельзя игнорировать и целесообразно воспользоваться им в существующих псевдорыночных реалиях.

Особенности построения саморегулируемой двухконтурной денежной системы

Условия, в которой работала и проявляла свои уникальные качества советская двухконтурная финансовая система, кардиналь-

но отличаются от ныне действующих в России. В те времена вся собственность принадлежала государству, а значит оно в полной мере могло использовать административное управление, осуществлять прямое подчинение всех предприятий единому государственному плану. Сейчас не так, большая часть собственности на средства производства принадлежит частным лицам. И они вправе распоряжаться, как и с кем им работать, на каких условиях взаимодействовать. При этом частники больше заинтересованы в коммерческой рентабельности, в собственном доходе, чем в государственной целесообразности. Тем более в условиях, когда интересы бизнеса и общества не совмещены, и значительно сильнее проявляется их разнонаправленность, чем совпадение.

Кроме того, главной целью деятельности советского государства являлось построение общего, совместного благополучия для страны и всех проживающих в ней людей, а не достижение кем-то личного успеха. Поэтому если в советские времена деньги использовались преимущественно в качестве посредников торговли и организации эквивалентного взаимодействия хозяйствующих субъектов, то теперь — в значительной мере для извлечения собственного дохода теми, кто деньгами владеет и ими распоряжается.

Поэтому если в советские времена денежный дефицит при организации производства не допускался, все было направлено на то, чтобы работать и производить ценности было максимально комфортно, то нынешние финансисты в нем заинтересованы. В самом деле, чем значительнее денежный дефицит, тем большим является спрос на деньги, а значит и доход, который они извлекают. И это в значительной мере препятствует успешной работе всего хозяйственного организма, оптимизации расходования человеческих и природных ресурсов.

Представьте только, как развивалось бы народное хозяйство, если бы в нем не было недостатка денег для любой полезной деятельности, а спрос на создаваемую продукцию был всегда платежеспособным!

С другой стороны, если указанные проблемы решать напрямую, кардинально и комплексно, как происходило после 1917 или 1991 г., это приведет к разрушению всего ныне действующего государственного устройства, к переделам собственности, нарушению

общественного порядка, к громадным человеческим и материальным потерям. Поэтому внедрение производственного контура денежного обращения должно состояться без значительных преобразований производственных отношений, без существенного изменения прав и обязанностей административных и финансовых структур, в рамках ныне действующего законодательства. В этой связи создаваемая двухконтурная денежная модель должна быть саморегулируемой, простой, выгодной для всех участников производственного процесса и не требующей прямого административного вмешательства.

Для реализации данных условий необходимо принять во внимание следующие постулаты.

1. Экономика функционирует для жизнеобеспечения людей, а не для получения денежного дохода, служения кланам, идеям или идолам.

2. Конечной целью хозяйственной деятельности служит производство предметов потребления, а производство средств производства является промежуточным этапом и необходимо лишь в той мере, в которой оно содействует производству предметов потребления. То есть здесь используется расширительная трактовка данного понятия. Полагается, что к предметам потребления относятся не только продукты, удовлетворяющие личные потребности граждан, но и все то, что обеспечивает их коллективное и общественное благополучие, в том числе безопасность, наука, образование, здравоохранение, экология и культура. Принимаются во внимание не только повседневные, но и перспективные потребности людей, и не только ныне живущего поколения, но и всех последующих. Поэтому все структуры хозяйства должны быть подчинены этой общей цели, без нее они не имеют смысла.

3. При таком расширительном подходе, согласно академику С.Г. Струмилину, производительным, т. е. создающим стоимость, признается всякий труд, который является общественно необходимым. В том числе деятельность инженеров и программистов, ученых и финансистов, чиновников и артистов, солдат и депутатов. А от всех других видов труда, какими бы прибыльными они ни оказывались, следует избавляться.

4. Появляется возможность разделить деятельность людей на две кардинально различающиеся категории: производственную и потребительскую. В первой из них человек создает требуемые ему предметы потребления, а во второй — распределяет и потребляет их.

Для внедрения двухконтурного денежного обращения в существующих условиях прежде всего необходимо возродить его второй контур. То есть ввести дополнительные денежные знаки, предназначенные исключительно для обслуживания реальной экономики, как это и было в СССР. А поскольку в полном смысле считать их деньгами нельзя (далеко не все на них можно приобрести), поэтому предлагается назвать их *условными расчетными единицами* (УРЕ). Они в полной мере соответствуют Федеральному Закону «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ.

При этом необходимо принимать во внимание следующие особенности функционирования УРЕ.

1. Поскольку наличие денежного дефицита приводит к превращению денег в инструмент извлечения ростовщического дохода и препятствует успешной работе всей экономики, для создания максимально комфортных условия для производственной деятельности всякий дефицит УРЕ должен быть исключен.

2. Данные УРЕ должны иметь безналичную цифровую форму и применяться исключительно для производственного сектора. Их использование в качестве обычных денег для извлечения доходов и предпочтений не должно иметь места, выход их на потребительский рынок недопустим.

3. Номинал УРЕ должен быть приравнен к номиналу денег РФ, поэтому при существующей инфляции разница между их значениями не должна иметь места.

4. Вся работа с УРЕ, их сопровождение и обслуживание, контроль за правильностью расходования должны осуществляться единым государственным некоммерческим Кассово-расчетным центром или другой подобной ему структурой.

На практике УРЕ будут представлять собой систему цифровых кодов, защищенную шифрами. И подобно цифровым деньгам,

они не будут подкреплены никакими физическими носителями в виде материальных символов или бумажных купюр, а существовать будут только в электронной форме. Поэтому их эмиссия не потребует больших затрат и может осуществляться в полном объеме, требуемом для беспрепятственной работы производственных предприятий.

С учетом изложенного, в рамках данного проекта предлагается передать каждому предприятию реального сектора экономики, находящемуся в юрисдикции РФ, вне зависимости от его имущественной принадлежности, бесплатно, беспроцентно и безвозмездно такое количество УРЕ, которое равно требуемым ему оборотным средствам, и рекомендовать их контрагентам принимать данные платежные инструменты в качестве платы за предоставляемые ими услуги, материалы, комплектацию, энергию и полуфабрикаты. Причем если предприятиям для расширения производства потребуются дополнительные УРЕ, их число может быть увеличено, а при избытке они будут автоматически погашаться. При этих условиях использование автономного производственного рынка и собственных производственных денег окажется не только возможным, но и выгодным.

На первый взгляд представляется, что в таком случае наступит всеобщий финансовый беспредел, в котором каждый будет стремиться получить возможно большее количество УРЕ, и цениться они не будут. Поэтому чтобы такого не произошло, все предоставляемые предприятиям УРЕ будут именными, и только ими им будет позволено расплачиваться со своими контрагентами (цифровая форма УРЕ делает данное ограничение технически несложным). А при продаже своего конечного продукта за обычные деньги РФ предприятие будет обязано выкупать их у своих поставщиков для последующего использования. В противном случае оно лишится указанных средств финансового обращения и не сможет взаимодействовать со своими контрагентами, понесет громадный убыток. Данная схема взаиморасчетов между предприятиями представлена на рис. 1.

На схеме (рис. 1) показан кластер предприятий, осуществляющих строительство жилья и обеспечивающих их материально-финансовые потоки. Квадратами показаны объемы материальных

затрат и величины добавленной стоимости, создаваемой коллективами предприятий в процессе их работы. Конечным изготовителем жилья является предприятие № 1, именно его УРЕ и обеспечивают его строительство, ими оплачивает оно предоставляемые ему услуги, механизмы, комплектующие и инструменты предприятия № 2, № 3 и № 4, как показано на рис. 1.

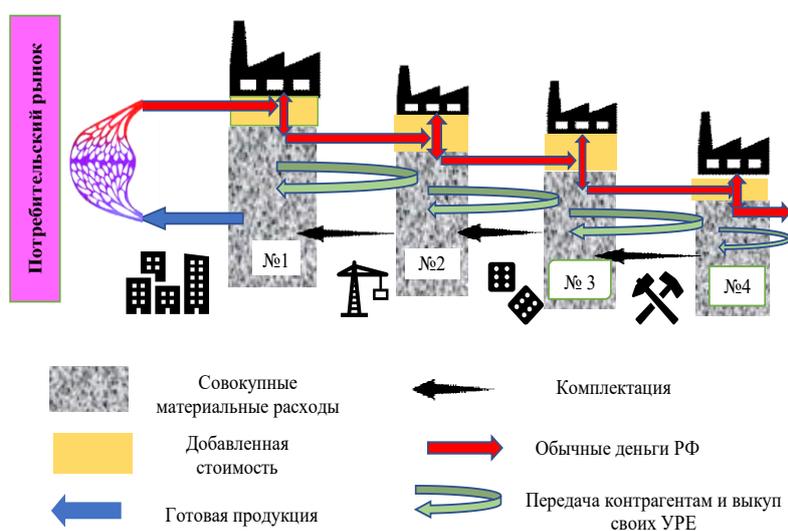


Рис. 1. Схема работы двухконтурного денежного обращения

После продажи предприятием № 1 за деньги РФ готового жилья часть из них оно использует для выкупа своих УРЕ у контрагентов, которыми оно расплачивалось за поставляемую ими продукцию. А оставшиеся расходует на собственное обеспечение, выплаты зарплат, дивидендов собственникам и уплаты налогов. После чего указанный производственный цикл завершается и возникают условия для его возобновления. И так формируется саморегулируемый процесс финансового обеспечения предприятий для бездефицитного и полноценного обеспечения их работы. Без необходимости какого-либо повседневного административного управления.

С другой стороны, в разработанной конструкции финансового обращения всякое предприятие может считаться производителем конечной продукции, поскольку во всех случаях результатом его деятельности является продажа изготавливаемых ими товаров за обычные деньги. Кроме того, у любого предприятия может существовать множество параллельных и последовательных цепочек, представленных на рис. 1, а поэтому приведенная схема финансового обеспечения производства продукции является типовой.

При этом отметим, что указанную финансовую схему можно применять для предприятий только реальной экономики и нельзя использовать для посреднических, торговых или других непродовственных структур. Поэтому потребительский рынок по-прежнему будет обеспечиваться деньгами РФ и обслуживаться существующей банковской системой, в связи с чем никакого принципиального изменения связей производственных предприятий с банками и государством не произойдет. Они по-прежнему будут платить налоги, взаимодействовать с государственными, региональными, местными и муниципальными органами, обеспечивать социальные нужды населения.

В этой связи в обоих секторах экономики перемещение товаров и денег будет зеркальным, но разнонаправленным. Вследствие этого в каждой клетке, в любой их конгломерации сформированного таким образом хозяйственного организма товарный и денежный потоки будут работать параллельно друг другу, действовать согласованно, без сбоев и нарушений, подчиняться единому ритму и замыслу.

С другой стороны, чтобы обмен одного вида денег на другой был бездисконтным и саморегулируемым, требуется установить стабильное соотношение между их объемами. С этой целью полагаем, что в силу их автономности, основная формула денежного обращения (формула Фишера) будет работать в каждом из указанных контуров непосредственно. То есть будут соблюдаться равенства:

$$D_{nr} \times V_{nr} = T_{nr} \times C_{nr}; D_{ntr} \times V_{ntr} = T_{ntr} \times C_{ntr}.$$

В данных выражениях введены следующие символы: D — денежная масса, а V — скорость ее оборота, T — общая товарная масса, а C — средняя ее цена. Индекс nr относится к производственному сектору, а ntr — к потребительскому. Иначе говоря, в

каждом из них денежная масса, помноженная на скорость ее оборота, будет равна суммарной товарной массе, умноженной на среднюю ее цену.

А поскольку конечным итогом деятельности производственного сектора экономики как целого служит изготовление им предметов потребления, то потребители покупают ровно столько их и по тем же ценам, по которым они приобретаются покупателями.

Отклонения от данной очевидности могут возникать только при нарушении равноправия внешней торговли, т. е. когда из страны вывозятся товары большей стоимости, чем ввозятся в нее извне, или наоборот. Иначе говоря, когда одни государства паразитируют на других. Критерием наличия такого фактора служит сальдо внешней торговли. Если оно положительно, значит из страны вывозятся вполне конвертируемые товары, а в обмен ввозятся ничем не обеспеченные денежные знаки, на которые ничего не продают. А если оно отрицательно — значит страна живет за счет своих торговых партнеров. Очевидно, что оба указанных состояния являются аномалией и нормально развивающемуся государству следует их избегать. В этой связи в дальнейшем будем полагать, что внешнеторговое сальдо страны является оптимальным, т. е. нулевым.

Отсюда, чтобы обмен одной формы денег на другую был автоматическим и бездисконтным, должны исполняться следующие соотношения:

$$D_{np} \times V_{np} = D_{ntr} \times V_{ntr}, \text{ т. е. } \frac{D_{np}}{D_{ntr}} = \frac{V_{ntr}}{V_{np}}.$$

Иначе говоря, массы денег, помноженные на скорость их оборота в производственном и в потребительском секторах экономики, должны быть одинаковыми. В связи с важностью данного показателя указанное произведение можно назвать «эффективной денежной массой».

В реальности финансовая система так и работает вне зависимости от существующих экономических взглядов или типа хозяйственного устройства. Проявляется подспудно, пробиваясь сквозь толщу теоретических и практических наслоений, стимулируемых корыстными устремлениями хозяйствующих партнеров, а не реальной производственной целесообразностью.

Для приближенной оценки указанных денежных потоков рассмотрим данные Росстата о работающих в России наличных и безналичных деньгах [3]. Согласно им, на 01.02.2023 г. наличная и безналичная массы равнялись, соответственно, 16 361,2 и 66 343,3 млрд р. Первые из них логично считать потребительскими деньгами. Можно предположить также, что безналичные деньги, как разница между денежными агрегаторами M2 и M0, работают преимущественно на производственном рынке, а поэтому их можно считать производственными. В этой связи требуемое количество УРЕ для бездисконтного обмена их на наличные деньги становится явным. И от существующих безналичных денег они будут отличаться только запретом их использования на потребительском рынке, а также описанным выше характером функционирования УРЕ.

При этом отметим, что в соответствии с представленной выше формулой скорость обращения производственных денег по сравнению с потребительскими оказывается равной

$$\frac{66\,343,3 \text{ млрд р.}}{16\,361,2 \text{ млрд р.}} \approx 4.$$

Объясняется столь большая разница тем, что перемещение денег при изготовлении товаров лимитировано длительностью производственного цикла, а в потребительском секторе такие препятствия невелики. Как пример: если корабль строится 4 года, значит скорость оборота используемых для этого денег равна 1/4 оборота в год. А в торговле деньги за это время могут оборачиваться много раз. С другой стороны, чем технически более сложным является товар, тем длительнее срок его изготовления. В этой связи полученное соотношение между денежными объемами служит показателем не только соотношения между средними производственным и потребительским циклами их перемещения, но и уровнем развития производства. Очевидно, что чем большим является данный показатель, тем более технически развитой является страна.

Вместе с тем для внедрения представленной двухконтурной финансовой системы в масштабе всей страны необходимо осуществить соответствующий эксперимент на нескольких производственных предприятиях. Такая программа разработана и готова к применению. Это позволит не только избежать ошибок и дополнительных сложностей, но и подготовить требуемую законодательную

базу, создать обслуживающие производственный контур финансового обращения структуры. И тогда без особого риска станет очевидным, насколько теоретические ожидания будут соответствовать реальным результатам. Время проведения такого эксперимента — примерно один год. Проблема заключается в наличии участников данного эксперимента.

Результаты внедрения двухконтурного денежного обращения

В рамках данного проекта вводятся специальные производственные деньги, предназначенные исключительно для обслуживания и всемерного развития реального сектора экономики, которые не могут применяться для извлечения коммерческого дохода или приобретения каких-либо предметов потребления. В результате произойдет следующее.

1. Все предприятия и предприниматели в производственном секторе экономики не будут испытывать недостатка оборотных средств, требуемых для их бесперебойной работы. Смогут вовремя и в полном объеме расплачиваться производственными деньгами за поставляемые им комплектующие и электроэнергию, тепло и полуфабрикаты. С их помощью зарабатывать обычные деньги, платить ими зарплаты, дивиденды собственникам и налоги.

2. Исчезнет денежный дефицит при любой полезной деятельности. Для работы уже не потребуется брать кредиты, платить за них проценты, привлекать спонсоров, инвесторов или меценатов, расплачиваться с ними своими доходами, суверенитетом, собственностью. Это в значительной мере повысит рентабельность реального сектора экономики, увеличит заработки работников, будет способствовать росту государственного бюджета.

3. Производственные деньги смогут оборачиваться без риска потерь, задержки, не будут расходоваться нецелевым образом. Их будет невозможно украсть, давать ими взятки, обменивать на валюту, укрывать от налогообложения. Поэтому такие деньги будут служить мощным фактором оздоровления экономики и всего делового климата в стране, что приведет к сокращению денежного источника коррупции.

4. Появятся «длинные деньги», необходимые для реализации нужных для общества и государства, но коммерчески невыгодных

или длительно окупаемых проектов. Главным будет достижение социальных и хозяйственных успехов, а не экономия денег. Это позволит без финансовых помех осуществлять долгосрочную экономическую политику, повысит эффективность стратегического управления и планирования.

5. Сократится безработица, понизится социальная напряженность, а жизненный уровень населения начнет стабильно повышаться.

6. Воздействие «внешних игроков» на экономику страны существенно сократится. Вследствие этого устойчивость страны, защищенность ее от всякого рода финансовых, иных махинаций и санкций значительно возрастет

Все это может быть достигнуто быстро, эффективно, без каких-либо социальных взрывов и потрясений, переделов собственности или изменений государственного устройства.

Литература

1. *Девятков А.* Деньги для Новой Орды. Двухконтурная схема финансирования экономики: URL: <http://www.daokedao.ru/2013/01/25/andrej-devyatov-dengi-dlya-novoj-ordy/> (дата обращения: 17.03.2023).

2. *Катасонов В.Ю.* Рубль наличный и безналичный: URL: http://www.stoletie.ru/vzglyad/rubl_nalichnyj_i_beznalichnyj_492.htm (дата обращения: 17.03.2023).

3. *Фирсова (Таран) Л.* Россия возвратила уже 270 из 300 миллиардов долларов золотовалютных резервов: URL: https://nespeshnyrazgovor.mirtesen.ru/blog/43521690466/Rossiya-vozvratila-uzhe-270-iz-300-milliardov-dollarov-zolotoval?utm_referrer=mirtesen.ru (дата обращения: 17.03.2023).

4. *фон Крозиг Ш.* Как финансировалась Вторая мировая война // Итоги второй мировой войны. М.: Иностранная литература, 1957. С. 418—442.

5. *Чабанов В.Е.* Экономика XXI в. или третий путь развития. СПб.: БХВ-Петербург, 2007.

6. *Чабанов В.Е.* Гармоничная экономика или новый миропорядок: URL: <https://www.peacefromharmony.org/docs/chabanov->

garmonichnaya-ekonomika-ili-novyuy-miroporyadok.pdf (дата обращения: 17.03.2023).

7. Чабанов В.Е. Экономика Коммунизма. Издательское решение по лицензии Ридера, 2020.

8. Chabanov V. L'argent et soon harmonisation dans le monde actuel // Les sciences Francaises. 2020. No 1. P. 68—79.

References

1. Devyatov A. Den'gi dlya Novoj Ordy. Dvuhkonturnaya skhema finansirovaniya ekonomiki: URL: <http://www.daokedao.ru/2013/01/25/andrej-devyatov-dengi-dlya-novoj-ordy/> (дата обращения: 17.03.2023).

2. Katasonov V.YU. Rubl' nalichnyj i beznalichnyj: URL: http://www.stoletie.ru/vzglyad/rubl_nalichnyj_i_beznalichnyj_492.htm (дата обращения: 17.03.2023).

3. Firsova (Taran) L. Rossiya vozvratila uzhe 270 iz 300 milliardov dollarov zolotovalyutnyh rezervov: URL: https://nеспешныразговор.mirtesen.ru/blog/43521690466/Rossiya-vozvratila-uzhe-270-iz-300-milliardov-dollarov-zolotoval?utm_referrer=mirtesen.ru (дата обращения: 17.03.2023).

4. фон Крозиг Ш. Как финансировалась Вторая мировая война // Итоги второй мировой войны. М.: Иностранная литература, 1957. С. 418—442.

5. Чабанов В.Е. Экономика XXI в. или третий путь развития. СПб.: BHV-Peterburg, 2007.

6. Чабанов В.Е. Гармоничная экономика или новый миропорядок: URL: <https://www.peacefromharmony.org/docs/chabanov-garmonichnaya-ekonomika-ili-novyuy-miroporyadok.pdf> (дата обращения: 17.03.2023).

7. Чабанов В.Е. Экономика Коммунизма. Издательское решение по лицензии Ридера, 2020.

О.Н. РЫБКОВСКАЯ

**Метод повышения эффективности экономики
и интеллектуализация труда в СССР
(конец 1930-х — середина 1950-х гг.)***

Аннотация. В условиях начала обрушения всей мировой экономики в новый мировой финансово-экономический кризис, который, по оценке видных российских и западных экономистов, по своей глубине превзойдет Великую депрессию 1929—1933 гг., постсоветская Россия с марта 2020 г. вступила в стадию экономической и социальной турбулентности. Прежние, навязанные России Западом в 1990-е гг. «драйверы» слабого экономического роста — иностранные инвестиции, развитие сферы услуг и нефтегазовые доходы — в ситуации внезапного искусственного резкого торможения экономики как в российском, так и в мировом масштабе со всей очевидностью проявили в нашей стране свою несостоятельность. В связи с этим возникла острая необходимость резкой смены курса социально-экономического развития России в сторону реиндустриализации и модернизации производства за счет источников интенсивного роста, т. е. ускоренного возрождения и развития производительного (реального) сектора экономики. В этой ситуации просматривается определенная аналогия с 1929 г., когда в странах Запада обрушилась экономика и социальная сфера, а СССР, правопреемницей которого в поправках к российской Конституции законодательно признается нынешняя Россия, приступил именно в данный, наиболее подходящий момент ослабления Запада к реализации прямо противоположного сценария — широкомасштабной индустриализации, опираясь преимущественно на источники интенсивного роста, и прежде всего на снижение материальных издержек производства продукции при том же или более высоком качестве продукции.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Рыбковская О.Н. Метод повышения эффективности экономики и интеллектуализация труда в СССР (конец 1930-х — середина 1950-х гг.) // Философия хозяйства. 2023. № 4. С. 139—168. DOI: 10.5281/zenodo.8065548.

Период 1930-х — первой половины 1950-х гг. отмечен преобразованием и возвышением человека через труд на благо своей Родины, как эпоха массового энтузиазма и творчества. Этому в значительной мере способствовала широко внедренная в 1939 г. оригинальная система стимулирования творческого труда, известная под аббревиатурой МПЭ, что означало метод повышения эффективности труда отдельных коллективов, предприятий и, в конечном счете, всей экономики. Эта система обеспечила успешное функционирование социальных лифтов для лучших в своей профессии. В результате энтузиазм стал поистине массовым, почти каждый старался всячески развивать и как можно более полно использовать свой интеллектуальный потенциал. В результате объективные трудовые успехи каждого трудящегося, независимо от отрасли, где он работал, позволяли ему не только получать ощутимую моральную и материальную отдачу от своего творческого труда, но и видеть, как интеллектуализация его труда служила делу повышения уровня духовной и материальной жизни всех граждан, которые вместе составляли единую корпорацию — СССР, ставший во многом благодаря этому второй мировой промышленной державой.

Ключевые слова: метод повышения эффективности экономики, интеллектуализация труда, интеллектуальный потенциал, реиндустриализация, сверхплановое снижение себестоимости продукции, рост производительности труда, сверхплановая работа, временные проектные коллективы

Abstract. In the conditions of the beginning of the collapse of the entire world economy into a new global financial and economic crisis, which, according to prominent Russian and Western economists, will surpass the Great Depression of 1929—1933 in its depth, post-Soviet Russia since March 2020 entered the stage of economic and social turbulence. The former, imposed on Russia by the West in the 90-s. of the last century, the «drivers» of weak economic growth — foreign investment, the development of the service sector and oil and gas revenues — in the situation of a sudden artificial sharp slowdown in the economy, both on a Russian and global scale, clearly showed their failure in our country. In this regard, there was an urgent need for a sharp change in the course of Russia's socio-economic development towards reindustrialization and

modernization of production at the expense of sources of intensive growth, i.e. accelerated revival and development of the productive (real) sector of the economy. In this situation, a certain analogy can be seen from 1929, when the economy and social sphere collapsed in the Western countries, and the USSR, whose legal successor in the amendments to the Russian Constitution, the current Russia is legally recognized, began precisely at this most appropriate moment of the weakening of the West to implement the opposite scenario — large-scale industrialization, relying mainly on the sources of intensive growth, and above all on the reduction of material costs of production with the same or higher product quality.

Period 30-s. — the first half of the 50-s. 20-th century marked by the transformation and elevation of man through labor for the good of his homeland, as an era of mass enthusiasm and creativity. This was largely facilitated by the original system of stimulating creative labor, widely introduced in 1939, known under the abbreviation MPE, which meant a method of increasing the efficiency of the work of individual teams, enterprises, and, ultimately, the entire economy. This system ensured the successful functioning of social elevators for the best in their profession. As a result, enthusiasm became truly massive, almost everyone tried in every possible way to develop and use their intellectual potential as fully as possible. As a result, the objective labor success of each worker, regardless of the industry where he worked, allowed him not only to receive tangible moral and material returns from his creative work, but also to see how the intellectualization of his work served to raise the level of spiritual and material life of all citizens, which together constituted a single corporation — the USSR, which, largely due to this, became the second world industrial power.

Keywords: method of increasing the efficiency of the economy, intellectualization of labor, intellectual potential, reindustrialization, above-plan reduction in production costs, labor productivity growth, above-plan work, temporary project teams

УДК 330
ББК 65

В 1939 году вы, русские, были умными, а мы, японцы, дураками. В 1949 году вы стали ещё

умней, а мы японцы были пока дураками А в 1955 году мы поумнели, авы превратились в пятилетних детей. Вся наша экономическая система практически полностью скопирована с вашей, с той только разницей, что у нас капитализм, частные производители, и мы более 15% роста экономики никогда не достигали, а вы при общественной собственности на средства производства достигали 30 % роста и выше.

Из выступления японского миллиардера Хероши Такавамы на советско-американском симпозиуме, 1991 г. [10].

6 июня 2020 г. впервые появился план реиндустриализации российской экономики. Этот план содержится в основных чертах в Распоряжении № 1512–р «Об утверждении Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности РФ до 2024 г. и на период до 2035 г.», изданном правительством М.В. Мишустина. Как основные цели в данном документе обозначены ускорение технологического развития России, внедрение цифровых технологий в производство и рост конкурентоспособности экспортной продукции [13]. Следует отметить, что в качестве «мотора» реиндустриализации рассматриваются главным образом обрабатывающая промышленность и интенсивные источники ее роста: к 2024 г. число компаний в отраслях, осуществляющих инновации, должно составить до 50% от их общего числа; рост производительности труда на средних и крупных предприятиях не должен быть менее 5% в год; в результате индекс производства обрабатывающей промышленности к 2035 г. должен достигнуть 192%.

Премьеру РФ М.В. Мишустину и первому вице–премьеру А.Р. Белоусову удалось в определенной мере добиться финансирования реиндустриализации и модернизации российской экономики как за счет эффективных государственных инвестиций из Фонда национального благосостояния, так и ограниченной дополнительной эмиссии с целью финансирования конкретных масштабных проектов инфраструктурного характера [13]. Это позволит, хотя и в ограниченном объеме, но наращивать рублевую денежную массу в соответствии с реально выполняемыми работами по созданию новых товаров и услуг. Сбыт продукции обрабатывающей промышлен-

ленности предполагается на начальном этапе обеспечить за счет расширения госзаказов в рамках национальных проектов.

Новые технологии — еще одно важное условие претворения в жизнь Сводной стратегии [13]. Ввиду того, что страны Запада ввели против России соответствующие санкции с целью сдержать всестороннее развитие России, остается один выход — самим создавать новейшие технологии, без внедрения которых невозможна реиндустриализация России, т. е. восстанавливать технологический суверенитет страны, причем делать это приходится в условиях сложнейшей военно-политической обстановки, балансирующей на грани горячей войны с Западом. Курс на восстановление технологического суверенитета был взят российским правительством в 2022 г., причем Российская академия наук с начала 2023 г. встраивается в государственную систему принятия решений посредством проведения экспертизы по государственным проектам, и в целом ее деятельность разворачивается в сторону реального сектора экономики: теперь приоритетом становятся прикладные разработки. В связи с этим изменяются даже критерии оценки эффективности научных исследований в сторону их практического применения в экономике [1].

Еще раньше свои предложения по будущей стратегии экономического развития России в докладе «О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса» в развернутом виде представил министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии С.Ю. Глазьев. Однако и в Сводной стратегии, и в докладе С.Ю. Глазьева внимание преимущественно сосредоточено на макроэкономических аспектах, в то время как источники финансирования, а также проблема запуска широкого создания технологий на самих предприятиях, т.е. на уровне микроэкономики, пока не раскрыты [13]. Лишь в одной из статей С.Ю. Глазьева вскользь отмечается, что необходимо закрепить юридически понятие нормальной рентабельности, включающей в себя расходы на инновации, повышение качества и снижение издержек выпускаемой продукции. Это позволяет предположить, что, вероятно, имеется в виду заимствование отдельных элементов антизатратной модели экономики на корпоративном уровне, которая существовала в СССР в 1930-х — первой половине 1950-х гг.

Но чтобы осуществить реиндустриализацию и модернизацию экономики, нужно, как и в СССР указанного периода, найти новые «драйверы» развития, т. е. пересмотреть подходы и к промышленной политике (макроэкономика), и к образованию, и к организации и стимулированию труда (микроэкономика), а главное — определить саму цель развития экономики не как погоню за золотым тельцом, а как традиционное для России «домостроительство» в интересах духовного и материального роста человека.

Период 1930–х — первой половины 50–х гг. известен как небывалая в истории Отечества эпоха стремления к преобразению и возвышению человека через труд на благо своей Родины, эпоха энтузиазма и творчества. Этому в значительной мере способствовала внедренная в 1939 г. почти во всех коллективах огромной страны оригинальная, поистине новаторская система стимулирования творческого труда, известная под аббревиатурой МПЭ, что означало метод повышения эффективности труда отдельных коллективов, предприятий и, в конечном счете, всей экономики страны. Эта система обеспечила успешное функционирование социальных лифтов для лучших в своей профессии. В результате энтузиазм стал поистине массовым, почти каждый старался всячески развивать и как можно более полно использовать свой интеллектуальный потенциал. В конечном счете объективные трудовые успехи каждого трудящегося, независимо от отрасли, где он работал, позволяли ему не только получать ощутимую моральную и материальную отдачу от своего творческого труда, но и видеть, как его труд вливался в труд всего народа и служил делу повышения уровня духовной и материальной жизни всех граждан, которые вместе составляли единую корпорацию — СССР.

В этот период Советский Союз демонстрировал всему миру поистине небывалые, фантастические темпы экономического развития (до 20% в отдельные годы 1950-х гг.). Темпы среднегодового роста экономики составляли в период 1929—1940 гг. 14,5%, а в период 1946—1955 гг. — 13,0% [2]. Известный авторитетный ученый-статистик в сфере экономической истории России Г.И. Ханин приводит следующие рассчитанные им данные по динамике ВВП в развитых странах мира в первой и второй половине 1950-х гг., а также за все это десятилетие (табл.1).

Таблица 1

Динамика ВВП в развитых странах мира за 1950–1960 гг.
(в % к началу периода, принятому за 100)

Страны	1951—1955 гг.	1956—1960 гг.	1951—1960 гг.
СССР	162	151	244
США	124	107	133
Великобритания	115	110	127
Франция	124	127	158
ФРГ	154	141	217
Япония	143	177	253

Примечания:

1. Статистические данные по СССР, приведенные во 2-м и 3-м столбцах данной таблицы, взяты/рассчитаны по [17], соотношение национальных доходов СССР и США в 1950 г. и 1960 г. — 31% и 58%.

2. Статистические данные по странам Запада за период 1951–1955 гг. и за 1956–1960 гг., а также за период 1951–1960 гг., приведенные во 2-м, 3-м и 4-м столбцах, взяты/рассчитаны по [24, 857–863].

3. Статистические данные по СССР, приведенные в 4-м столбце, рассчитаны к основе, взятой на 1950-й г., как разница между данными за 1951–1960 гг. и 1951–1955 гг. [8, 141].

Источник: [23; 17,91; 24, 857–863; 8, 141].

Из таблицы 1 можно сделать вывод, что ВВП в СССР возрастал в первой половине 1950-х гг. при взятой основе 1950 г. (=100) темпами, значительно превышавшими соответствующий показатель во всех остальных развитых странах Запада. Однако в период 1956—1960 гг., после того как советское руководство во главе с Генеральным секретарем КПСС Н.С. Хрущевым отказалось от использования метода МПЭ, на первое место по динамике выдвинулась Япония, а СССР сохранил за собой второе место. По всей видимости, это объясняется тем, что с 1955 г. Япония на корпоративном уровне взяла на вооружение этот же прогрессивный метод, опираясь на коллективистские начала японской цивилизации.

Если взять в качестве основы 1929 г., когда СССР приступил к индустриализации на широком фронте, отрыв динамики ВВП

СССР от аналогичного показателя других развитых стран Запада становится особенно впечатляющим (табл. 2).

Таблица 2

**Рост ВВП СССР и ведущих стран Запада в 1930–1950-е гг.
(1929 г. — 100%)**

Страны	1929	1937	1943	1946	1949	1950	1952	1955
СССР	100	429	573	446	870	1082	1421	2049
Все капиталистические страны	100	104		107	130	148	164	193
В том числе:								
США	100	103	215	153	164	190	210	234
Великобритания	100	124	231	118	144	153	153	181
Франция	100	82		63	92	92	108	125
Италия	100	99		72	108	124	148	194
ФРГ	100	114		35	93	117	150	213
Япония	100	169		51	101	115	173	239

Источник: [20].

Данная таблица наглядно показывает, что темпы роста экономики СССР были в период 1930—1950-х гг. в целом примерно в 10 раз выше, чем аналогичный показатель промышленно развитых стран Запада. Это поражало воображение и вызывало зависть и восхищение многих лидеров западного мира, в странах которых Великую экономическую депрессию не удалось преодолеть вплоть до начала Второй мировой войны. К числу проявлявших здоровый интерес к новаторскому советскому опыту относились и президент США Франклин Делано Рузвельт, и Гарри Декстер Уайт, руководитель отдела валютных исследований Министерства финансов США, помощник министра финансов, впоследствии ставший архитектором Бреттон-Вудской мировой финансовой системы. Однако следует отметить, что оригинальный метод стимулирования труда, успешно примененный в СССР, в наиболее полной мере впоследствии был взят на вооружение именно на предприятиях послевоенной Японии, поскольку для эффективного функционирования МПЭ необходимы многовековые навыки коллективного труда во имя единой общей цели. Такие цивилизационные особенности наиболее

характерны для российской и японской цивилизаций, которые формировались и развивались соответственно в условиях сурового климата и частых природных катаклизмов, где выживание возможно лишь с опорой на коллективистские начала в социуме.

В Советском Союзе уже в ходе первой пятилетки (1928—1932 гг.) начали применяться новые, невиданные в капиталистическом мире моральные и материальные методы стимулирования труда. Уже в середине 1930-х гг. в стране был взят курс на всестороннее повышение статуса человека труда. Наряду с материальными стимулами, сразу стали применяться и моральные мотивации труда. Развернулось социалистическое соревнование, которое выявляло лучших, однако не означало снижения жизненного уровня остальных тружеников. В 1930-е гг. в стране получило распространение стахановское движение, которое во многом было основано на разделении отдельных трудовых функций, что, как и в экономике, внедренной Генри Фордом на своих предприятиях, повышало производительность труда и эффективность производства. Во многих сферах народного хозяйства появились такие новые звания, как «Герой социалистического труда», «Заслуженный деятель», «Заслуженный работник». Всячески поощрялось чувство работы во имя общего дела как на уровне предприятий, отраслей, так и всей страны, для успеха которого необходимы коллективизм и взаимопомощь. Главной внеэкономической целью для страны в целом стала подготовка к победе в грядущей мировой войне. Как когда-то в православной Византийской империи, действовал принцип: «кто не работает, тот не ест». Стимулом к труду служила и борьба с различными незаконными доходами.

В годы первой пятилетки создание основ тяжелой промышленности происходило в основном посредством вовлечения в процесс индустриализации дополнительного притока рабочей силы из села и других факторов производства, в частности, накоплений за счет резервов из бюджета, а также накоплений, которые формировались за счет доходов, поступающих от сельского хозяйства и легкой промышленности, т. е. экстенсивным путем. Однако уже в то время к советскому руководству стало постепенно приходить осознание необходимости опоры в будущем на интенсивные источники роста. Так, еще на Совещании хозяйственников в июне 1931 г. в

своем докладе «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» руководитель страны акцентировал внимание лидеров советской промышленности на накоплениях внутри промышленности посредством снижения себестоимости продукции: «...А что такое снижение себестоимости? Вы знаете, что каждый процент снижения себестоимости означает накопление внутри промышленности в 150—200 млн. рублей... А что для этого требуется? Уничтожение бесхозяйственности, мобилизация внутренних ресурсов промышленности, внедрение и укрепление хозрасчета во всех наших предприятиях, систематическое снижение себестоимости, усиление внутрипромышленного накопления во всех без исключения отраслях промышленности» [18].

Эта система стала формироваться в период вступления экономики страны во вторую пятилетку (1933—1937), о чем свидетельствует выступление руководителя СССР в январе 1933 г.: «В период первой пятилетки мы сумели организовать энтузиазм, пафос *нового строительства* и добились решающих успехов. Это очень хорошо. Но теперь этого недостаточно. Теперь это дело должны мы дополнить энтузиазмом, пафосом *освоения* новых заводов и новой техники, серьезным поднятием производительности труда, серьезным сокращением себестоимости. *В этом теперь главное*» [19, 186].

В годы первой (1928—1932) и второй (1933—1937) пятилеток в результате использования как экстенсивных, так и интенсивных факторов роста было построено множество стратегически важных промышленных объектов: например, Днепрогэс, Уралмаш, Турксиб, ГАЗ, целый ряд металлургических и тракторных заводов. В период двух первых пятилеток производство чугуна и стали в Советском Союзе увеличилось в 4 раза, угля — в 3,5 раза, нефти — в 2,5 раза, а электрической энергии — в семь раз [3; 7].

Однако в то время многие решения в отношении использования интенсивных факторов развития экономики принимались интуитивно, преимущественно на основе здравого смысла, поскольку еще не был открыт феномен интеллектуальной природы производства и ее закономерностей. Первооткрывателем интеллектуальной природы хозяйства, носителем которой является человек с его разумом, и комплекса ее закономерностей стал в начале XXI в. видный ученый-профессионал в сфере интеллектуальной собственности

Борис Борисович Леонтьев. Он впервые констатировал, что интеллектуальная природа существует наряду с давно известными человеку неорганической (неживой) и органической (живой) природой [5]. В качестве аргументации в пользу своего открытия «третьей природы» и создания основ новой науки — интеллектологии — науки о развитии и эффективном использовании интеллекта — Б.Б. Леонтьев в статье «Генетическая основа мировой экономики и права» [6] указывает на рост интеллектоемкости социально-экономических и технологических процессов, что особенно значимо в условиях нарастания противостояния России с Западом.

Говоря на языке новой даже для наших современников науки интеллектологии, в период советской индустриализации необходимо было сначала на уровне микроэкономики создать оригинальный механизм, который обеспечивал бы всестороннюю заинтересованность рабочих коллективов и руководителей предприятий во внедрении новейших достижений научно-технического прогресса с целью снижения себестоимости продукции и повышении эффективности производства.

Для этого очевидно, что, выражаясь категориями интеллектологии, следует разработать и внедрить методы увеличения интеллектуального капитала и наращивания интеллектуальных ресурсов в субъектах экономической деятельности с целью роста интеллектуального потенциала предприятий, отраслей и экономики в целом. В годы второй пятилетки стали постепенно «нащупывать» наиболее перспективный путь к достижению этой цели — создание малых групп (коллективов) на предприятиях для практической реализации конкретных экономических предложений по снижению себестоимости продукции при сохранении неизменного или даже повышению качества продукции, исходивших от сотрудников любого уровня и позднее оформляемых в виде проекта. Это способствовало стремлению каждого члена группы развивать свои навыки самоорганизации и самообразования, но также и означало принятие на себя ответственности перед своей группой за порученный участок работы. При создании проектных групп, разработке и утверждении проектов критически оценивались и совершенствовались различные варианты управленческих решений с учетом критериев снижения себестоимости, экономической и социальной эффективности, а так-

же всевозможных рисков. Это и означало, выражаясь языком интеллектологии, создание систем управления интеллектуальными ресурсами на предприятиях и в организациях различных сфер советской экономики. В годы второй пятилетки поистине революционный метод повышения эффективности (МПЭ) еще не сформировался в комплексную систему, и лишь в 1939 г. ее создание было в целом завершено.

Рассмотрим действие метода МПЭ на уровне микроэкономики, т. е. отдельно взятого предприятия (организации), а в заключение представим его результативность в макроэкономическом измерении.

Основной подход, который составил основу МПЭ, отличался простотой и в то же время гениальностью. Этот подход содержал три основных момента: разделение всех форм коллективного труда на плановый и сверхплановый; регламентацию сверхплановой работы практически для всех видов коллективной деятельности; выстраивание объективной, основанной на последних достижениях науки системы материального и морального стимулирования сверхплановой деятельности посредством создания временных проектных групп с начислением баллов каждому члену такого коллектива в зависимости от его трудового участия в работе над проектом, а также относительно небольшого премиального фонда.

Плановая работа предусматривает проведение и завершение к определенному сроку заранее фиксированного объема работ. За это работнику предприятия/организации, как правило, выплачивается ежемесячная зарплата/оклад в размере, который соответствует его квалификации и стажу работы по специальности. При этом за выполнение плана зарплата/оклад частично выплачивается ему в виде премиальных (квартальных или годовых). При срыве сроков проведения и завершения плановых работ премии лишаются все члены коллектива, поэтому любой из них заинтересован в достижении плановых показателей к указанному сроку. Несмотря на то, что у руководителей предприятия/организации существует возможность изменять размер премии с целью поощрения/наказания отдельных сотрудников, креативный работник лишен возможности в полной мере реализовать свой творческий потенциал и достигнуть сверхплановых результатов в масштабах всего предприятия/организации

[4]. Помимо этого, сверхплановая работа в обычных условиях преимущественно подлежит наказанию в виде установления в будущем более высоких плановых показателей. Отсюда произошло известное изречение: «Инициатива наказуема».

Метод повышения эффективности, напротив, успешно преодолевал это ограничение в реализации интеллектуального потенциала сотрудников. МПЭ развивал этот потенциал, в том числе посредством выплаты вознаграждения за эту сверхплановую работу. Вначале преобладали материальные стимулы сверхпланового снижения материальных производственных затрат, а впоследствии на первый план выдвинулись моральные стимулы к инновационной деятельности такого рода.

Следует отметить очень важный момент — соблюдение основного принципа социальной справедливости, а именно: от каждого по способностям, каждому по труду. Это позволяло людям-творцам в полной мере ощущать свое человеческое достоинство как творческой личности и пользоваться уважением на предприятии, а часто, если их инновации находили применение на отраслевом уровне, то и в целой отрасли, а иногда и в общенациональном масштабе. Самые лучшие в своей профессии часто становились депутатами Верховного Совета и могли участвовать в принятии судьбоносных для страны решений. Однако другие члены коллектива также получали свою долю вознаграждения за сверхплановый труд в виде премий и потому были заинтересованы в выявлении и продвижении новаторов из своей среды. В результате в коллективе отсутствовала зависть к творцам и трудовые конфликты, характерные для стахановского движения [12]. Напротив, устанавливалась атмосфера доброжелательности и взаимопомощи.

Небольшой премиальный фонд директора пополнялся за счет снижения затрат на предприятии. Впервые фонд директора был учрежден в 1936 г. Данный фонд состоял из двух частей: в зависимости от отрасли в фонд директора перечислялось 4—10% от планового снижения затрат, но значительно в большей мере он пополнялся за счет сверхплановой экономии на производственных затратах — от 50% до 75% сверхпланового снижения издержек производства [2]. Создание фонда директора имело решающее значение

для внедрения МПЭ уже через три года, в 1939 г. по всей стране везде, где люди трудились в коллективе.

При применении МПЭ учитывались особенности отдельно взятых отраслей народного хозяйства, производственной и непроизводственной сферы. Что касается использования метода повышения эффективности в конструкторских бюро, все работы проводились там по заказам министерств, преимущественно отраслевых. К заказу прилагалось задание, в котором фиксировались плановые показатели как проекта, так и проектируемого объекта. К ним относились следующие: срок реализации проекта, его стоимость, за исключением фонда заработной платы, стоимость проектируемого объекта, и, наконец, наиболее существенные технические характеристики объекта.

В задание также всегда включалась шкала премий за превышение плановых показателей, т. е. указывались абсолютные значения премий в стоимостном выражении. Эти премии могли выплачиваться за снижение стоимости проекта или объекта проектирования, сокращение его сроков, а также за улучшение главных технических характеристик объекта. Для каждого заказа предоставлялся премиальный фонд, причем исключительно для стимулирования сверхплановых работ. Его относительный объем был на первый взгляд весьма скромным и составлял всего 2% от стоимости проекта. Впрочем, для заказов государственной значимости в качестве премий могли предусматриваться квартиры, автомобили и даже правительственные награды [4]. Особо следует упомянуть, что после подведения итогов реализации проекта судьба премиального фонда могла сложиться двояким образом: либо этот фонд в случае успеха использовался по назначению, либо, в противном случае, он подлежал возврату или конкретному заказчику (как правило, министерству), или другим государственным органам.

Временные проектные коллективы формировались следующим образом. Руководителями проектов назначались в основном работники, не занимавшиеся административной деятельностью, чтобы они могли с полной отдачей трудиться в проекте и не отвлекаться на какие-либо формальности административно-бюрократического характера. Не случайно именно содержательный, а не бюрократический труд прославлялся в популярных советских

кинофильмах и литературных произведениях того времени, например, в кинофильме «Светлый путь» (1940). Именно талантливые и трудолюбивые сотрудники–специалисты, а не администраторы–бюрократы охотно включались в состав временных проектных коллективов и могли в случае успешной реализации проекта рассчитывать на весомое моральное и материальное вознаграждение, а зачастую и на повышение в должности. Кадровая служба СССР периода 1930-х — первой половины 1950-х гг. была «заточена» на выявление и продвижение таких перспективных кадров.

Члены проектного коллектива отбирались руководителями проектов из среды сотрудников одного или нескольких подразделений предприятия в случае согласия руководителей этих структурно–организационных единиц. При этом не исключалось и привлечение сотрудников других организаций, если их коллективы участвовали в проекте. Заместитель назначался руководителем проекта из числа членов проектного коллектива [4]. В ходе реализации проекта руководитель имел право в любой момент исключить из коллектива любого члена, который либо не справлялся с работой, либо отличался ленью или склонностью к интригам и сплетням. В силу этого отсеивались негодные к проектной работе кадры, которые впоследствии практически не имели шансов на повышение по работе, так как это становилось известно всему коллективу соответствующего предприятия/организации. Таким работникам чаще всего приходилось покидать данное предприятие.

В самом начале выполнения проекта каждый член коллектива, за исключением руководителя проекта и его заместителя, получал 1 балл, который отражал его участие в проектной работе. Сам руководитель в этот же момент получал дополнительные 5 баллов, а его заместитель — 3 балла. По мере осуществления проекта руководитель мог начислить каждому участнику проекта в соответствии с его вкладом в успех проекта от одного до трех добавочных баллов, причем это начисление происходило открыто и обоснованно, в присутствии всех членов коллектива.

По мере реализации проекта участники проектного коллектива вносили рационализаторские предложения, реже — заявки на изобретения. Если эти предложения позволяли достигать сверхплановых показателей проекта, они оценивались в 3 балла, а заявки на

изобретения — в 5 баллов [4]. Нередко одни и те же участники проекта разрабатывали и рационализаторские предложения, и заявки на изобретения в ходе совместных дискуссий и разработок. Следует отметить, что часто такие обсуждения происходили после окончания рабочего дня на заседаниях своего рода «рабочих кружков» — опыт, который впоследствии, с 1955 г., будет позаимствован японскими корпорациями. Поэтому эти баллы — 3 балла за рационализаторское предложение и 5 баллов за заявку на изобретение — авторы этих совместно разработанных инициативных предложений делили друг с другом по взаимному согласию. Это соответствовало вековой организации труда в России на коллективистских, артельных началах, ведь недаром русского человека называли «человеком артельным» и говорили об «артельности русского народа» [15, 127—129].

Таким образом, перед завершением проекта каждому участнику были известны две величины: сумма своих премиальных, которая рассчитывалась в соответствии с количеством начисленных ему баллов, и общая стоимостная величина сверхплановой премии за проект в целом. Последняя соответствовала ранее установленным премиальным шкалам. Приемка проекта осуществлялась государственной комиссией и утверждалась на ее заседании. На следующий день все участники проекта получали причитающиеся им денежные выплаты [4].

Бывали случаи, когда при осуществлении долгосрочных и дорогостоящих проектов стоимость одного балла достигала несколько десятков тысяч современных долларов. Причем следует учитывать, что премирование осуществлялось как в денежной, так и в натуральной форме — командировками, в том числе за границу, дополнительными отпусками, предоставлением мест в санаториях и домах отдыха за счет фонда премирования за сверхплановую работу по росту эффективности производства. Моральный климат во временных проектных коллективах был весьма благоприятным, так как все работали ради общего дела и получали то вознаграждение, которое заслужили своим участием в проектной работе.

Внедрение метода повышения эффективности в промышленности имело некоторую специфику. Каждый год к плановым показателям добавляли пункт о сверхплановом снижении себестоимости

продукции на определенное число процентов (например, на 2%) благодаря тем или иным технологическим инновациям [4]. Премимальный фонд, как и временные проектные коллективы, создавался по аналогии с применением МПЭ в проектных организациях.

Другое отличие от проектных организаций заключалось в том, что общее количество баллов подсчитывалось в конце года, когда происходило премирование сотрудников предприятий. Объяснялось это следующим образом. Необходимо было, чтобы предприятие как минимум в течение одного года реализовывало продукцию с более низкой себестоимостью, но пока по первоначальной цене, поскольку за счет разности между первоначальной ценой и снизившейся себестоимостью и пополнялся премимальный фонд предприятия. Таким образом, получалось, что в условиях антизатратной экономики предприятия сами накапливали средства для содействия научно-техническому прогрессу на микроэкономическом уровне.

В результате, если принять 1914 г. за начальный уровень, объем промышленного производства СССР начал особенно динамично расти с 1929 г. — фактического начала индустриализации на широком фронте, когда индекс роста промышленной продукции был почти таким же, как у США. Именно с этого года динамика индустриального роста в СССР начала уходить в стремительный отрыв от США, которые в 1929 г. вместе с другими странами Запада как раз погрузились в пучину Великой экономической депрессии, из которой им так и не удалось окончательно выбраться вплоть до начала Второй мировой войны. В 1937 г. индекс физического объема промышленной продукции в Советском Союзе превысил аналогичный показатель в США в 6 раз, а гитлеровской Германии, восстановление которой усиленно финансировалось банковским капиталом США и Великобритании, в том числе по плану Юнга, — более чем в 7 раз. Не случайно этот план был разработан американским бизнесменом О. Юнгом и принят в Гааге именно в 1929 г., когда был дан старт индустриализации СССР на широком фронте. План Юнга предусматривал сокращение репараций Германии до 2 млрд. марок на ближайшие 37 лет, а также ликвидацию всех форм международного экономического и финансового контроля над Германией.

Таким образом, представленный на рис. 1 разрыв в динамике промышленного производства между СССР, с одной стороны, и США и Германии, с другой, начал возникать еще в 1931 г., когда на отдельных предприятиях ряда отраслей началась апробация МПЭ. Этот разрыв становится огромным в 1937 г., когда оставалось только два года до внедрения МПЭ почти повсеместно в стране (рис. 1).



Рис. 1. Индекс физического объема промышленной продукции Российской империи/СССР, США и Германии (в % к 1913 г.) [23]

Столь стремительные темпы роста промышленного потенциала СССР уже изначально означали заведомый экономический проигрыш гитлеровской Германии в войне с СССР, несмотря на предстоящую мобилизацию всего экономического потенциала оккупированных гитлеровцами до 1941 г. стран Западной, Центральной и Восточной Европы и скрытую помощь Гитлеру от англосаксонских банкиров, которая будет регулярно осуществляться и во время вой-

ны, в том числе через Банк международных расчетов (БМР) в швейцарском Базеле.

Что касается динамики машиностроения, даже за год до начала массового применения МПЭ в 1939 г., а именно в период 1929—1938 гг. объем продукции машиностроения в Советском Союзе увеличился в 11 раз. Среди стран Запада наиболее динамично этот показатель возрастал в Японии (в 2,5 раза), однако это совсем незначительный рост по сравнению с СССР [22].

МПЭ в промышленности действовал не только в мирный, но и в военный период существования антизатратной модели советской экономики. Даже в это сложное время росла производительность труда и снижалась себестоимость продукции. За четыре года войны себестоимость разных видов вооружений снизилась более чем вдвое (табл. 3).

Таблица 3

**Себестоимость некоторых видов военной продукции СССР
в начале и конце Великой Отечественной войны**

Военная продукция	Стоимость производства в р.	
	1941	1945
Бомбардировщик Пе-2	420 000	265 000
Бомбардировщик ИЛ-4	800 000	380 000
Танк Т-34	270 000	142 000
Гаубица М-30	94 000	35 000
Автомат ППШ	500	148
Винтовка Мосина (выпускалась с 1891 г.)	163	100

Источник: [7].

Директоров предприятий обязывали как можно более широко использовать сдельную оплату труда работников. Доля сотрудников, работавших по этой системе, подлежала включению в годовой отчет предприятия. Это объясняется тем, что сдельная система оплаты труда наиболее удобна для оценки вклада отдельного работника в результаты как плановой, так и сверхплановой работы. Некоторые высококвалифицированные рабочие Первоуральского новотрубного завода в годы Великой Отечественной войны зарабатывали в месяц до 2500 р. В тот же период оклад директора Ново-

трубного завода, лауреата Сталинской премии Якова Осадчего лишь немного превышал 3000 р. Таким образом, слесарь 6-го разряда получал зарплату, сопоставимую с зарплатой главного менеджера промышленного гиганта — самого крупного советского предприятия по производству труб.

Руководители предприятий стремились выявлять и продвигать таких творцов производства, поскольку выполнение и перевыполнение плана означали получение ими премии, в результате чего их зарплата возрастала вдвое. Начальники цехов тоже всячески «леяли» своих лучших работников, например, начальник газогенераторного цеха Новотрубного завода за бесперебойную работу цеха мог получить вместо 1500 р. уже 3750 р. [9].

В научно-исследовательских и академических институтах учитывалась специфика труда ученых, эффективность которого не поддается расчетам. Поэтому плановая и сверхплановая работа научных сотрудников разделялась в этих учреждениях особым способом. К сверхплановой работе в научно-исследовательских институтах были отнесены дополнительные НИОКР, для которых, в отличие от основных работ, в обязательном порядке существовал фонд заработной платы. Этим фондом распоряжался руководитель дополнительных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, назначение которого входило в полномочия администрации научно-исследовательского или академического института. Что касается создания временных коллективов и начисления баллов их членам за конкретный вклад в выполнение дополнительных НИОКР, здесь действовали такие же механизмы, как и в проектных организациях и в промышленности.

В НИИ выплаты по баллам осуществлялись в регулярном порядке, а именно каждый месяц в форме надбавки к базовой заработной плате из средств фонда дополнительных НИР. Довольно часто случалось, когда тот или иной член временного коллектива вносил особо весомый вклад в проведение дополнительной НИР, в результате чего у него было наибольшее количество начисленных баллов, и надбавка за участие в дополнительной НИИ была выше, чем базовая зарплата. Это приводило к цепной реакции: остальные участники данного временного проектного коллектива при участии в последующих дополнительных научно-исследовательских работах

стремились наверстать упущенное и оказаться не хуже других. Что касается тех, кому не удавалось стать членом временного коллектива, они ощущали дискомфорт и по собственному желанию увольнялись из НИИ. Благодаря этому в этих учреждениях оставались в основном талантливые и трудолюбивые сотрудники, и научная работа быстро продвигалась вперед. Так благодаря грамотному управлению интеллектуальными ресурсами научно-исследовательских и академических институтов возрастал интеллектуальный потенциал этих учреждений. Очевиден разительный контраст по сравнению с работой институтов академической и отраслевой науки в позднюю эпоху правления Н.С. Хрущева и особенно в период брежневского застоя, когда на работу в НИИ ходили большей частью формально, чтобы создавать видимость работы и получать зарплату, в результате чего и фундаментальная, и прикладная наука по существу перестали быть производительной силой общества.

В высшей школе метод повышения эффективности также применялся с учетом специфики труда: в качестве основной работы рассматривалась учебная деятельность, а к сверхплановой работе относили научную работу. В остальном МПЭ использовался по аналогии с научно-исследовательскими и академическими институтами.

Однако существуют сферы, например, медицина и преподавание в школах, где труд изначально носит ярко выраженный индивидуальный характер. В данных случаях разработчики МПЭ столкнулись с невозможностью создания временных рабочих коллективов и соответственно оказалось нереальным ни начисление школьным педагогам и медицинскому персоналу баллов за сверхплановую работу, ни формирование премиальных фондов. Но для этих категорий работников все же удалось выделить сверхплановую работу. В частности, оклад школьных учителей устанавливался на основе 18-часовой нагрузки в неделю, однако в случае превышающей норму численности учеников в классе устанавливалась 24-часовая или 30-часовая нагрузка в неделю с увеличением зарплаты, а также предусматривались надбавки за дополнительные работы, например, за работу в качестве классного руководителя, что практикуется и в настоящее время [20]. Врачи и медсестры могли рабо-

тать дополнительно на 1,5—2 ставки, однако в период 1930—1950-х гг. как номинальные, так и реальные зарплаты этих работников были намного выше, чем в наше время. Доходы врачей превышали доходы рабочих примерно в 1,5 раза, а школьные учителя зарабатывали суммы, сопоставимые с окладом инженерно-технических работников в промышленности [20].

Помимо преобладавшего в советской экономике того времени государственного сектора, МПЭ нашел достойное применение и в секторе коллективного хозяйствования с учетом специфики артелей и кооперативов. Несмотря на то, что доля малых коллективных предприятий (в основном это были артели и кооперативы) в общем объеме валовой промышленной продукции Советского Союза составляла лишь около 6—10%, но их значение в экономике страны было велико: малые коллективные предприятия производили пятую часть товаров широкого народного потребления, а также до 80—90% разнообразия ассортимента. Этот сектор насчитывал около 114 000 различного рода предприятий, общая численность занятых на которых составляла примерно 2 млн человек. К ним относились различные мастерские, булочные и пекарни, золотодобывающие (старательские артели), металлообрабатывающие, мебельные, текстильные и другие предприятия [16].

Интересно, что коллективные малые предприятия в силу большей оперативности и гибкости в принятии решений зачастую выступали в роли первопроходцев по освоению выпуска первых партий высокотехнологичной продукции, что свидетельствует о высоком уровне интеллектуализации труда в этом секторе народного хозяйства. Так, например, эффективно работали 2 НИИ, около 100 конструкторских бюро и 22 лаборатории, где проводились различные научные эксперименты. Поразительно, но даже в блокадном Ленинграде артель «Примус» активно участвовала в производстве пистолетов-пулеметов Судаева (ППС).

Для обеспечения эффективного управления инновациями следует учитывать этот опыт, когда небольшие объединения инноваторов, каждый из которых наделен равными правами, нередко могут добиваться большей эффективности труда, чем НИИ, в которых преобладает бюрократический подход. Следовательно, в нынешней критически сложной ситуации, которая сложилась в соци-

ально-экономической сфере России после пика коронавирусной инфекции и временной остановки производства почти по всей стране, да еще и на фоне начала мирового финансово-экономического кризиса и проведения СВО на Украине, задача интеллектуализации труда на уровне микроэкономики и снижения уровня безработицы в значительной мере может быть решена путем создания правового поля, которое обеспечивало бы «режим наибольшего благоприятствования» для малых коллективных предприятий.

Какова же была результативность МПЭ в социальном и макроэкономическом измерении? МПЭ позволял регулярно снижать цены на товары самого широкого ассортимента. Поскольку основной отличительной чертой советской экономики периода 1930-х — первой половины 1950-х гг. был именно ее антизатратный характер, и снижение производственных затрат осуществлялось не за счет уменьшения уровня оплаты труда, а за счет сокращения именно материальных издержек производства, это позволяло снижать цены на самые различные товары при одновременном увеличении общего уровня дохода трудящихся. Во-первых, за счет премий как за плановое, так и сверхплановое снижение себестоимости продукции, причем в тот период не устанавливался верхний предел роста трудовых доходов населения, работавших на предприятиях и в организациях. Во-вторых, все население Советского Союза получало экономию за счет снижения цен на продовольственные товары и на промышленные товары широкого потребления. В частности, еще до широкого внедрения системы МПЭ вследствие снижения цен на различные продукты в 1935—1937 гг. все население СССР получило экономию примерно в 11,5 млрд. р. После 1945 г. масштабы и темпы удешевления товаров еще больше увеличились (табл. 4).

И, наконец, антизатратная экономика в макроэкономическом измерении позволяла за счет снижения материальных издержек производства, т. е. удешевления самой различной продукции, последовательно наращивать соответствующие объемы производства по всей огромной стране, подобно крупной корпорации, которой по сути и являлся Советский Союз.

Таблица 4

Снижение цен на основные продукты питания и на некоторые промышленные товары широкого потребления в 1947 и 1953 гг.

Наименование про- дуктов и товаров	Цены		Снижение цен
	1947 г.	1953 г.	
Хлеб белый (1 кг)	5,5 р.	3 р.	1,8 раза
Хлеб черный (1 кг)	3 р.	1 р.	3 раза
Мясо (говядина)	30 р.	12,5 р.	2,4 раза
Рыба (судак)	12 р.	7,1 р.	1,7 раза
Молоко (1 л)	3 р.	2,4 р.	1,3 раза
Масло сливочное	64 р.	27,82 р.	2,3 раза
Яйца (десяток)	12 р.	8,35 р.	1,45 раза
Сахар-рафинад	15 р.	9,4 р.	1,6 раза
Масло растительное	30 р.	17 р.	1,75 раза

Источник: [14].

Главными же результатами широкого применения МПЭ в СССР, благодаря которому и состоялось столь стремительное продвижение страны на позиции второй индустриальной державы мира с высоким научно-образовательным уровнем, являются становление и развитие ярких творческих личностей с высоким интеллектуальным потенциалом, которые в обычных условиях не имели бы таких стимулов для постоянного повышения своего образования и профессионального мастерства, которые чувствовали себя личностями и вместе с тем работали и творили в коллективах, в которых утвердилась высоконравственная атмосфера взаимной доброжелательности, отсутствовала субординация и повсюду ощущался «локоть товарища», готовность каждого члена коллектива выполнять любую часть работы, даже если она не соответствовала его статусу [4]. При этом материальные стимулы постепенно отходили на задний план и со временем уже не являлись движущей силой развития предприятия.

Таким образом, в условиях плановой экономики в результате массового применения метода повышения эффективности труда (МПЭ) в ходе третьей пятилетки СССР, которая началась в 1938 г., СССР из аграрной страны превратился в индустриальную державу и

впоследствии смог экономически «переиграть» экономику гитлеровской Германии, где действовали лишь индикативные пятилетние планы, и одержать как военную, так и экономическую победу над всей объединенной мощью Запада.

Лишь теперь, с началом нового, крайне глубокого и затяжного мирового экономического кризиса, после длительного засилия в постсоветской России догматических либерально-монетаристских взглядов на экономику, в нашей стране медленно, но неуклонно намечается «великий перелом», который заключается в отказе от финансовики и в полномасштабном развороте к плановому развитию сектора реальной экономики и возвеличиванию человека труда. Это частично нашло свое выражение в недавно принятых поправках к Конституции России, а именно поправках к 75 статье о финансовой системе РФ, где теперь намечается не только поворот к промышленности, широкомасштабная индустриализация/модернизация ее главных отраслей, но и подход к Российской Федерации как к государству-корпорации с учетом опыта сталинской экономики: «В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность» [11]. Централизованная плановая экономика СССР нашла более эффективное применение в масштабах огромной страны таким преимуществам любой крупной корпоративной структуры, как долгосрочное планирование, возможность концентрации огромных финансовых ресурсов на ключевых направлениях развития НИОКР, реализация крупных инвестиционных проектов в сжатые сроки и т. д., что невозможно в условиях децентрализованной экономики капитализма с индикативным планированием.

В 1956 г. система МПЭ была ликвидирована. Решающим стал запрет предприятиям при финансировании НИОКР иметь любые фонды оплаты труда, а производственные предприятия лишились такого ключевого планового показателя, как снижение себестоимости. В результате для предприятий и организаций стало невозможным иметь фонд для премирования за совершенствование техноло-

гий, и темпы научно-технического прогресса стали неуклонно снижаться. Тем самым происходил демонтаж модели антитратной экономики, что повлекло за собой переход к более низким темпам экономического развития и общее снижение уровня управления экономикой.

В нынешних условиях, когда Россия находится в состоянии острой гибридной войны с Западом, необходимо применить свое «интеллектуальное оружие» и укрепить с его помощью тыл. При этом целесообразным представляется обратиться к отечественному опыту повышения эффективности экономики, интеллектуализации труда, обеспечения социальной справедливости и перехода к принципу меритократии — власти достойных — в кадровой политике.

Литература

1. Власть нашла, как заменить иностранные технологии. 2022. URA.RU. Наука: URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/276981797> (дата обращения: 15.01.2023).
2. *Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О.* Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М.: Наше завтра, 2021. 360 с.
3. *Князев С.* «Вопреки мифам»: как пятилетки изменили экономику СССР. 2019: URL: <https://russian.rt.com/science/article/624227-sssr-pyatiletki-ekonomika-planirovaniye> (дата обращения: 04.04.2020).
4. *Курляндчик А.П.* Проклятая советская власть и итоги реформ в России. Кн. I. Россия императорская — Россия сталинская. 2-е изд., перер. и дополненное. Ставрополь: Зебра, 2015. 433 с.
5. *Леонтьев Б.Б., Леонтьева В.Б.* Интеллектуальная природа. Системное мышление. Интеллектология. Идеология. М.: РИНФО, 2019. 459 с.
6. *Леонтьев Б.Б.* Генетическая основа мировой экономики и права // Вестник РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. 2022. № 2. С. 68–87.
7. *Мартиросян А.Б.* Сталин и достижения СССР. М.: Вече, 2014. 320 с.
8. Народное хозяйство СССР в 1967 г. Статиздат, М: 1968.

9. *Николаев А.* Сможем ли мы обойтись без Сталина?: URL: <https://yablor.ru/blogs/smojem-li-mi-oboytis-bez-stalina/3578603> (дата обращения: 24.05.2023).

10. *Пичурин И.И.* Предпосылки и последствия демонтажа социалистической экономики в России: монография. Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 2009. 357 с.

11. Полный текст Закона «О поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”»: URL: <https://duma.gov.ru/news/48045/> (дата обращения: 08.06.2020).

12. *Потехин В.Н.* Опыт государственного управления экономикой // *Аграрный вестник Урала*. №10 (128). 2014. С. 98—103.

13. *Рыбковская О.Н.* Интеллектология как скрытый резерв получения преимуществ в конкурентной борьбе // *Наука и искусство управления*. Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 2021. № 4. С. 64–79. DOI: 10.28995/2782-2222-2021-4-64-79.

14. *Самойлов М.* Сталинское снижение цен после войны: URL: <https://s30890056223.mirtesen.ru/blog/43918678633/Stalinskoe-snizhenie-tsen-posle-voyni> (дата обращения: 23.05.2023).

15. *Смирнов И.П.* История мысли. Теоретические основания. М.: Буки Веди, 2020. 210 с.

16. Советская кооперация, которую мы потеряли. 2019: URL: <https://www.planet-kob.ru/articles/8850/sovetskaya-promkooperaciya-kotoruyu-my-poteryali> (дата обращения: 21.01.2023).

17. СССР. Народное хозяйство СССР. 1922—1982 гг. М.: Статиздат, 1983. С. 91.

18. *Сталин И.В.* Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства. Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. VI. О хозрасчете // *Сталин И.В. Полн. собр. соч.* Т. 13. М.: Политиздат, 1947.

19. *Сталин И.В.* Итоги первой пятилетки: Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). 7 января 1933 г. // *Сталин И.В. Соч.* Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951.

20. *Стариков Н.В.* Сталинская экономика. Секреты успеха: URL: https://vk.com/wall-9828339_1983819 (дата обращения: 20.02.2023).

21. *Торгашев В.А.* Вспоминая СССР: URL: <https://ccsr-revivel.blogspot.com/2013/04/torgashev-vspominaya-sssr.html> (дата обращения: 15.06.2020).

22. Темпы роста automobile- и машиностроения при Сталине: URL: https://zen.yandex.ru/media/burckina_faso/tempy-rosta-avtomobile-i-mashinostroeniia-pri-staline-5ed67c28a2e0fe7c6c3e8e53 (дата обращения: 15.06.2020).

23. *Ханин Г.И.* 50-е годы — десятилетие триумфа советской экономики // Свободная мысль — XXI. 2002. № 5.

24. Экономика капиталистических стран после второй мировой войны. М.: Внешторгиздат, 1959.

References

1. Vlast` nashla, kak zamenit` inostranny`e texnologii. 2022. URA.RU. Nauka: URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/276981797> (data obrashheniya: 15.01.2023).

2. Galushka A.S., Niyazmetov A.K., Okulov M.O. Kristall rosta k russkomu e`konomicheskomu chudu. M.: Nashe zavtra, 2021. 360 s.

3. Knyazev S. «Vopreki mifam»: kak pyatiletki izmenili e`konomiku SSSR. 2019: URL: <https://russian.rt.com/science/article/624227-sssr-pyatiletki-ekonomika-planirovaniye> (data obrashheniya: 04.04.2020).

4. Kurlyandchik A.P. Proklyataya sovetskaya vlast` i itogi reform v Rossii. Kn. I. Rossiya imperatorskaya — Rossiya stalinskaya. 2-e izd., perer. i dopolnennoe. Stavropol`: Zebra, 2015. 433 s.

5. Leont`ev B.B., Leont`eva V.B. Intellektual`naya priroda. Sistemnoe my`shlenie. Intellektologiya. Ideologiya. M.: RINFO, 2019. 459 s.

6. Leont`ev B.B. Geneticheskaya osnova mirovoj e`konomiki i prava // Vestnik RGGU. Ser. E`konomika. Upravlenie. Pravo. 2022. № 2. S. 68–87.

7. Martirosyan A.B. Stalin i dostizheniya SSSR. M.: Veche, 2014. 320 s.

8. Narodnoe khozyajstvo SSSR v 1967 g. Statizdat, M: 1968.

9. Nikolaev A. Smozhem li my` obojti` bez Stalina?: URL: <https://yablor.ru/blogs/smojem-li-mi-oboytis-bez-stalina/3578603> (data obrashheniya: 24.05.2023).

10. Pichurin I.I. Predposylki i posledstviya demontazha socialisticheskoy e`konomiki v Rossii: monografiya. Ekaterinburg: UGTU–UPI, 2009. 357 s.

11. Polny`j tekst Zakona «O popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii "O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel`ny`x voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti"»: URL: <https://duma.gov.ru/news/48045/> (data obrashheniya: 08.06.2020).

12. Potexin V.N. Opy`t gosudarstvennogo upravleniya e`konomikoj // Agrarny`j vestnik Urala. №10 (128). 2014. S. 98–103.

13. Ry`bkovskaya O.N. Intellektologiya kak skry`ty`j rezerv polucheniya preimushhestv v konkurentnoj bor`be // Nauka i iskusstvo upravleniya. Vestnik Instituta e`konomiki, upravleniya i prava Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2021. № 4. S. 64–79. DOI: 10.28995/2782-2222-2021-4-64-79.

14. Samojlov M. Stalinskoe snizhenie cen posle vojny`: URL: <https://s30890056223.mirtesen.ru/blog/43918678633/Stalinskoe-snizhenie-tsen-posle-voynyi> (data obrashheniya: 23.05.2023).

15. Smirnov I.P. Istoriya my`sli. Teoreticheskie osnovaniya. Monografiya. M.: Buki Vedi, 2020. 210 s.

16. Sovetskaya kooperaciya, kotoruyu my` poteryali. 2019: URL: <https://www.planet-kob.ru/articles/8850/sovetskaya-promkooperaciya-kotoruyu-my-poteryali> (data obrashheniya: 21.01.2023).

17. SSSR. Narodnoe xozyajstvo SSSR. 1922–1982 gg. M.: Statizdat, 1983. S. 91.

18. Stalin I.V. Novaya obstanovka — novy`e zadachi xozyajstvennogo stroitel`stva. Rech` na soveshhanii xozyajstvennikov 23 iyunya 1931 g. VI. O xozraschete. // Stalin I.V. Poln. Sobr. soch. T. 13. M.: Politizdat, 1947.

19. Stalin I.V. Itogi pervoj pyatiletki: Doklad na ob`edinennom plenumе CzK i CzKK VKP(b). 7 yanvarya 1933 g. // Stalin I.V. Soch. T. 13. M.: Gosudarstvennoe izdatel`stvo politicheskoy literatury`, 1951.

20. Starikov N.V. Stalinskaya e`konomika. Sekrety` uspexa: URL: https://vk.com/wall-9828339_1983819 (data obrashheniya: 20.02.2023).

21. Torgashev V.A. Vspominaya SSSR: URL: <https://cccp-revivel.blogspot.com/2013/04/torgashev-vspominaya-sssr.html> (data obrashheniya: 15.06.2020).

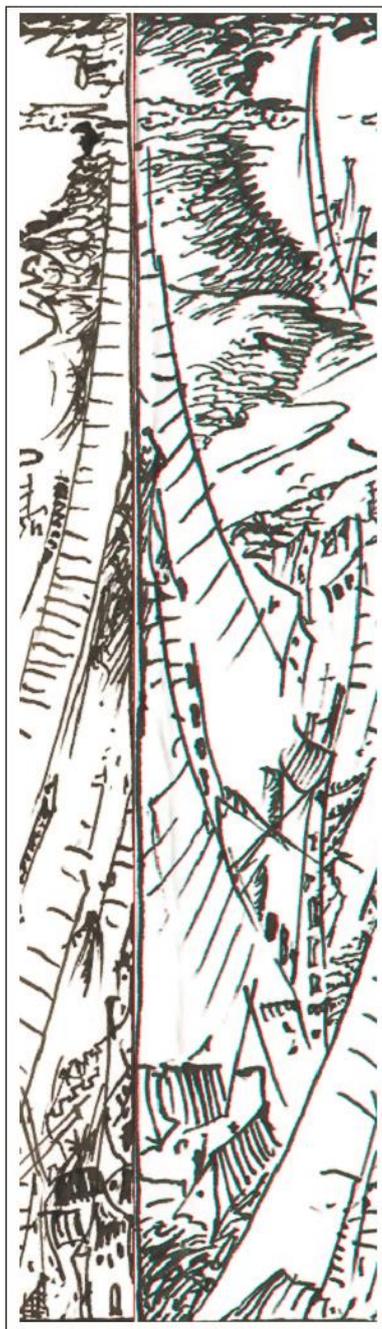
22. Tempy` rosta avtomobile- i mashinostroeniya pri Staline: URL: https://zen.yandex.ru/media/burckina_faso/tempy-rosta-avtomobile-i-mashinostroeniia-pri-staline-5ed67c28a2e0fe7c6c3e8e53 (data obrashheniya: 15.06.2020).

23. Xanin G.I. 50-e gody` — desyatiletie triumfa sovetskoj e`konomiki // Svobodnaya my`sľ — XXI. 2002. № 5.

24. E`konomika kapitalisticheskix stran posle vtoroj mirovoj vojny`». M.: Vneshtorgizdat, 1959. S. 857—863.



**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**



Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Иное и кармический детерминизм России*

Аннотация. Исследуются когнитивные и эвристические функции идеи кармы в социально-гуманитарном познании. Карма выступает в качестве ведической парадигмы, содержащей особый тип детерминизма, в котором идеальное в облике справедливости служит идеей и причиной. В пространстве человеческой истории этот детерминизм наиболее полно работает в организмах великих государств, империй. В Древнем Риме возник особый институт, посредством которого вершилась воля этого детерминизма — трибунаты. Основная и единственная задача трибунатов — проверка посредством права veto всех законов и указов власти на справедливость, имеющую свою опору в здравом смысле всех людей. В России кармический детерминизм действует посредством апофатического фактора Иное, которое делает наше Отечество мистическим субъектом и деятельным объектом и бумерангом кармического правосудия.

Ключевые слова: кармический детерминизм, Россия, Иное.

Abstract. The article investigates cognitive and heuristic functions of the karma idea in socio and humanitarian cognition. Karma acts as a Vedic paradigm containing a particular type of determinism in which the ideal in the guise of justice serves as an idea and a cause. In the space of human history, this determinism works most fully in the organisms of great states, empires. In ancient Rome, a special institution arose through which the will of this determinism, the tribunes, was carried out. The main and only task of this institution is to verify with the help of veto, all laws and decrees of power for justice which has its support in common sense of all people. In Russia, the karmic determinism

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шулевский Н.Б. Иное и кармический детерминизм России // Философия хозяйства. 2023. № 4. С. 171—183. DOI: 10.5281/zenodo.8065649.

acts through the apophatic factor the Other which makes our Fatherland a mystical subject and an active object of the karmic justice.

Keywords: karmic determinism, Russia, the Other.

УДК 11
ББК 87.1

Нарастающая конфликтная суицидность современного человеческого мира, рост антагонизмов, умножение неразрешимых жизненных уравнений и экзистенциальных опасностей во всех его сферах, неадекватность и тупиковость предлагаемых решений свидетельствует о том, что чего-то главного в своем бытии человек не знает и не понимает, действуя вопреки фундаментальным императивам мироздания.

Современный человеческий мир своим самоходом пришел в состояние *Zugzwang*, когда любое действие, как и бездействие, в равной мере ухудшает его бытие, переводя его в режим катастрофичности. И довершает эту горькую беду неспособность человеческого мира осознать, познать, понять, исходя из созданных им когнитивных инструментов, свою неразрешимую проблемность, ибо все его методы, концепции, идеологии в силу своей цугцванговской болезни сегодня не работают. Поэтому мысль обращается в скорую когнитивную помощь мудрости, взывая к самым древним ее принципам, идеям и концептам. Карма — один из таких принципов, конструирующих человеческий мир. Поэтому когнитивное любопытство посетило мастер-класс миротворной мудрости этого начала.

В карме представлена самая древняя — ведическая — парадигма человеческого мира. Впервые это слово благосклонной вечности заявило о себе в «Ригведе». И сразу же карма стала миротворной аксиомой социальной жизни, принципом мифологии и религии, догматом эзотерики и конспирологии, моральным императивом, орудием медитации сознания и разума, которые формируют свои смысловые организмы посредством идеальных констант материи, языка, числа.

Карма представляет целостный тип детерминизма, в котором определяющую роль играют идеальные, идейные, духовно-моральные факторы. Вкратце можно сказать, что в карме и посред-

ством кармы справедливость в качестве идеи и реалии стала универсальной причиной человеческого мира. В карме таятся и алгоритм действия этой причины, и ее самоосознание в человеке, и особый род правосудия, который вершат справедливость и мораль посредством войска бумерангов¹. Карма — это идея и формула интегрального детерминизма, включающего в себя идеально-нравственные измерения бытия на весах справедливости.

Софиасофия использует полилектическую (полигибридную, полисмысловую) сущность кармы в качестве метода исследования содержания и функций кармического детерминизма самого бытия, а карма использует софиасофию для составления навигационных карт своих бумерангов в человеческом мире.

Карма возникает в качестве ответа на вопросы о том, какие следствия порождает идеальность в формах справедливости, морали, а какие следствия порождает аморальность.

Карма напоминает невидимую руку рынка, но сфера ее действий — все бытие, и устанавливает она не просто цены, а справедливость, правду непреложную в облике кармического правосудия, в том числе и справедливые цены.

В детерминизме материи бытие выступает как замкнутая причинно-следственная цепь, в которой человек является и следствием предыдущего звена, и соавтором-причиной последующего звена. В кармическом же детерминизме цепь причин и следствий остается открытой; она постоянно создается человеком, который может вставлять в нее новые звенья, удалять ненужные и опасные. Но выйти из контекста созидания причинных цепей человек не может.

Поэтому соотношения кармы и человека представляют антиномию: свобода и субъектность человека невозможны вне кармического детерминизма, ибо карма принуждает человека создавать свое звено в общей причинной цепи бытия. Но свобода и субъектность человека невозможны и в замкнутом кармическом контексте, предопределяющем его действия. Свобода и субъектность человека тре-

¹ Парадоксально, необычно, но карма в качестве парадигмы традиционализма служит материалом интеллектуального мошенничества и сектантских идеологий, не сознающих ее убойных бумерангов!

буют, чтобы его действия не отрывались от кармического детерминизма, но в то же время они не должны замыкаться в его пространстве. Цепь причин должна созидаться и обновляться непрерывно, а это возможно лишь при условии наличия свободного, самоопределяющегося субъекта.

Требуется форма, в которой противоречия человека и кармического детерминизма (быть звеном причинной цепи и быть ее творцом) разрешаются, движутся, бытуют. И такую организацию жизни, в которой человек является и объектом кармического детерминизма, и суверенным субъектом своего бытия, создает великое государство, империя. Государства, империи рождаются из потребностей кармического детерминизма, в котором действует воля идеальных сил разума и сознания².

Великое государство потому и великое, что оно является не только объектом кармы, модифицирующей его действия, но и субъектом, участвующим в созидании кармического детерминизма, новых звеньев его цепи, обогащающих субстанцию кармы. Можно даже сказать, что именно империя не просто открыла кармический детерминизм, но она сама его создает, хранит и воспроизводит. Великое государство не только подвержено воздействию кармы, но оно становится кармой и для окружающих его народов, осуществляя детерминацию других государств и народов. А человек в составе империи обретает статус суверенного — кармического — деятеля, участвующего (посредством империи) в делах кармического детерминизма, в составе которого он становится субъектом справедливости.

Великое государство еще и потому великое, что оно представляет интерес для кармы, для ее детерминистских проектов. Другие типы государств мало интересуют карму, поэтому они обречены заниматься бесконечным улучшением комфорта, потребительства,

² Строго говоря, сознание, разум человека — это справедливость в качестве субъектов и субстанций, действующих в сфере материи по законам идеального мира вечности. Сознание и разум невидимы, но они властвуют над видимой телесной конституцией человека. Посредством разума и сознания в человеке действует большое «Я», превосходящее возможности его телесного «Я»; карма требует, чтобы действия человека соответствовали императивам большого «Я», представляющего интересы справедливого бытия.

созиданием форм разложения и кармического возмездия. Государства и люди, не желающие стать субъектом своей кармы, незаметно возбуждают возмездие кармы. Кто не интересен для кармы, того карма делает неинтересным и для бытия.

Именно субъектное участие в делах кармического детерминизма, ведающего объективной справедливостью, делает государство великим. Ибо великодержавие выявляет, творит и умножает саму субстанцию неизвестности, ее целетворный капитал, создает неведомые целевые причины, ориентиры для человека, бытия и реальности, обогащая их новыми ценностями, средствами и смыслами, творит организм самой судьбы. Верховная власть стоит выше закона, который она может изменять, а потому перед ней открывается перспективный соблазн вседозволенности, игнорирующей справедливость. Великодержавие формирует организм и алгоритмы кармы, а другие государства лишь воспроизводят известные, рутинные привычки, а потому они становятся зависимыми от империй. Карма в полной мере действует в формах великодержавия.

Кармический детерминизм требует от великого государства полной суверенности и субъектности. Страна-субъект должна руководствоваться собственными идеями, смыслами, осуществлять свои, а не чужие цели, создавать собственный образ своего бытия, вырабатывать свое суверенное самосознание и понимание.

Особо важную роль в «великости» государства имеет его институциональная полнота, которая должна включать в себя тормозные институты, которые воплощают осознание внутренних опасностей государства и служат практической формой их нейтрализации. Великое государство должно обладать набором организаций, учреждений, способных институциональными средствами охранять его суверенность и субъектность.

О чем идет речь? Обратимся к образцовому (относительно) великому государству — к Древнему Риму!

В этом плане римское государство может служить, образцом институциональной суверенности и субъектности. Оно создало, успешно опробовало уникальный институт, замыкающий в себе начала (верхи) и концы (низы) суверенной и субъектной воли народа.

В общей структурной организации римского государства наряду с законодательной, исполнительной и судебной властями была и особая власть, представленная трибунами.

Чем занимались трибунаты? И чем они не занимались?

Трибунаты — уникальный институт, а народные трибуны — уникальная должность в истории древнеримской государственности. Появилась она после длительной борьбы плебеев против беззакония властей и богатых, и призваны были отстаивать, утверждать справедливость для плебейских масс. Избирались трибуны исключительно из плебеев сроком на один год. Их власть опиралась на религиозное освящение, но главным образом на прямое действие народных низов. Трибунаты не занимались законотворчеством, управленческими и судебными делами. Поэтому они не были, подобно другим институтам, завалены массой текущих административных дел, а могли осуществлять контроль деятельности других институтов, выявлять скрытые угрозы безопасности народа и государства. В силу ежегодной ротации трибунов они не успевали бюрократизироваться, оставаясь прямой властью.

Трибунаты могли безоговорочно наложить вето на акты сената и любых властных институтов. Они не несли ответственности за свои решения и были неприкосновенны: лицо, препятствующее службе народного трибуна, считалось проклятым, становилось вне закона; и каждый плебей не только мог, но и обязан был его убить³. Убийство виновных в посягательстве на священные права трибунов считалось не преступлением, а долгом, вытекающим из общей клятвы плебеев уничтожить все препятствия в работе трибунатов, в деятельности которых вершилась справедливость кармы, осуществлялся кармический детерминизм. Неприкосновенность и власть трибунов зависели от клятвы плебеев защищать их любыми средствами.

³ Чтобы народного трибуна легко можно было найти, он не мог покидать Рим более чем на один день, и дверь его дома должна была быть всегда открытой. Из права помощи пострадавшим от властей и богатых впоследствии развилось более широкое право протеста против распоряжений должностных лиц, решений сената и даже предложений, вносимых в народные собрания, если трибуны находили их несогласными с интересами плебеев.

Да, но что есть справедливость? Каковы эталоны, критерии справедливости? Возможна ли справедливость в человеческом мире?

Для Древнего мира справедливость есть жизнь и действия государства, сословий, людей сообразно воле богов.

А кто знает эту волю? Кому она адекватно открывается?

Эту волю познают профессионалы-жрецы, превращая знание о ней в тайну власти. Но боги не оставили несовершенных людей без ориентиров в делах справедливости. И способностью понимать волю богов в качестве справедливости небожители одарили всех людей, в которых этот дар представлен здравым смыслом (рассудком). Отдельные люди, как правило, не умеют, не могут точно выразить это откровение воли богов, но они всегда адекватно и безошибочно оценивают то, какие решения, законы, действия справедливы, а какие несправедливы. В здравом смысле действует глагол правды народной. Здравый смысл в понимании справедливости выше даже разума, который бывает абстрактным, антигуманным, а здравый смысл своим архезнанием справедливости неколебим как гранит. Разум не может четко и однозначно определить справедливость, но вот здравый смысл простых, необразованных людей может вразумительно установить различия справедливого и несправедливого, понимая справедливость адекватнее, чем ученые, мудрецы, профессиональные юристы. «На нем основано от века самостоянье человека, и все величие его» (А. С. Пушкин).

Карма в этом плане служит лечебницей вечности, исцеляя справедливостью живой воды и правосудием бумерангов несправедливые акции бытия, государства, богатства, человека. Карма есть идея справедливости, владеющая человеком и ведущая его путями Божьей воли.

Глубокая догадка — воля богов наиболее полно и адекватнее всего понимается на вершине власти, перед которой открывается тайна и неопределенность бытия, и на дне, ниже падать уже некуда. На вершине власти открывается перспектива следовать воле богов или же вступить в сферу хаоса и беззакония. На «дне» человеку тоже открываются перспектива падения в бездну или же возвращения к себе в человеческий мир. Знание глубин низов, бездны столь же важны, как и знания небес. Увы, власть и богатство забывают о воле

Божьей, действующей через здравый смысл «низов» более адекватно, чем в проектах чиновников, экспертов, юристов. А трибуналы превращали справедливость в причину, следствия и действия которой укрепляли государство. Они корректировали, исправляли, отменяли несправедливые решения и действия чиновников и богатства, выполняя функции бумерангов кармы. Знание справедливости (правды) непосредственно доступно всем людям, и только несправедливость (кривда) требует особой организации, легализующей беззаконие в качестве закона.

Справедливость — это атрибут не только человека, но и реальности, выражая ее устремленность к оптимальному устройению, своего содержания согласно своему закону, своей эволюции, своему хаосу. И не только человек стремится к справедливости, но и справедливость влечется к человеку, вынуждая его превращать даже зло, несправедливость в свои орудия. Справедливые действия работают на благо субъекта, а несправедливые обращаются против него, обрекая его на войну с самим собой, со своими желаниями, страстями, замыслами.

Трибунал просуществовал в течение всего царского, республиканского и императорского периодов Древнего Рима. Цари, императоры дорожили трибуналом, благодаря его священному характеру и праву вето. Трибуналы позволяли императорам держать в узде богатых, олигархов. Простые люди не угрожают власти (их протесты усмиряются полицией), а вот богатство всегда строит козни против власти, стремясь подмять ее под себя. Злато всегда пытается подчинить себе булат.

Трибуналы защищали справедливость не только плебеев, но они защищали власть и богатство от самих себя, от их несправедливой свободы и от пагубного произвола. А власть и богатство не понимают, что основная угроза для них таится в них самих же, ибо они не умеют, да и не хотят защищать себя от своего же пагубного своеволия. Полноценное государство должно иметь институт, выражающий его справедливость в отношении «верхов» и «низов». Игнорирование справедливости порождает скрытые, долговременные опасности для власти, которые она в сутолоке управленческих дел не видит. И эти опасности для власти со стороны чиновников, сена-

торов, народного собрания, управленцев замечали трибунаты, применяя право veto против принимаемых ими законов.

В Древней Индии карма была моральным постулатом для индивидуального совершенствования на путях справедливости. В Древнем Риме карма стала институтом трибунатов, охраняющим справедливость как атрибут государства на уровне сословий и народа. Великодержавие, как и самодержавие, как и империя, нуждается для своего сохранения и упрочения в трибунатах, представляющих орган защиты справедливости в качестве общей жизнетворной ценности народа и государства. Власть и богатство без трибунатов, т. е. без самоконтроля, движутся по пути самоотрицания. Трибунаты отрицают отрицание справедливости чиновниками и богатством.

Если представить государство в качестве автомобиля, то трибунаты выполняют в нем функцию тормозов. Тормоза «не говорят», кому, куда, как и зачем ехать, но они «знают», как поступать в случае необходимости и в экстренных ситуациях. А власть и богатство без тормозов угрожают не только другим, но и самим себе, работая на самоотрицание. Карма — тормоз детерминизма на жизненном пути человека.

История Рима — это история создания трибунатов, история развития, деградации и разрушения института трибунатов, когда звание трибуна стали присваивать чиновникам и императорам. Трибуналы являются неотъемлемой частью субъектности и суверенности римского великодержавия. И славу, мощь и авторитет великодержавности Рим во многом приобрел благодаря трибунату, в котором низы обрели институциональную форму защиты от произвола чиновников и богатства.

В той мере, в какой Древний Рим сохранял и охранял трибуналы в составе своей институциональной целостности, он был суверенным субъектом, независимым от причинно-следственных цепей кармы, творящим новую материю кармы, зависимой от римского великодержавия. Древний Рим был кармой для окружающих его народов и для самого себя.

В той мере, в какой Древний Рим искажал, отрицал сущность и функции трибунатов — в той мере он терял свою субъектность, суверенность, великодержавность, превращаясь в объект возмездия

кармы, в слабое и ненужное звено ее причинно-следственных цепей. Ибо карма содержит в себе институт трибуната, который есть кармический институт социально-хозяйственной и политической жизни, институт кармы. Трибуналы обеспечивали нормальное функционирование кармического детерминизма и кармического правосудия, выступая их институционально-практическим воплощением. Трибуналы в качестве иммунной системы государства предотвращали запуск кармических беспилотников и бумерангов.

Свою тяжбу с кармой Древний Рим закончил вничью: карма не смогла сохранить «великость» Рима, а Рим не смог стать обычным государством. Карма не одолела Рим, а Рим не смог стать полноценным субъектом указов и велений кармы. Поэтому карма отправилась искать другие государства, более адекватные ее детерминизму, а государство отправилось искать новую форму своей суверенности, в которой оно сможет быть не только объектом, но и субъектом кармы. От полного исторического забвения Рим спас христианский Логос, ставший на какой-то период кармическим детерминизмом европейских государств.

В России содержание и функции кармического детерминизма обусловлены спецификой самой страны, особенностями ее власти. Государственность России в сакральном плане представляет нечто большее, чем государство, являясь провиденциальной организацией самой жизни в суровых условиях климата, истории, геополитического окружения. Х. Миних имел все основания заявить, что русское государство непосредственно управляется Богом, ибо иначе невозможно понять, как оно существует.

Государственность России зависит от кармического детерминизма, и в то же время она независима от него, создавая свой вариант кармы, обогащая ее смысловой и деятельный мир. В России кармический детерминизм действует посредством «онтологической криптолреалии» (А.А. Козлачков) Иного, которое представляет в этом плане императивы тайн, неизвестности бытия⁴. Иное стало

⁴ Онтологические взаимообусловленности, концептуальные связи Иного, идеи и института трибуналов в современной научной литературе впервые исследованы в работе А.А. Козлачкова [1, 272—284].

покровителем, двигателем и охранителем ее кармического великодержавия.

В России карма — это идея, содержанием которой являются функции и действия Иного. Иное служит кармой России, которая становится кармой самой кармы, первокармой, источником ее самодетерминации. Россия является и объектом, и субъектом кармы, наиболее полно выражая детерминацию человеческого мира идеальными началами справедливости.

Основная внутренняя угроза России — произвол богатства и чиновников, которые ради умножения своих благ спокойно подписывают смертный приговор стране, которая сделала их властелинами и богатыми. Хотя полностью отрицать права произвола невозможно, ибо в них таится и действует не только негатив бытия, а в них работают и благие инициативы, которые позволяют нестандартно и адекватно действовать в условиях неопределенности и неизвестности. Само творчество есть продукт благого произвола и беззакония, созидающего законы.

Для полноценной великодержавности России нужно иметь свои институты, подобные римским трибуналам, свою организацию низов, защищающую их от произвола власти и богатства, но не закрывающую их позитивные инициативы, созидающие неизвестное будущее.

Великодержавная миссия России состоит не только в том, чтобы соответствовать кармическому детерминизму, но и в том, чтобы выработать, создать организм и душу кармы, новую, общечеловеческую карму для всех людей. Не исключено, что она может стать и кармой человеческого мира.

В составе кармического детерминизма идеальность действует в качестве причины. Поэтому все тайны кармы и все проблемы человеческого мира коренятся в точке, где идеальность действует в качестве причинности.

Действия кармического детерминизма, сам факт наличия кармы говорит о том, что подлинной первопричиной человеческого мира является идеальность в облике справедливости, а материальные факторы служат конструктивными средствами организации ее содержания. И все неудачи, вся негативность и катастрофичность опыта человеческого мира обусловлены тем, что действия людей попирают логику справедливости, запуская тем самым трибуналы

(не трибуналы?) и бумеранги кармического правосудия. Иное выражает деструктивную волю уже не кризиса, но еще и не волю катастрофы. Иное есть меч кармы, он всегда занесен, но кто им будет, что и как он будет рубить, ведомо лишь той реальности, в мастерской которой плетутся тайные причинно-следственные цепи страны.

Косвенно карма свидетельствует о мощи, величии миротворного идеала справедливости, о неизбежном и неотвратимом торжестве проекта ее творческого бытия. Карма утверждает, что самым серьезным, бесконечным, хотя и милосердным персонажем бытия, эволюции, жизни и духа является справедливость, выражающая творческий императив идеального мира.

Все культуры, цивилизации, человеческие миры стремятся преодолеть, сломать, разрушить таинственность, тайну и непознаваемую неизвестность бытия, мироздания, человека, сделать их абстракциями разума, бросить их в реторту постоянной прогрессирующей переделки вплоть до их превращения в черную материю ничто или в симулякры бытия. Все цивилизации стремятся превратить мир, бытие, человека в знания, а затем с помощью знания, ИИ и числа превратить их в призраки злоторные и безобразные, бесчувственные и праздные.

И только Россия не столько осознанно, сколько пока неосознанно воплощает собой защиту тайны и неизвестности бытия от его гносеологического разоблачения и практического распредмечивания и опризрачивания. Поэт прав, ибо действительно умом Россию не понять, а ее нужно принять как тайну всех тайн, и обращаться с ней как с тайной, осторожно, бережно и с благоговением, ибо тайна есть наилучший защитник от всех опасностей и бед. Дабы сохранить неизвестность, таинство, тайну самой тайны от познавательной агрессии Запада, да, пожалуй, и Востока.

Если мы защитим тайну и неизвестность от гносеологического террора, то и эти апофатические символы будут дарить нам свои неисчерпаемые энергии жизни, будут защищать нас от электронного террора антимира, держать на секретном замке ящик Пандоры. Ибо тайны есть сакрально-природные кладовые творческой энергии бытия. Если же мы будем беспощадно уничтожать неизвестность, тайны бытия, то и они будут столь же беспощадными и к нам, делают нас беззащитными, бесплодными, беспомощными силами раз-

ложения, аннигиляции, превращающими нас в демонов и призраков. Тайны сами указывают пределы своего безопасного раскрытия, сами дают безопасные откровения в религиях, в метафизике, сами отказываются от себя в силу исчерпания своей таинственности. Подлинные и полноценные тайны не раскрывают себя, а закрывают своих раскрывателей.

В этом отношении к тайне заключены своеобразие, уникальность русского мира, Руси-России, ее космологическая и сакральная миссия. Карма в России призвана решать и эту миротворную задачу, призвана помочь превратить апофатические концепты тайны, неизвестности в инструменты исследования бытия, в апофатическую империю и гносеологию. Но при этом сохранить неразрушимость тайны.

Литература

1. *Козлачков А.А.* Мир Иной как планетарный субъект права // *Философия хозяйства*. 2018. № 1.

Reference

1. *Kozlachkov A.A.* Mir Inoj kak planetarnyj sub`ekt prava // *Filosofiya hozyajstva*. 2018. № 1.

Ф.И. ГИРЕНОК

Почему А.С. Пушкин боялся сойти с ума?*

Аннотация. В статье анализируется природа гения. С одной стороны, генетики пытаются наладить «производство» гениев, но это у них не получается. С другой стороны, гениальность не коррелирует с геномом. Их связь случайна. Автор приходит к выводу о том, что вдохновение носит метафизический характер. Автор раз-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гиренок Ф.И. Почему А.С. Пушкин боялся сойти с ума?// *Философия хозяйства*. 2023. № 4. С. 183—189. DOI: 10.5281/zenodo.8065669.

ясняет содержание этого метафизического характера вдохновения, анализируя стихотворение А.С. Пушкина «Не дай мне Бог сойти с ума».

Ключевые слова: гениальность, генетика гениальности, неистовство, ум, человек, творчество.

Abstract. The article analyzes the nature of genius. On the one hand, geneticists are trying to establish the «production» of geniuses, but they do not succeed. On the other hand, genius does not correlate with the genome. Their connection is accidental. The author comes to the conclusion that inspiration is metaphysical in nature. The author explains the content of this metaphysical nature of inspiration by analyzing A.S. Pushkin's poem «God forbid me to go mad».

Keywords: genius, genetics of genius, frenzy, mind, man, creativity.

УДК 13
ББК 87.5

Без Пушкина русская литература немислима. Все мы говорим на его языке, хотя сам Пушкин научился говорить сначала на французском языке, а потом уже на русском. Однако он ни разу не был за границей. Хорошо это или плохо? Не знаю. Европа — соблазн для русского ума. Автор молитвы «Отцы пустынноики и жены непорочны» не мучается вопросом о том, как ему быть. Он есть. И у него, по словам В. Розанова, каждая страница может быть развита в философский трактат, и каждая строка может быть раздвинута в страницу. Сказать, что гений Пушкина определен наложением гипоманиакальной депрессии на подагрическую стимуляцию, значит ничего не сказать. Для всего есть причины. И одновременно все случайно. Но если это так, то связь генома с гением случайна. Человек всегда больше того, что он есть. Но если он больше, то его нельзя запрограммировать. Его нельзя мыслить в качестве некоего продукта космической эволюции. Человек не космическое существо, а аутистическое. Замкнутое на себя.

Если Бог творит вещами, то человек галлюцинирует. Для него галлюцинация и есть реальность. И требуется воображение, что-

бы реальность понять как одну из многих сторон воображаемого. Нет ничего, что человек бы творил из ничего. Кроме самого себя. Себя мы творим из ничего.

Нобелевские лауреаты

Все люди с биологической точки зрения одинаковы. Но у одних находят очень высокий коэффициент интеллекта, и их мало, а у других — очень не высокий коэффициент, и их абсолютное большинство. Первых называют гениями, вторых — обывателями. Чем гений отличается от таланта? Профессор Эфроимсон полагает, что гений делает то, что должно, а талант то, что можно. Сначала я расскажу о попытке наладить производство «гениев» учеными США и сделаю вывод, что человек всегда больше того, что он есть. Далее я расскажу о некоторых особенностях рода Пушкиных, открытых сто лет тому назад, и сделаю вывод, что гениев рождает случай или, как говорит профессор Свердлов, стохастика. Наконец, я объясню, почему Пушкин боялся сойти с ума.

«Человек делает себя сам», — говорил Пико дела Мирандолла. Американцы ему не поверили. Е.Д. Свердлов, генетик, рассказывает в статье «Гены? Культура? Стохастика?», как в США попробовали воспроизвести гениев искусственно из спермы нобелевских лауреатов.

Г.Д. Меллер, нобелевский лауреат, пришел к выводу, что космическая радиация, воздействуя на все живое, может повредить ДНК. А это, в свою очередь, может привести к генетической деградации человечества. Что нужно делать в такой ситуации? Спасать генофонд человечества. Как его спасти? Для этого нужно у мужской элиты человечества взять биологическую жидкость с тем, чтобы создать ее банк. При необходимости из этого банка можно будет брать биологическую жидкость для оплодотворения подходящих женщин с тем, чтобы они в будущем могли родить гениев.

Три нобелевских лауреата прислали свою биологическую жидкость. К ним прибавились еще доноры с высоким коэффициентом интеллекта. Чем все это в конце концов закончилось? Женщины родили 215 детей. Гениев среди них не было. Исключительным был один ребенок. В чем состояла его исключительность? В том, что он в два года пользовался компьютером, в пять — играл в шахматы, в

детском саду научился решать задачи по алгебре. Проблема состояла в том, что все, что он делал, не отличалось новизной. При этом от нобелевских лауреатов потомство вообще не получилось, а у исключительного ребенка родители были с не самым высоким коэффициентом интеллекта.

Гений — это невозможный случай. Знать и уметь может и система с элементами искусственного интеллекта. Аналитика — это не путь гения. Путь любого человека — это извлечение себя из своих галлюцинаций вместе со своей мыслью. Вот как эту мысль выражал Платон, говоря о поэте. «Поэт — это существо легкое, крылатое и священное, и он может творить мир тогда, когда делается вдохновенным и исступленным и не будет в нем более рассудка» [1, 138—139]. Это Платон сказал о Пушкине. Ведь не от умения они это говорят, а благодаря божественной силе [1, 132].

Не мочева кислота причиняет божественную силу человека, не воспитание, не среда жизни, а неистовство в целеполагании, в решимости дать плоть идеи, положить себя в основание новой цепочки причин и следствий.

Не дай мне Бог сойти с ума...

В 1833 г. А.С. Пушкин написал стихотворение, в котором ввел в русскую литературу тему человеческого безумия.

Не дай мне Бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад [2].

Конечно, соглашаемся мы с Пушкиным, кому же хочется потерять голову. Мы без нее не сможем жить. Она нам нужна во всякое время. Без нее мы, как без рук, ничего не сможем сделать. Но в следующих строчках Пушкин останавливает ход наших мыслей. У него появляется какой-то скепсис по отношению к уму.

Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
Расстаться был не рад [2].

Дело не в уме, разъясняет нам Пушкин. С ним можно было бы и расстаться. Но ведь человек — существо разумное. Разве может человек расстаться с умом по доброй воле? Может, говорит нам Пушкин. Ум нужен не нам, а другому. Это другой воспитывает в нас ум. Для чего? Для того, чтобы мы повиновались, были послушны другому. А еще он нужен для того, чтобы мы могли сделать глупость, нечто нелепое, а затем задним числом оправдать себя посредством ума.

Но что за причины лежат в основе его перемены ума? Почему он был бы даже рад избавиться от ума? И вот ответ Пушкина:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резко я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.
И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса [2].

Пушкин ничего не говорит о свободе. Он говорит о воле. Человек хочет жить по своей капризной воле. Ум лишает нас воли. Он заставляет нас жить не по нашей воле, а по воле другого. По своей воле Пушкин покинул бы Петербург и убежал в дебри, темные леса. И пел. Поэт не может не петь, но, пребывая в рассудке, никто не поет. Пушкин хочет петь в пламенном бреду. Что такое бред? Это слова, лишённые связи с воображаемым, т. е. пустые слова. Мертвый язык. Бред — это предельная точка, в которой человеческое перестает быть человеческим. Другая точка предела, перед которым складывает свои полномочия природа, — это грезы. Человек существует между бредом и галлюцинациями. Память постоянно говорит нам, кто мы и где мы, что мы можем и что не можем делать.

Что даст нам забвеньё? Грезы. Чад чудных грез. Забвеньё возвращает нам слух, открывает нам небеса. Правда, эти небеса, как у язычника, пустые, в них нет Бога, и все равно мы были бы полны нечеловеческим счастьем. Счастьем животного на воле, мы были бы полны силой стихии вихря, ломающего леса.

Но вот беда, говорит Пушкин, пока мы люди — все это невозможно. Каждый из нас является членом социального общества, а общество — это дрессировщик человека. Его кнут — язык и сила.

Да вот беда: сойди с ума, и страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверка
Дразнить тебя придут [2].

Возможно ли жить в обществе и быть свободным от общества? Нет, свобода в обществе — привилегия немногих. Чтобы быть в обществе, нужно перестать грезить, покорно подчинившись рас-судку и здравому смыслу.

А ночью буду слышать я
Не голос яркий соловья. Не шум глухой дубров —
А крик товарищей моих;
Да брань зрителей ночных,
Да визг, да звон оков [2].

Пушкин хотел жить в природе, а не в обществе. Но жить в ней — значит лишиться сознания, ибо сознание начинается там, где начинают существовать исполнением небытия грез.

Литература

1. Платон. Собр. соч. В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1968.
2. Пушкин А.С. Собр. соч. В 10 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1959.

References

1. *Platon*. *Sobr. soch.* V 3 t. T. 1. M.: Mysl', 1968.
2. *Pushkin A.S.* *Sobr. soch.* V 10 t. T. 2. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1959.

И.А. ДМИТРИЕВА

Философия женского рода*

Аннотация. Интеллектуальные способности человека долгое время считались индифферентными к половым различиям. Насколько это утверждение оправдано ставится вопрос в данной статье. Исторически в силу политических и экономических причин сложилась такая ситуация, что умственная деятельность была приватизирована мужчинами. Они испокон веков устанавливали правила мышления, а также стандарты интеллектуальной деятельности. В статье говорится, что онтологические различия мужчины и женщины влекут за собой различия эпистемологические, что предполагает разные подходы к пониманию стандартов интеллектуальной деятельности. А сведение мыслительной деятельности вообще и философии в частности к мужским стандартам обедняет прежде всего саму философию, поэтому, чтобы сделать ее по настоящему полной и открытой для всего человечества, необходима философия женского рода.

Ключевые слова: философия, женский логос, мышление, стандарты мышления, философия женского рода

Abstract. Human intellectual abilities have long been considered indifferent to sexual differences. To what extent this statement is justified, the question is raised in this article. Historically, due to political and economic reasons, there has been a situation that mental activity has been privatized by men. From time immemorial, they have established

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Дмитриева И.А. Философия женского рода // Философия хозяйства. 2023. № 4. С. 189—203. DOI: 10.5281/zenodo.8065695.

the rules of thinking, as well as the standards of intellectual activity. The article says that the ontological differences between men and women entail epistemological differences, which implies different approaches to understanding the standards of intellectual activity. And the reduction of mental activity in general and philosophy in particular to male standards impoverishes, first of all, philosophy itself, therefore, in order to make it truly complete and open to all mankind, a feminine philosophy is necessary.

Keywords: philosophy, feminine logos, thinking, standards of thinking, feminine philosophy.

ББК 87.0
УДК 101

Современная философия уже давно манифестировала непродуктивность различного рода дихотомий и всячески показывала их теоретическую несостоятельность. Предлагаемый разговор о философии женского рода не предполагает возвращения к противопоставлению мужского и женского — речь пойдет о возможности расширения самого философского пространства.

Эта утверждение рассматривается нами в том числе и как шаг политический, поскольку «все есть политика», в том числе и расширение любого пространства.

Подобную трактовку категории «политическое» реализует Ж. Рансьера в своей книге «На краю политического». Он рассматривает категорию «политического» предельно широко — как возможность реализации той или иной формы власти и постоянной включенности во властные отношения новых субъектов. Основным смысл политического он видит во включении в политическую орбиту различных социальных слоев, ранее не имевших собственного голоса.

Прежде всего, он отмечает, что любое сообщество предполагает наличие таких слоев в своем составе, которые голоса не имеют. Например, «бедняки — это отнюдь не экономически обездоленная часть населения, это просто люди, которые не учитываются; те, у кого нет права осуществлять потенцию архе, нет права приниматься в расчет», «к демосу принадлежит тот, кто говорит, когда не имеет

права говорить; кто принимает участие в том, в чем не имеет права принимать участие» [6, 203]. То есть всякое сообщество предполагает наличие тех, кто голоса не имеет. Рансьер называет это «дополнительной формой существования», «пустой частью сообщества», понимаемого как целое, они «вписываются в качестве излишка по отношению ко всякому подсчету частей общества» [6, 205]. «Кого мы не хотим признавать в качестве политического существа, мы начинаем не видеть его как носителя знаков политичности; мы начинаем не понимать, что он говорит, не слышать, что из его уст исходит речь» [6, 212].

Задача же политики заключается в постоянной конфигурации и реконфигурации собственного пространства, т. е. выявление безгласных субъектов, с одной стороны, а, с другой стороны, фиксирование того, что имеет право голоса, того, что мы должны видеть и того, что имеет право иметь имя, т. е. иметь определенное место в пространстве политического либо отказывать кому-либо в праве занимать определенное место в пространстве политического, т. е. быть политическим субъектом. Традиционно пространство безгласного относилось к «домашнему» пространству, «к пространству, отделенному от публичной жизни, откуда якобы могут доноситься лишь стоны или крики, выражающие страдания, голод или гнев... т. е. к пространству не артикулируемого, а, соответственно, не имеющего мнения» [6, 212]. Политическая манифестация дает возможность увидеть то, у чего нет основания быть увиденным... [6, 213]. Соответственно, вся суть политического вопроса состоит в интерпретации подобной пустоты или подобного излишка [6, 205]. Политика состоит в преобразовании этого пространства движения в пространство манифестации некоего субъекта — народа, трудящихся, граждан [6, 211].

XX и XXI в., с одной стороны, стали эпохой выделения новых форм субъектности, эпохой появления новых акторов в социально-политическом пространстве. В частности, можно говорить об изменении роли женщины в обществе. Она уже на рубеже XIX—XX вв. заявила о себе как о значимом акторе социальной и политической жизни в Европе и России. Борьба женщин за свои права и, прежде всего, за право быть услышанными была настолько успешна, что в современном обществе их роль многократно возрастает.

Но встает вопрос: действительно ли женщины смогли завоевать свое место в социально-политическом пространстве, найти в нем собственную уникальную нишу?

Ответом на этот вопрос станет анализ того алгоритма, согласно которому было произведено это включение. Изначально социальной значимостью обладали только мужчины: во многих языках слова «человек», «мужчина», «муж» рассматривались как синонимы. Но когда женщина начинает претендовать на социальное равенство с мужчинами и добивается его, смысл понятия равенства меняется. Вместо того, чтобы женщина получила возможность занять собственную социальную нишу, она оказывается вынужденной в погоне за социальной значимостью соответствовать параметрам мужчины — по принципу «женщина тоже может стать человеком». Она научается соответствовать тем параметрам, которые изначально были выстроены для человеческого, т. е. мужского сообщества. До настоящего времени параметры человеческого не изменились. Значимыми по-прежнему остаются мужские качества, мужские способности и т. п., а женщина вынуждена доказывать, что она не хуже мужчины — может и шпалы укладывать, и брюки носить. Иначе говоря, вместо возможности занять собственное место в социально-политическом пространстве, получить собственный голос, женщине было позволено занимать вместе с мужчиной одно и то же место и транслировать голос мужчины, но не свой, ибо параметры голоса слышимого не изменились.

В XXI в., когда отгремели бури эмансипации, уже не стоит так остро вопрос о защите социальных и политических прав женщин в Европе, в США, в России, а также во многих других странах, где права женщин и мужчин законодательно равны. И это, безусловно, оценивается в обществе как прогрессивный процесс, но, как это ни парадоксально, уравнивание прав мужчины и женщины вновь возвращает нас к мужской доминанте, потому что за этим уравниванием скрывается и нивелируется женская уникальность. Потому что даже сама идея равенства прав предполагает, что определенный набор прав уже есть, и ими мужчина уже обладает, и этот комплекс прав создавался в рамках социально и политически активного мужского сообщества, а уже потом эти права были предоставлены женщине, т. е. права мужчины распространяются и на женщи-

ну. Но, по сути, это нельзя назвать равенством в полном смысле этого слова, поскольку женщина не приобретает собственных прав, а получает права мужские.

О наличии собственно женских прав речь в глобальном смысле даже не идет (в данном случае локальные уступки не рассматриваются поскольку в принципе не меняют отношения к делу).

Подобный формат женской эмансипации как равенство мужчины и женщины в виде уравнивания женщин и мужчин по образцу мужского был реализован не только в политической, но и в экономической сфере общественной жизни. В этой сфере проблема женского и мужского равенства также пока не находит своего решения. Это опять же связано с мужским взглядом на экономические процессы. Специфически женский труд в семье оказывается за бортом экономического рассмотрения, он не фиксируется, не оплачивается и не является социально значимым, в отличие от исторически закрепленного мужского труда, который позволяет мужчине обрести как экономическую, так и социальную значимость, т. е. иметь голос, который слышат.

Изначально существенными для экономики считались рыночные производственные отношения, которые и понимались как определяющие, в которых мужчины играли определяющую роль. Одними из первых, кто обратил внимание на ошибочность подобного понимания экономических процессов, были американские экономисты Г. Беккер и Я. Минсер. Изучая экономику домашнего производства, они обратили внимание на несоизмеримость и несравнимость участия мужчины и женщины в устройении домашнего хозяйства. В частности, Г. Беккер, рассматривая домохозяйство как производственную единицу, показывает, что она не является только потребителем товаров и услуг, которые созданы рынком, но и сама является производителем так называемого «человеческого капитала». Вводимое Беккером понятие позволяет выявлять те затраты, которые необходимы работнику, чтобы занять определенную нишу на рынке труда. К этим затратам относятся образование, профессиональные компетенции, здоровье и т. д., т. е. такие затраты, которые должны позволить работнику в будущем получить конкретные дивиденды на рынке труда, выраженные как в денежной форме, так и в социальной (например, возможность занять более значимую соци-

альную нишу). Но Беккер подчеркивает, что часть навыков, необходимых работнику на рынке труда, формируется за пределами рыночной среды, в частности, в семье. А далее он проводит принципиальное различие форм капитала, которые создаются мужчинами и женщинами. Если мужчина накапливает «рыночный капитал», который соответствующим образом оценивается и компенсируется на рынке труда, то одними из ведущих форм деятельности женщины всегда были забота о детях и производство бытовых услуг, т. е. именно она принимает значительное участие в формировании семейного капитала. И в этом Беккер видит не только гендерную асимметрию, что, в принципе, допустимо и социально приемлемо, но также форму дискриминации, которая заключается в том, что производство рыночного капитала предполагает как денежное вознаграждение, так и различные формы социальных компенсаций, которые включают социальный статус, социальную значимость и т. п. А производство семейного капитала фактически не имеет рыночной стоимости. Вследствие этого увеличение мужчиной рыночного капитала ведет к повышению его доходов и социальной значимости, в то время как увеличение женщиной семейного капитала приводит ее ко все большей зависимости от мужчины в семье, поскольку ее затраты на приращение семейного капитала обратно пропорциональны ее возможностям для самореализации в силу недостаточности на это времени и сил. Если мы рассмотрим другой, более современный сценарий, когда женщина готова наравне с мужчиной участвовать в формировании рыночного капитала, обнаружим, что тогда она вынуждена будет нести двойную нагрузку по воспроизводству сразу двух форм капитала, что, естественно, ведет к ее истощению. Таким образом, согласно Беккеру, традиционное разделение труда, связанное с гендерной специализацией, изначально носило дискриминационный характер (см.: [2; 3]). И можно сделать вывод, что затраты и выгоды разделения труда по половому признаку распределяются между мужчинами и женщинами не симметрично, что с неизбежностью влечет гендерную дискриминацию.

Это также подчеркивалось в Программе действий, принятой на IV Всемирной конференции ООН по положению женщин. В ней говорилось, что в мире существует неоправданный акцент только на продуктивную, рыночную экономику, ориентированную на различ-

ные формы продаж, что дает несбалансированную картину реальности. Остаются за скобками важность и значимость репродуктивной экономики, которая обеспечивает продуктивную экономику рабочей силой, поддерживает повседневное благосостояние населения посредством различных форм домашней работы, которые не могут быть измерены в категориях рыночной цены за предоставляемые услуги, т. е. труд женщины оказывается невидимым для статистики, а экономическая выгода остается мужчинам [5].

Следовательно, установившееся в древности разделение труда, согласно которому различались мужские и женские формы деятельности, когда ареалом мужского труда было внешнее, внедомовое пространство, а пространство женщины очерчивалось домашним очагом, актуально и в настоящее время. Но, если в древности эти области были равны по своей значимости, то в силу определенных исторических метаморфоз это равновесие нарушилось, в результате чего значимость деятельности вне дома усиливалась, одновременно с утратой значимости деятельности внутри дома, т. е. женская деятельность оценивалась как дополнительная и несущественная. Современное общество по-прежнему ориентирует женщину двигаться по мужскому пути как наиболее значимому и фактически единственно приемлемому. Очевидно, что на деле существенных изменений в положении женщины не произошло, и мужская доминанта осталась неизменной.

Фактически, не произошло полноценного включения женщины даже в социально-политическое пространство, поскольку заявленное вхождение предполагает возможность женщины овладеть мужскими способностями и жить по правилам мужского мира. Уравнивая женщину и мужчину в социально-политическом смысле, мы исподволь пытаемся уравнивать их и онтологически. Но если в социально-политическом смысле это имеет серьезное и даже революционное значение, поскольку связано с равенством прав и т. п., то онтологический смысл этого различия оказывается скрыт, более того — подобный подход напрочь закрывает пути к его пониманию.

Но возникает вопрос: а в интеллектуальном пространстве произошли ли какие бы то ни было сдвиги в связи с декларируемым социально-политическим равенством мужчины и женщины, изме-

нились ли сложившиеся на протяжении многих веков интеллектуальные стандарты? Почему этот вопрос так важен?

Как мы уже подчеркивали, в социально-политической жизни на протяжении столетий в Европе мужская субъектность оставалась доминирующей, соответственно, весьма вероятно, что мужская доминанта для европейской культуры на протяжении многих веков была абсолютной, поскольку женское начало не обладало социальной значимостью и фактически воспринималось как «безгласная вещь», и параметры существования интеллектуального пространства, закономерности его функционирования определялись мужчинами.

Как ни парадоксально, но изменения параметров интеллектуального пространства в настоящее время не только не произошло, но и не могло произойти. Проблема оказалась в самом механизме включения женщины как в социально-политическое пространство, так и пространство интеллектуальное. До настоящего времени осуществлялся единственный механизм включения — женщина может и должна соответствовать тем параметрам интеллектуальной деятельности, которые фактически были созданы мужской культурой и которые были заявлены как общечеловеческие. Причиной тому была уверенность, что интеллектуальное пространство и процесс мышления абсолютно не связаны с половой идентификацией, что единые стандарты должны разделять и мужчины, и женщины в равной степени. И это принималось всегда в качестве абсолютной данности как само собой разумеющееся, а универсальность мышления не ставилась по сомнению.

Но если посмотреть на историю становления стандартов мышления, то нетрудно заметить, что у истоков становления этих стандартов стояли только мужчины — достаточно вспомнить Фалеса, Парменида, Сократа, Платона, Аристотеля. Очевидно, что базовые интуиции относительно мышления изначально были раскрыты и реализованы мужчинами. Такова историческая данность. И, очевидно, что они конституировали мышление таким, каким оно было для них сподручным и очевидным, т. е. мышлением мужским. И предположить возможность мыслить иным способом им даже в голову не могло прийти в силу той социальной ситуации, которая сложилась в Древней Греции. Женский взгляд на мир не просто ни-

кого не интересовал — его как бы вообще не существовало, поскольку его некому было разрабатывать и фактически не к кому было апеллировать. Традиция универсального, читай мужского, мышления развивалась в философии и дальше, поскольку альтернативы ему по-прежнему не существовало. В эпоху Средневековья значительно изменились стандарты мышления, но не изменился подход к формированию этих стандартов, эта же традиция универсализма мужского мышления сохранилась в Новое время, когда Ф. Бэкон и Р. Декарт еще раз меняют правила мышления, и даже тогда, когда во второй половине XIX в. проблематизируется сам концепт универсального мышления и раздаются голоса о том, что не существует единого поля сознания, что мышление не просто может быть разным, оно с необходимостью разное, и различение типов или стилей мышления может проходить совершенно по разным основаниям. Несмотря на все эти существенные изменения, произошедшие в философских практиках, незабываемым остается лишь то, что мужчины по-прежнему удерживают за собой право формирования стандартов и правил мышления. Например, К. Маркс доказывал, что в основе всех различий лежит бытие, бытие определяет сознание, а в зависимости от сознания формируются правила мышления, поэтому сытый голодного не разумеет.

Но программа формирования стандартов мышления в XXI в. осталась неизменной, несмотря на появление разнообразных форм феминизма в различных областях жизни. Универсализм в подходах к определению стандартов мышления и форм существования интеллектуального пространства остается незабываемым.

Чтобы изменить сложившуюся ситуацию, нужно трансформировать сам подход к пониманию мужского и женского, и, прежде всего, следует на деле избавиться от синонимии человеческого и мужского. Отказ от этой синонимии даст возможность увидеть женщину, имеющую собственную уникальную, прежде всего онтологическую, ценность, а не только возможность занимать вместе с мужчиной одно, единственно возможное место, которое и позволяет обретать человеческую значимость. Мужчина и женщина не должны тесниться на пьедестале мужского, поскольку человеческое — это не мужское и женское, это целое, которое живо взаимным восполнением друг друга. Это не противоположности, не иное, это вза-

имопроникновение, которое позволяет реализовываться особенностям каждого.

А существуют ли особенности этого женского, и почему мы можем быть уверены в их существовании? Речь идет прежде всего об онтологическом различии мужского и женского. Но сразу возникает вопрос: действительно ли это различие настолько фундаментально? Особенно этот вопрос возникает в ситуации, когда тема смены пола или выбора пола перестает быть чрезвычайной, предельной, а становится обыденной. Но наша задача состоит не только и не с только в том, чтобы занять определенную позицию, сколько посмотреть на эпистемологический ресурс этого различения, посмотреть, указывает ли это различие на определенные познавательные возможности или половая дифференциация не имеет значения, когда речь идет о процессе познания, его границах и возможностях, и она никак не влияет на формирование интеллектуального пространства.

Долгое время такой вопрос даже не мог быть поставлен, поскольку познавательные способности считались универсальными, и эти способности апеллировали либо к Логосу как мировому закону в Античности, либо к Богу как творцу в Средние века, либо к универсальному разуму и универсальным познавательным способностям уже в Новое время. Но почему идея универсальных, индифферентных к половым различиям познавательных способностей и возможностей существует не одну сотню лет?

XX в. ознаменовал собою интерес к национальным языкам и культурам, но не как к этнографическому разнообразию, а как к эпистемологическому ресурсу, который позволял расширить наше представление о формировании познавательных практик и не сводить их лишь к универсальным закономерностям мышления. Активно начинают использоваться понятия «национальная картина мира», «национальный образ мира», которые призваны подчеркнуть своеобразие видения и понимания мира различными народами, которое обусловлено различием национальных языков и культур. Например, в рамках лингвистического поворота выделяют национальные картины мира, которые определяются структурами национальных языков, и утверждается, что «сходные физические явления позволяют создать сходную картину Вселенной только при сход-

стве или по крайней мере при соотносительности языковых систем» [7, 174]. Позднее Г. Гачев описал различные формы национального мышления, используя созданный им же концепт «национальные образы мира», которому, в частности, посвящена его одноименная книга [4].

Но если мы полагаем и принимаем возможность национальных типов мышления, то логично предположить, что женский и мужской способы видения и понимания мира также могут различаться принципиальным образом, поскольку способы бытия мужчины и женщины нетождественны. И эта онтологическая нетождественность проявляет себя с достаточной очевидностью и на биологическом, и на социокультурном уровне, что позволяет предположить, что способы и способности восприятия мира и взаимодействия с реальностью будут различаться у мужчин и женщин. Их онтологическое различие с неизбежностью влечет и различие эпистемологическое, которое выражается не только в способах восприятия мира, но и в способах фиксации этого видения. И если мужское мышление строится через различения и установления границ, что, благодаря высказываниям многих философов — как древних, так и современных полагается как универсальная характеристика мышления, то женское мышление уже по факту своего бытия не может быть таковым, поскольку его определяет уникальный опыт, незнакомый мужчине. Это прежде всего опыт вынашивания и рождения ребенка. Беременной женщине одновременно присуще ощущение единства с ребенком и понимание их разнородности, мать и дитя одновременно и едины друг с другом, и иные по отношению друг к другу. Но эти, казалось бы, противоположные установки не противостоят друг другу, а соединяются по бытию.

Женское бытие — это бытие рождающее, т. е. включающее не только то, что есть, но и то, чему еще предстоит быть. Это единящее, объемлющее бытие, бытие без изъятия. И это единство отнюдь не вербальное, ибо задача слова — различать, отделять один объект от другого, указывать на нетождественность смыслов. Поэтому единство невозможно задать словесно, оно осуществляется в этом мире. В этом и заключается одна из существенных доминант женского способа бытия.

Но, если различаются способы бытия мужчины и женщины, то и интеллектуальное пространство не может быть однородным, оно тоже должно обустраиваться по-разному, а философия, утвердившаяся до настоящего времени, не может считаться философией всего человечества, а только его части, и она требует восполнения, как требуют восполнения и признаваемые способы ее воплощения. Речь идет о философии, которая предполагает не только и не столько концептуальное развитие смыслов, но прежде всего и иные формы их реализации. Если предположить, что философия нейтральна и существует вне половых различий, то монолог — это основной, давно сложившейся способ ее осуществления, т. е. разрабатываемые концепты представляются в книгах, статьях, докладах и т. п., т. е. в таких формах, которые принципиально отделяют автора от его продукта. Бахтин описывал такое отношение автора к своему произведению как «внеаходимость» [1], и долгое время именно подобная форма оставалась приоритетной для представления философских содержаний. Но если мы утверждаем коренное различие женского и мужского способов существования в этом мире и, соответственно, несводимые друг к другу эпистемологические установки, то должны допустить и существование женской философии как особой формы представления этих эпистемологических установок. Поскольку отношение «внеаходимости» для женщины, вынашивающей ребенка, в принципе невозможно, то и способы воплощения этой философии не могут быть монологичными.

В качестве примера иных способов философской реализации можно привести коммуитарную философию, т. е. философию, для которой приоритетными и основополагающими становятся не смыслы и концепты, ибо они разделяют, а создание, рождение самого пространства разговора, в котором эти смыслы и концепты могут рождаться, где сопрягаются смыслы и взаимодействуют люди, и оба эти процессы неразрывны и неотрывны друг от друга. Подобные пространства реально создаются, например, философский клуб «София», название которого говорит само за себя и многое объясняет. Философский клуб «София» — это одно из тех мест, где

формируется философия женского рода сегодня⁵. Участники этого клуба понимают и реализуют философию как со-мыслие, когда философия растет как живой организм и не предполагает внешней инстанции наблюдателя, она чужда позиции «внеаходимости», потенциальный наблюдатель с неизбежностью оказывается вовлечен и становится частью создаваемого философского пространства, а философия сама выступает возможностью непосредственной включенности в мир, а не средством для создания его образа. Следует обратить внимание, что участницы клуба «София» в своих беседах подчеркивали, что появление внеиерархичного, неконкурентного полифоничного пространства, в котором возможна мысль — это уже сам по себе акт философствования, который напрямую меняет мир.

В этом случае мы уже имеем дело не с философским знанием, которое привычно отождествляют с философией, а непосредственно с самой философией, которая нацелена не на фиксированный результат, а на движение, встречу, на создание и обживание дома, на рождение и выращивание. И в этом случае философия понимается не как конкретное знание или утверждение, не как одна из рядоположенных научных дисциплин, а стремление — стремление к мудрости. И чтобы это стремление, это движение длилось, наши собеседницы демонстрируют свое умение строить разговор без внешнего диктата, вне иерархий, а как взаимообогащение, взаимная поддержка. Демонстрируют торжество полифонии, о которой грезил Достоевский.

Сегодня, в XXI в., именно такой подход к философии нам представляется наиболее актуальным, поскольку в настоящее время уровень разделенности и различности в ней стал угрожающе высок. Предлагаемая же стратегия философствования, философия женского рода, преодолевая границы, дихотомии, различия, ориентирована на единство, согласие и взаимодействие, не стирая при этом имеющихся особенностей и индивидуальностей. Она показывает возможность формирования непротивоборствующих отношений между мыслителями, для философии открывает пути воссозда-

⁵ Подробнее об этом проекте можно посмотреть в книге «Философия женского рода» [8].

ния полноты философского знания, поскольку философия реально становится открытой ко всем — как к мужчинам, так и к женщинам. Одно дело — декларировать абстрактный равный доступ людей к философии, скрывая за этими декларациями вариант привилегированного доступа мужчин, и совсем другое дело, когда философия становится реально доступной для всех, т. е. доступ к философии и правда становится равным. Разве не достигает в этом случае философия соответствия себе самой?

Литература

1. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 7—181.
2. *Беккер Г.* Семья и государство // Беккер Г. Избранные труды по экономической теории. Человеческое поведение. Экономический подход. М.: ГУ-ВШЭ, 2003. С. 437—460.
3. *Беккер Г.* Эволюция семьи // Беккер Г. Избранные труды по экономической теории. Человеческое поведение. Экономический подход. М.: ГУ-ВШЭ, 2003. С. 411—435.
4. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988.
5. Четвертая Всемирная конференция ООН по положению женщин: политическая декларация и итоговый документ / ООН, Департамент обществ. информ. Нью-Йорк: ООН, 1995.
6. *Рансьер Ж.* На краю политического. Праксис. М., 2006.
7. *Уорф Б.* Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. М., 1960. С. 135—198.
8. Философия женского рода / Под ред. И.А. Дмитриевой. М.: И.Д. «Русская философия», 2022.

References

1. *Bahtin M.M.* Avtor i geroj v esteticheskoj deyatel'nosti // Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1979. S. 7—181.

2. *Bekker G.* Sem'ya i gosudarstvo // Bekker G. Izbrannye trudy po ekonomicheskoy teorii. CHelovecheskoe povedenie. Ekonomicheskij podhod. M.: GU-VSHE, 2003. S. 437—460.
3. *Bekker G.* Evolyuciya sem'i // Bekker G. Izbrannye trudy po ekonomicheskoy teorii. CHelovecheskoe povedenie. Ekonomicheskij podhod. M.: GU-VSHE, 2003. S. 411—435.
4. *Gachev G.D.* Nacional'nye obrazy mira. M.: Sovetskij pisatel', 1988.
5. CHetvertaya Vsemirnaya konferenciya OON po polozheniyu zhenshchin: politicheskaya deklaraciya i itogovyj dokument / OON, Departament obshchestv. inform. N'yu-Jork: OON, 1995.
6. *Rans'er ZH.* Na krayu politicheskogo. Praxis. M., 2006.
7. *Uorf B.* Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku. Nauka i yazykoznanie. Lingvistika i logika // Novoe v lingvistike. M., 1960. S. 135—198.
8. Filosofiya zhenskogo roda / Pod red. I.A. Dmitrievoj. M.: I.D. «Russkaya filosofiya», 2022.

IV

**АКТУАЛЬНЫЙ
МЕНЕДЖМЕНТ**



А.В. ЗАЗДРАВНЫХ

**О роли индивидуальных особенностей личности
в становлении нового предпринимательства***

Аннотация. Решение задач активизации российского предпринимательства требует понимания механизмов зарождения предпринимательской инициативы. Цель статьи — обобщение отдельных результатов научных исследований влияния индивидуальных личностных параметров (демографических, психологических, образовательных и пр.) на предпринимательские решения о создании новых фирм и самозанятости. Приводится развернутый обзор взглядов российских и зарубежных ученых о влиянии индивидуальных характеристик личности, показаны методологические проблемы таких исследований. На примере России и ряда зарубежных стран демонстрируются результаты эмпирических наблюдений проблемы. Отдельные положения статьи могут быть использованы при совершенствовании региональных программ развития малого и среднего предпринимательства.

Ключевые слова: предпринимательство, динамика входа, человеческий капитал, бизнес-демография.

Abstract. Solving the tasks of activating Russian entrepreneurship requires an understanding of the mechanisms of the emergence of entrepreneurial initiative. The purpose of the article is to summarize the individual results of scientific research on the influence of individual personal parameters (demographic, psychological, educational, etc.) on entrepreneurial decisions on the creation of new firms and self-employment. A detailed review of the views of Russian and foreign scientists on the influence of individual personality characteristics is given, methodological problems of such studies are shown. The results of empirical observa-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Заздравных А.В. О роли индивидуальных особенностей личности в становлении нового предпринимательства // *Философия хозяйства*. 2023. № 4. С. 207—230. DOI: 10.5281/zenodo.8065743.

tions of the problem are demonstrated on the example of Russia and a number of foreign countries. Certain provisions of the article can be used to improve regional programs for the development of small and medium-sized businesses.

Keywords: entrepreneurship, entry dynamics, human capital, business demography.

УДК 338.2
ББК 65.04

Введение

Развитие предпринимательства и динамики входа новых фирм выступает катализатором экономического роста, создания рабочих мест и внедрения инноваций, демонополизации производственного сектора экономики, перевода ресурсов из традиционных сфер и отраслей в высокотехнологичные. Содержание и сложность процессов формирования новых фирм многократно обсуждались в различных научных источниках. Отдельное внимание исследователей приковано к факторам, препятствующим созданию новых компаний, либо, наоборот, стимулирующих начинающих предпринимателей. Активно обсуждаются причины, заставляющие одних индивидов начинать собственный бизнес, других — трудиться по найму либо вообще не работать. Очевидно, что в основе создания новой фирмы лежит решение индивида (группы лиц), которое может являться, например, реакцией на текущее состояние рынков труда, либо результатом сравнения альтернативных видов получения дохода, обуславливаясь индивидуальными качествами людей и т. д. Однако современные эмпирические знания о природе и механизмах формирования раннего предпринимательства все еще ограничены, еще меньше мы знаем об индивидуальных личностных детерминантах, иницилирующих процессы создания новых фирм.

Индивидуальные характеристики личности и предпринимательские намерения

Поскольку создание нового бизнеса — весьма сложный многогранный процесс, то у потенциальных предпринимателей должны быть веские резоны и устойчивые намерения включиться в него. И здесь ключевое значение приобретают факторы и обстоятельства,

предшествующие принятию предпринимательского решения о создании фирмы или самозанятости. Существо процесса принятия индивидом решения о создании нового предприятия во взаимосвязи его этапов и факторов можно проиллюстрировать схемой (рис. 1), в основе которой лежит концепция предпринимательского события (*Entrepreneurial Event*) А. Шапиро и Л. Сокола.

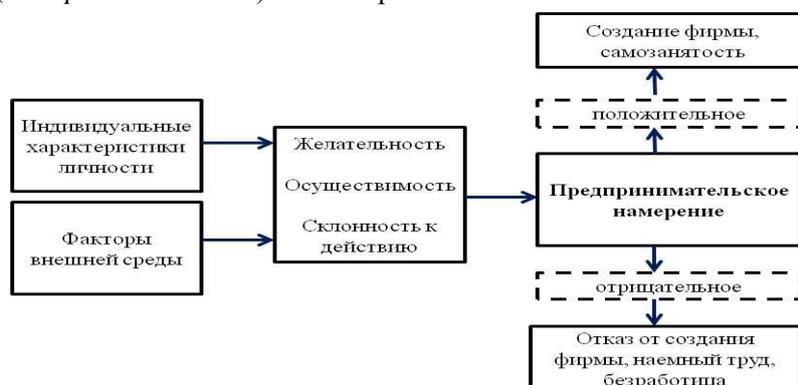


Рис. 1. Модель предпринимательского события

Источник: построено автором на основе теоретической концепции авторов [30].

Под предпринимательским событием понимается факт создания новой фирмы (самозанятости) как результат принятия индивидом соответствующего решения под влиянием различных факторов. Согласно данной концепции, для наступления предпринимательского события необходимо формирование устойчивого предпринимательского намерения, требующего, в свою очередь, идентификации индивидом следующих условий [24; 32].

- *Желательность наступления события*, характеризующая его (в нашем случае — предпринимательство) потенциальную привлекательность, общее позитивное отношение к нему индивида.
- *Осуществимость события* — субъективная оценка индивидом реалистичности наступления события и достижения желаемых целей. В нашем случае следует говорить о воспринимаемой индивидом потенциальной способности стать предпринимателем

(самозанятым), в частности, убежденности в том, что он достаточно компетентен для такой деятельности.

- *Склонность индивида к действию* — отражает готовность индивида осуществлять личный вклад в деятельность, его способность приближать момент наступления события собственными усилиями.

Перечисленные условия формируют *намерение* — внутреннее состояние индивида, склоняющее его к выбору определенной альтернативы или траектории развития. Предпринимательские намерения можно определить как приверженность человека к определенной линии поведения, которая реализуется в создание бизнеса [32], они являются лучшим предиктором любого запланированного поведения [25].

Как отмечалось выше, решения о создании фирмы и самозанятости могут быть инициированы различными факторами внешней среды или определенными событиями — нейтральными, негативными или положительными. Так, к первым можно отнести, например, окончание университета, которое ставит вопрос о дальнейшем профессиональном приложении полученных знаний и навыков. Негативные события могут включать потерю работы, смену места жительства или определенные чрезвычайные личные обстоятельства, а позитивные — получение наследства, интерес венчурных инвесторов к бизнес-идеям и т. д. Имеют значение различные демографические и экономические факторы, например, имеется консенсус, что работающие люди с большей вероятностью начнут новый бизнес [4], однако меньше согласия относительно взаимосвязи между совокупной безработицей и предпринимательскими решениями.

При этом, по мнению ряда авторов¹, ключевую роль в процессах принятия таких решений, формировании предпринимательских инициатив играет именно широкий спектр *индивидуальных личностных характеристик* начинающих предпринимателей.

Ранние исследования данной проблемы были сосредоточены преимущественно на психологических характеристиках основателей бизнеса, однако данный подход в конечном итоге зашел в тупик [33]. Отдельные исследования продемонстрировали низкую значи-

¹ См., например, [2; 3; 4; 6; 9; 23; 24; 26].

мость социально-демографических и других индивидуальных переменных [16]. Серьезное беспокойство вызывает достоверность результатов оценок субъективных причин самозанятости, из-за наличия ретроспективной проблемы: зачастую мнение предпринимателей о мотивах изучалось спустя значимое время после ее начала деятельности, что формировало определенную предвзятость. Часто исследовалось мнение только тех предпринимателей, чей бизнес смог выжить на начальных этапах жизненного цикла. Таким образом, исследования могли фиксировать лишь те характеристики, которые связаны с выживанием, но не с решением индивида основать фирму [12; 16].

Рассмотрим их подробнее.

Демографические переменные

Возраст индивида выделяется рядом исследователей² в качестве одной из важных характеристик, объясняющих решение индивида стать предпринимателем. Однако предположения и оценки различных авторов расходятся. С одной стороны, предполагается, что в более молодом возрасте различные сложные решения (в нашем случае — решение об открытии бизнеса или самозанятости) даются в среднем легче. У молодых людей в среднем выше и профессиональные амбиции. В работе [28] констатируется, что индивиды в молодом возрасте более склонны к рискованным видам деятельности, к которым, безусловно, относится и предпринимательство.

Вместе с тем в работе [34] приводятся контраргументы, отражающие нелинейное разнонаправленное влияние возрастного фактора на склонность к предпринимательству. По мнению авторов, возраст косвенно связан с уровнем личного богатства: чем старше человек, тем большим временным периодом он располагал для его накопления. Действительно, начинающие предприниматели обычно ограничены в финансовых ресурсах, однако банки, как правило, требуют достаточного материального обеспечения выдаваемых на финансирование инвестиций кредитов. Таким образом, решающее значение для начала нового бизнеса приобретает достаточный уро-

² См., например, [2; 9; 28].

вень личного благосостояния, и это обстоятельство должно обусловливать положительную связь возраста с предпринимательской инициативой. С другой стороны, по мнению того же автора, создание бизнеса часто сопровождается высокими невосполнимыми издержками. Чем короче срок функционирования новой фирмы, тем короче потенциальный период, в течение которого эти затраты могут быть возмещены. Таким образом, по мнению автора, при прочих равных условиях создание нового бизнеса с высокими первоначальными затратами более привлекательно для молодых индивидов. И это должно формировать отрицательное влияние переменной возраста. Автор отмечает, что эмпирический вопрос заключается в том, доминирует ли первое обстоятельство над вторым, или оба являются взаимоисключающими [34].

Отчасти эта дилемма решена авторами [9], выявившими в ходе моделирования на примере Германии, что абсолютное значение переменной возраста оказывало положительное влияние на склонность к предпринимательству, а ее значение в квадрате — отрицательное. Этот результат подразумевает инвертированную U-образную зависимость, когда склонность к предпринимательству сначала возрастает, а затем снижается в течение оставшейся части активной в профессиональном смысле жизни. Одновременно утверждается, что в ситуации «вынужденного предпринимательства» возраст не оказывает существенного влияния на склонность к предпринимательству, поскольку обстоятельства, в которых человек вынужден отрывать собственное дело, например, в силу безработицы, могут возникать независимо от возраста.

Авторы [27] выявили наибольшую активность открытия бизнеса в возрастной группе 25—34 года, при этом установили, что мужчины старше 18 лет начинают собственное дело в среднем в два раза чаще, нежели женщины.

Здесь отметим, что роль *гендерного фактора* в процессах формирования нового предпринимательства также активно обсуждается³.

Так, авторы [12], ссылаясь на гендерные различия в процессах выбора профессиональной траектории, отмечают, что теорети-

³ См., например, [24; 25; 29].

ческие модели, описывающие эти процессы у мужчин, в меньшей степени соответствуют моделям женщин. Делается вывод, что существуют значительные различия в мотивациях, побуждающих мужчин и женщин к выбору предпринимательской карьеры. В работе [29] также указывается на особенности выбора женщинами сферы предпринимательства, финансовых стратегий, моделей роста, типов управленческих структур и пр.

В работе [4] на примере Мексики и Великобритании установлено, что гендерные переменные демонстрируют устойчивую взаимосвязь с распространенностью начинающих предпринимателей. На большую склонность мужчин к выбору карьеры в виде самозанятости или открытия собственной фирмы указывают на примере Швеции [17], на примере Германии [9], на примере 28 стран мира [4]. Авторы [4; 11; 25; 34] ссылаются на практически двукратное *преобладание* мужского населения в структуре начинающих предпринимателей в западных промышленно развитых странах. На аналогичное двукратное превышение *вероятности* стать начинающими предпринимателями у мужчин по сравнению с женщинами указывают авторы [4; 20; 27].

Причины таких диспропорций не всегда обоснованы исследователями строго, хотя в рамках научной дискуссии неоднократно предпринимались попытки их объяснить. Так, ряд авторов⁴ отмечают, что гендерные различия, по всей видимости, проявляются в русле мотиваций к выбору бизнес-карьеры, а также обстоятельств, в которых происходит этот выбор. Утверждается, что в основе гендерных различий в предпринимательских намерениях лежат стереотипы, формирующие устойчивые представления в обществе о типах социальных ролей, которые характерны мужчинам и женщинам. Отмечается, что предпринимательство традиционно ассоциируется с мужской сферой деятельности, существует предубеждение о неспособности женщин управлять крупными объектами (компаниями), что они ориентированы, в первую очередь, на наемный труд, нежели на самозанятость [29]. В отличие от мужчин, женщины в значительной мере предпочитают соответствовать сложившимся нормативным образам для подражания и архетипам [24]. Поскольку

⁴ См., например, [12; 24; 25; 27; 29].

предпринимательство традиционно воспринималось как «мужская» сфера, а также в силу встречающейся сегрегации рынка по половому признаку, влияющей на возможности успешного трудоустройства женщин, организация собственного бизнеса может рассматриваться последними как способ повышения своего социального и профессионального статуса [25].

Авторы [12], ссылаясь на результаты исследования, отмечают, что типичные женщины-собственницы бизнеса менее энергичны, нежели мужчины, у них ниже готовность к принятию рисков, однако выше стремление к автономии и переменам. Основываясь на данных репрезентативного опроса взрослого населения Германии, автор [34] заключает, что разница между мужчинами и женщинами в уровне страха неудачи в качестве причины не начинать собственное дело важна для объяснения гендерного разрыва начинающего типичного предпринимателя. Результаты авторов [29], полученные по 29 странам Европейского союза, подтверждают данный результат: женщины сильнее опасаются возможных профессиональных неудач, а мужчины демонстрируют большую уверенность в своих способностях начать бизнес.

В то же время, авторы [12] замечают, что гендерный фактор проявляется независимо от вида занятости — собственного дела, или любого другого варианта профессиональной карьеры, при этом мужчины выбирают карьеру предпринимателя по причинам финансового успеха и престижа чаще, нежели женщины. Такие выводы подтверждаются и в работе [25]. Авторы [29] полагают, что в силу более высокого среднего уровня благосостояния мужчины, как правило, создают собственный бизнес по причине поиска дополнительных возможностей (например, повышения заработка), в то время как большинство женщин делают это в силу необходимости и жизненных обстоятельств. Авторы также отмечают, что женщины начинают свою предпринимательскую деятельность позже: начинающие предприниматели в европейских странах с инновационным типом экономики демонстрируют более высокий процент мужчин в возрастной группе 25—34 лет и женщин в возрастной группе 35—44 лет.

Авторы [17], обнаружив неожиданно сильный гендерный эффект в многомерном анализе трудоспособного населения Швеции,

утверждают, что влияние гендерных различий обычно «поглощается» влиянием других объясняющих переменных (например, образованием и опытом), оставляя мало свидетельств эффекта «чистого» гендера. При этом результаты оценок влияния различных факторов на формирование предпринимателей демонстрируют большую надежность в сегменте мужчин, нежели в сегменте женщин. Вместе с тем результаты исследования авторов [4] показали, что между мужчинами и женщинами существуют лишь незначительные различия на индивидуальном уровне, и для объяснения более низкого уровня предпринимательской активности женщин следует пристально изучить различные внешние факторы, в том числе, институциональные.

В этом контексте представляют интерес исследования предпринимательского сектора в России. Так, по данным ВЦИОМ⁵, репрезентативный российский предприниматель по состоянию на начало 2023 г. — это мужчина (их примерно в 2 раза больше, нежели женщин-предпринимательниц) 35—59 лет с высшим или неоконченным высшим образованием. При этом среди мужчин доля желающих открыть свое дело в 1,5 раза выше, чем среди женщин. 70% опрошенных российских женщин признались в своем равнодушии к ведению бизнеса, они гораздо реже мужчин строят и планы по открытию своего дела — каждая вторая из них никогда даже не рассматривала для себя такую возможность. Среди мужчин доля занимающих такую позицию лиц составляет менее трети. По мнению исследователей Центра, это обусловлено, в том числе, воспроизводством традиционных семейно-ролевых моделей, о которых говорилось выше. Установлены гендерные различия и в предпочтениях относительно сферы приложения предпринимательского таланта. Так, согласно исследованию, за период 2008—2023 гг.⁶, несмотря на высокую популярность у обоих полов сектора розничной торговли, женщин привлекала деятельность в области бьюти-индустрии, швейного производства, образовательных услуг и гостиничного бизнеса, а мужчин — в сфере строительства, сельского

⁵Источник: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predprinimatelstvo-v-rossii-monitoring>.

⁶Источник: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pora-predprimat-monitoring-1992-2022>.

хозяйства и информационных технологий. Согласно исследованию Kontakt InterSearch Russia⁷, 40% опрошенных российских женщин и половина мужчин в 2023 г. полагают, что за год улучшились возможности женщин для построения предпринимательской карьеры в России, при этом четверть опрошенных женщин и 37% мужчин считают, что в условиях кризиса гендерная повестка теряет свою актуальность.

Переменные человеческого капитала

Другим блоком индивидуальных личностных характеристик выступает набор переменных, традиционно относимых к элементам (формам) человеческого капитала. Их тесная связь с формированием нового предпринимательства подчеркивается рядом авторов⁸.

Отмечается, что высокий уровень и качество человеческого капитала предоставляют потенциальным предпринимателям определенные преимущества, придают внутреннюю уверенность [20], позволяют успешнее выявлять и использовать бизнес-возможности [35]. Повышение качества человеческого капитала должно положительно влиять на рост предпринимательской активности, поскольку создание успешного бизнеса в большинстве случаев требует наличия определенного набора компетенций [1]. Авторы [20] на данных США связывали рост числа новых предпринимателей в будущем с постоянным расширением возможностей для развития человеческого капитала современном мире.

К составляющим человеческого капитала в контексте исследуемой темы традиционно относят управленческие ноу-хау, специализированные отраслевые знания, деловые навыки и компетенции. В свою очередь они формируются такими элементами, как образование, профессиональный и жизненный опыт и т. д.

Авторы [5], ссылаясь на исследования на примере Германии, утверждают, что в разных отраслях стартапы существенно различаются как по внутрифирменным характеристикам (размеру занятости, уровню финансирования, затратам на НИОКР и т. д.), так и по уровню человеческого капитала своих основателей. Авторы пола-

⁷ Источник: <https://kontakt.ru/blog/diversity2023..>

⁸ См., например, [27; 35].

гают, что влияние высококвалифицированных безработных на динамику стартапов должно наиболее сильно проявляться в наукоемких отраслях, поскольку высококвалифицированные индивиды открывают собственный бизнес преимущественно в тех областях, где могут эффективно использовать свои знания и профессиональные навыки. Авторы [10] также на примере Германии отмечают, что уровень квалификации рабочей силы (характеризуемый долями высококвалифицированных работников и работников, занятых в НИОКР) объясняет не только процессы создания новых фирм, но и их выживаемость. При этом утверждается, что более высокий уровень квалификации персонала фиксируется в регионах с наиболее высоким уровнем агломерации.

При этом авторы [16] показывают, что влияние различных компонентов человеческого капитала может сильно различаться на разных стадиях предпринимательского процесса. По данным авторов, несмотря на эмпирическое подтверждение положительной связи между человеческим капиталом и предпринимательской активностью, все же имеет место отсутствие стабильных и убедительных результатов. Авторы обнаруживают в различных исследованиях ряд противоречий и ограничений для анализа, при этом констатируют нелинейный характер указанной выше связи.

Рассмотрим подробнее роль отдельных факторов, формирующих человеческий капитал.

Основные аргументы в пользу тезиса о положительном влиянии *образования*, в том числе предпринимательского, на процессы формирования нового бизнеса⁹ строятся на том, что оно позволяет получить представление о ключевых бизнес-функциях, развить критическое мышление, приобрести первичные навыки коммуникаций и командной работы, обеспечить доступ к профессиональному сообществу и соответствующему кругу общения (в том числе в социальных сетях), получить определенные рекомендации.

Авторы [3] отмечают, что высокий уровень образования повышает самооценку индивидов, которая важна для принятия решения о начале предпринимательской деятельности. По мнению автора [2], более образованные индивиды лучше информированы о по-

⁹ См., например, [4; 9; 14; 16; 23].

тенциально прибыльных возможностях, обладают необходимыми навыками и лучшим доступом к стартовым финансовым ресурсам.

В работе [5] выдвигается предположение, что высокообразованные индивиды, столкнувшись с вынужденной безработицей, ведут себя иначе, нежели низкообразованные: менее охотно соглашаются со статусом безработных, с большей готовностью выбирают альтернативные пути карьерного роста, в частности, самозанятость, демонстрируют больший предпринимательский оптимизм. Следовательно, вероятность стать начинающими предпринимателями должна возрастать по мере повышения образовательного уровня. Так, авторы [4; 20] на данных США определили, что такая вероятность у выпускников колледжей примерно вдвое выше, нежели у лиц со средним школьным образованием и ниже.

Авторы [1] рассматривают образование в качестве одного из институциональных факторов развития предпринимательства, отмечая, что в высокообразованных сообществах складываются нормы, гарантирующие соблюдение формальных правил, высокий уровень доверия, открытость к предпринимателям и новым идеям. Авторы констатируют, что через совершенствование системы образования правительства способны влиять на развитие предпринимательства.

Эмпирические наблюдения показывают, что в IT-сфере и в финансовом секторе преобладает число предпринимателей с высшим техническим образованием [23], при этом создание в муниципалитете нового университета, с одной стороны, стимулирует динамику входа новых фирм, основанных на знаниях, но с другой — отрицательно влияет на показатели входа в низкотехнологичных секторах производства [7]. Авторы [8] установили, что образованные новые предприниматели реже прекращают деятельность в течение первого года. При этом авторы [27] отмечают у разных этнических групп значительную дифференциацию в моделях влияния уровня образования на распространенность начинающих предпринимателей. Так, в когорте более образованных белых мужчин и женщин наблюдается лишь небольшой рост числа новых предпринимателей, однако в когорте чернокожих и латиноамериканцев число новых предпринимателей среди образованных лиц выше в несколько раз. Интересное наблюдение сделали в ходе исследования

авторы [15]: посещение курсов по экономике и менеджменту повышает вероятность выбора выпускниками карьеры предпринимателя, однако влияние в целом университетского образования на стремление индивидов к предпринимательству выходит далеко за пределы содержания специализированных курсов.

Вместе с тем в работе [2] отмечается, что результаты эмпирических исследований неоднозначны: влияние может быть как позитивным, так и негативным, что зачастую объясняется отсутствием у населения интереса к предпринимательству даже при наличии достаточных знаний, полученных в ходе обучения. Автор, подтверждая тезис о важности образования в высокотехнологичных отраслях, выражает скепсис о его значимости в сфере торговли и услуг, в которых традиционно создается наибольшее число компаний.

Нелинейное влияние образования на вероятность стать предпринимателем или на достижение успеха отмечают и авторы [16]. Нелинейное влияние отмечается и в работе [20]: и чрезмерно низкий, и слишком высокий уровень образования населения препятствует старту нового предпринимательства. Разнонаправленное влияние роста образовательного уровня на вовлечение российского населения в предпринимательство также установлено авторами [3]: отрицательное в неблагополучных в социально-экономическом отношении регионах и положительное в благополучных.

Другим важным компонентом человеческого капитала выступает *профессиональный опыт*. Здесь речь идет о приобретении индивидами ключевых деловых навыков и неявных знаний в непосредственном контакте с предпринимательской средой либо в процессе соответствующей управленческой деятельности. Такой опыт подразумевает наличие компетенций, необходимых для успешного запуска бизнеса: построение коммуникаций с контрагентами, управление проектами и персоналом, знание юридических процедур, вовлеченность в профессиональные сообщества и пр.

По мнению авторов [28], в регионах, где проживает большое число хорошо образованных граждан в когорте 25—45 лет с опытом работы на управленческих должностях, должны фиксироваться высокие показатели рождаемости новых фирм. Авторы [20] установили, что десятилетний управленческий опыт индивида удваивает вероятность организации им собственного бизнеса.

Однако автор [2] замечает, что управленческий опыт индивида в крупных компаниях в силу тяготения к «организационной рутине» может отрицательно влиять на его способность выявлять и реализовывать новые возможности, при этом опыт, приобретенный в зрелых компаниях, обычно не связан с компетенциями, необходимыми для запуска новых фирм. Также автор высказывает гипотезу, что поскольку возраст работника обычно коррелирован с его профессиональным стажем, то взаимосвязь последнего со стремлением открыть собственный бизнес будет аналогична возрастным зависимостям. Авторы [20] на данных США установили нелинейное положительное влияние управленческого опыта на стремление к собственному делу: оно возрастало с уменьшающейся скоростью, достигнув максимума примерно через 19 лет.

Индивидуальные черты личности формируются и развиваются под влиянием *социального капитала* — определенного набора фактических и потенциальных ресурсов, которые индивиды получают от своих коммуникаций с широким кругом других людей (от родственников и близких друзей, до дальнего круга общения). В контексте исследуемого вопроса наибольшее значение приобретает круг лиц, непосредственно связанных с предпринимательством, например, имевших ранее опыт ведения бизнеса, являющихся сторонниками самозанятости и философии фриланса. Такие социальные контакты и положительные примеры для подражания упрощают доступ начинающего предпринимателя к необходимым ценным ресурсам (практическому опыту, бизнес-идеям, источникам финансирования и т. д.), помогают создать и улучшить репутацию новой фирмы, снижают неопределенность и асимметрию информации. Так, по мнению ряда исследователей¹⁰, у лиц, имеющих самозанятых родителей, вероятность формирования предпринимательских намерений и выбора в дальнейшем карьеры предпринимателя наиболее высока. Авторы [20] связывают это с тем, что предприниматели второго поколения извлекают дополнительные преимущества из раннего знакомства с предпринимательской средой, с практикой ведения бизнеса и преодоления рисков, из профессиональных коммуникаций. Очевидно, что родители во многих случаях переда-

¹⁰ См., например, [15; 20].

ют свой бизнес детям после выхода на пенсию или предоставляют финансовый капитал для создания новых предприятий. Авторы [17] также обращают внимание на тот факт, что у значительной части самозанятых не работали по найму и родители. Авторы полагают, что помимо наличия самозанятых родителей, имеет значение восприятие ими (родителями) собственного успеха: от того, насколько последние позитивно воспринимали свой статус и его результативность, зависели и карьерные намерения детей. Важным фактором, лежащим в основе предпринимательских намерений, является и активное поощрение со стороны семьи и друзей [35].

Данный тезис подтверждается и исследованием российской модели. Так, по данным ВЦИОМ¹¹, в кругу общения большей части россиян есть бизнесмены, а наибольший интерес к предпринимательству проявляется в когорте населения 18—24 лет. При этом предпринимательские стремления выше у тех граждан России, кто знает о ведении бизнеса не понаслышке: среди лиц, имеющих в близком кругу предпринимателей, каждый третий желает пойти по их стопам.

Вместе с тем, по мнению [24], значимость социального капитала ниже, чем влияние природной склонности к предпринимательству (таланта). Также исследование [20] показало, что уровень предпринимательской вовлеченности членов семьи был слабо связан со становлением начинающих предпринимателей. Несмотря на наличие родителей-предпринимателей у значительной доли (50%) бизнесменов в выборке это не повышало шансы последних стать предпринимателем по сравнению с когортой лиц, чьи родители трудились по найму. Авторы применительно к США объясняют это экономической неопределенностью и созданием в последнее десятилетие XX в. родителями-предпринимателями возможностей для своих детей выбирать успешную карьеру, не связанную с трудностями открытия и ведения бизнеса; недостаточным уровнем мотиваций последующих поколений к предпринимательству, в том числе, в силу высокой вероятности получения богатого наследства от родителей. На относительно слабое влияние социального капитала в

¹¹Источник: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predprinimatelstvo-v-rossii-monitoring>.

совокупности его элементов на становление нового предпринимательства ссылаются на данных США и авторы [8].

Индивидуально-психологические переменные

Входя на незнакомые рынки с агрессивной бизнес-средой, демонстрируя новаторство и продвигая смелые идеи, инвестируя средства и принимая крупные обязательства, предприниматели сталкиваются с неопределенностью и высокими рисками неудач. Взаимосвязь между отношением индивидов к риску и предпринимательским намерением является предметом широких обсуждений в научной литературе. Указывается, что склонность к риску является типичной чертой предпринимателей¹², играет значимую роль в стратегических решениях, связанных с выживанием и развитием новых фирм, достижением высокого уровня конкурентоспособности и эффективности.

Склонность к риску связана с предпочтениями предпринимательской карьеры и высокой вероятностью ее дальнейшего продолжения [6; 11]. Индивиды с высокой склонностью к риску увереннее встречают неопределенные ситуации, полагая их менее опасными, нежели другие люди [24]. В работе [6] отмечается, что предпринимательство — это преднамеренный процесс управления, включая планирование определенных действий, их организацию и контроль. Авторы концептуализируют неприятие риска через уровень контроля: чем сильнее он ограничен, тем выше у индивидов ожидания рисков. Последнее оказывает влияние на намерения потенциальных предпринимателей.

Авторы [11] показывают на примере Германии, что индивиды с меньшим неприятием риска в среднем чаще становятся самозанятыми, однако это в большей степени свойственно лицам, уходящим с постоянного места работы. А в когортах ранее неактивных или безработных лиц отношение к риску не играет особой роли при принятии решений о самозанятости или открытии бизнеса. По мнению авторов, в данных когортах низки альтернативные издержки, связанные с профессиональным выбором.

¹² Быть предпринимателем — значит принимать рискованные решения [11].

Ряд авторов выделяет гендерные особенности в формировании отношения индивидов к риску: преимущественно отмечается, что доля женщин с высоким уровнем неприятия риска выше, чем мужчин¹³. Уточняется, что по сравнению с мужчинами женщины демонстрируют большее неприятие риска при выборе сферы и стратегий бизнеса: у них менее рискованные портфели активов и ниже склонность принимать на себя финансовые риски [34]. Отмечается (в частности, на примере ряда европейских стран), что анализ гендерного фактора позволяет отчасти объяснить меньшую по сравнению с мужчинами долю женщин в среде предпринимателей [11].

Вместе с тем в теоретических дискуссиях ставится под серьезное сомнение значимость влияния отношения индивидов к риску на решение стать предпринимателем. По мнению авторов [11], это лишь одна из многочисленных личностных переменных, а измерение отношения к риску и влияния различных уровней неприятия риска на выбор предпринимательской деятельности является более трудноуловимой концепцией, чем кажется на первый взгляд. Так, индивиды с большими опытом, способностями и знаниями в сфере предпринимательства склонны недооценивать потенциальные риски, генерируемые отдельными управленческими решениями. К тому же чем выше навыки и опыт, тем, ожидаемо, ниже вероятность неудачи, следовательно, у лиц с одинаковым отношением к риску в одной и той же сфере предпринимательства в силу различий в навыках и опыте будет различаться и уровень фактического риска. Автор ссылается на ряд исследований, установивших, что готовность начинающего предпринимателя рисковать не является доминирующим фактором в его решении начать бизнес; что более высокая терпимость к риску оказывает положительное, но статистически незначимое влияние на вероятность выбора самозанятости; поэтому трудно говорить о причинно-следственной связи между неприятием риска и выбором предпринимательской деятельности. К тому же, по мнению автора, в ходе исследования сложно отделить неприятие риска от влияния других факторов.

На восприятие и оценку риска, а также на реакцию на предполагаемые риски, помимо уже названного выше гендерного фак-

¹³ См., например, [11; 27; 34].

тора, влияют культурные аспекты и социально-экономическая ситуация [6], имущественный статус [11].

В контексте изучаемой в настоящей работе проблемы, высокая степень неприятия риска в практическом плане связана с *опасениями потерпеть неудачу*, которые, формируя негативный эмоциональный фон у индивидов препятствуют началу ими собственного дела.

По мнению авторов [11], страх неудачи и предпринимательский пессимизм не всегда коррелированы с неприятием риска, поскольку зачастую обусловлены отсутствием необходимых знаний, практических навыков и опыта. Однако авторы [25] полагают, что они отрицательно коррелированы с уровнем субъективной уверенности в достижимости определенных предпринимательских целей, получением ожидаемого результата, и должен ощутимо влиять на процессы создания новых фирм¹⁴, которые требуют значительной уверенности в своих способностях решать предстоящие проблемы в бизнесе [19]. Индивидуальные различия в оптимизме влияют на готовность использовать открывающиеся возможности [31], развивают предпринимательские стимулы [4]. Необходимо учитывать, что люди в основной своей массе — оптимисты, в целом позитивно смотрят в будущее, а также считают более высокой вероятностью наступления благоприятных событий именно для них, нежели для их сверстников [13].

Автор [22] полагает, что оптимизм и самоуверенность предпринимателя способны влиять на успех фирмы и выбор способов ее финансирования. По данным автора, эмпирические наблюдения на примере Дании подтверждают общепринятое мнение, что предприниматели относятся к числу наиболее оптимистичных и самоуверенных типов людей, эти качества способствуют самоотбору в сфере предпринимательства и объясняют высокую целеустремленность даже в ситуациях низких заработков и больших рисков. Солидарен с этим мнением и автор [13]: даже в условиях высоких рисков и низкой отдачи от бизнеса чрезмерно оптимистичные ожидания формируют ярко выраженное стремление индивидов к самозанято-

¹⁴ Уточним, что наличие уверенности является следствием не только индивидуальных особенностей личности, но и общего предпринимательского климата.

сти. Данный тезис также поддерживается в работе [21], где отмечается, что к предпринимательству подталкивает чрезмерная самоуверенность людей, что подтверждается убедительными эмпирическими данными. Авторы демонстрируют результаты опроса основателей нового бизнеса — треть из них были абсолютно уверены в своем успехе, а свыше 80% полагали, что их шансы на успех крайне высоки. В работе [18] путем эконометрических оценок результатов опроса свыше 3 тыс. предпринимателей в США демонстрируется положительная взаимосвязь между их уверенностью в собственных возможностях и созданием ими новых фирм. Респонденты с более высоким уровнем уверенности оценили свои шансы на выживание намного выше, чем менее оптимистичные бизнесмены в аналогичных сферах. Автор делает вывод, что рискованные решения уверенных в себе начинающих предпринимателей с высокой долей вероятности приведут их к успеху.

При этом в работе [4] уточняется, что начинающие бизнесмены в ходе принятия решений в большей мере полагаются на субъективное и часто предвзятое восприятие, нежели на объективные ожидания успеха. Авторы на примере Мексики и Великобритании оценивают вероятность стать предпринимателем у лиц, идентифицирующих наличие необходимых навыков, почти в шесть раз выше, нежели у лиц, кто не считает, что обладает такими навыками. Делается вывод, что уверенность в своих навыках становится наиболее важным компонентом решения начать новый бизнес.

Вместе с тем, статистические данные (как российские, так и общемировые) свидетельствуют о том, что значительный процент новых фирм в первые годы своей деятельности потерпят неудачу. В работе [31] неудачи объясняют, в том числе, чрезмерным уровнем оптимизма (из-за ограниченной информации) в оценках открывающихся возможностей, побуждающего людей сначала действовать, а лишь затем анализировать ситуацию. Авторы [13; 22] также констатируют чрезмерную самоуверенность у начинающих предпринимателей, отмечая, что многие из последних имеют более «радужный» взгляд на жизнь, чем того требует реальность. В работе [21] эта же черта выделяется в качестве объяснения избыточного входа новых фирм на рынки, низких доходов и высокого числа неудач начинающих предпринимателей, полагая, что последние склонны переоце-

нивать свои способности и, как следствие, вероятность своего успеха.

Что касается России, то, по данным ВЦИОМ, за последние 30 лет¹⁵, среди ключевых факторов, формирующих у россиян сомнения в успешности открытия собственного бизнеса, выделяются:

- состояние здоровья и возраст;
- отсутствие стартового капитала;
- отсутствие знаний и компетенций;
- трудности, с которыми сопряжено открытие бизнеса.

Первый — аргумент россиян старше 60 лет и женщин. На нехватку денежных средств чаще ссылаются в когорте 25—34-летних, а также граждан, недовольных уровнем своих доходов. 18—24-летние российские граждане чаще других говорят об отсутствии интереса к предпринимательству, а также о дефиците у них соответствующих компетенций. Молодые граждане в сегменте 18—34 лет реже других демонстрируют уверенность и в том, что частный бизнес будет в будущем разрешен правительством. Трудности с открытием бизнеса чаще останавливают российских мужчин, нежели женщин, а также россиян до 45 лет с неполным средним образованием.

Литература

1. *Баринова В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В.* Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России? // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 92—116.
2. *Верховская О.Р.* Факторы формирования нарождающегося предпринимательства: особенности России // Вестник СПбГУ. Сер. 8. Менеджмент. 2009. № 2. С. 32—52.
3. *Образцова О.И., Чепуренко А.Ю.* Предпринимательская активность в России и ее межрегиональные различия // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. Т. 14. № 2. С. 199—211.
4. *Arenius P., Minniti M.* Perceptual Variables and Nascent Entrepreneurship // Small Business Economics. 2005. Vol. 24. No. 3. P. 233—247.

¹⁵Источник: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pora-predprinimat-monitoring-1992-2022>.

5. *Audretsch D., Dohse D., Niebuhr A.* Regional unemployment structure and new firm formation // *Papers in Regional Science*. 2015. No. 1924.
6. *Baluku M., Nansubuga F., Otto K., Horn L.* Risk aversion, entrepreneurial attitudes, intention and entry among young people in Uganda and Germany: a gendered analysis // *Journal of Entrepreneurship and Innovation in Emerging Economies*. 2020. Vol. 7. No. 1. P. 31—59.
7. *Baptista Rui, Lima F. Mendonça J.* Establishment of higher education institutions and new firm entry // *Research Policy*. 2011. Vol. 40. No. 5. P. 751—760.
8. *Belghitar, Y., Parker, S.* What Happens to Nascent Entrepreneurs? An Econometric Analysis of the PSED // *Small Business Economics*. 2006. Vol. 27. No. 1, P. 81—101.
9. *Bergmann H., Sternberg R.* The Changing Face of Entrepreneurship in Germany // *Small Business Economics*. 2007. Vol. 28. No. 2/3. P. 205—221.
10. *Brixu U., Grotz R.* Regional patterns and determinants of birth and survival of new firms in Western Germany // *Entrepreneurship & Regional Development: An International Journal*. 2007. Vol. 19. No. 4. P. 293—312.
11. *Caliendo M., Fossen F., Kritikos A.* Risk Attitudes of Nascent Entrepreneurs: New Evidence from an Experimentally-Validated Survey // *Small Bus Econ*. 2009. No. 32. pp. 153—167.
12. *Carter N., Gartner W., Shaver K., Gatewood E.* The Career Reasons of Nascent Entrepreneurs // *Journal of Business Venturing*. 2003. Vol. 18. No. 1. P. 13—39.
13. *Cassar G.* Are Individuals Entering Self-Employment Overly Optimistic? An Empirical Test of Plans and Projections on Nascent Entrepreneur Expectations // *Strategic Management Journal*. 2010. Vol. 31. No. 8. P. 822—840.
14. *Čočkalović D., Dorđević D., Bogetić S., Bešić C., Gligorović, B.* Entrepreneurship motivations and business start-up intentions among students in Serbia — research results // *Modern economy: problems, trends, prospects*. 2013. Vol. 9. No. 2.
15. *Colombo M., Piva E.* Start-ups launched by recent STEM university graduates: The impact of university education on entrepreneurial entry // *Research Policy*. 2020. Vol. 49. No. 6.

16. *Davidsson P., Honig B.* The Role of Social and Human Capital Among Nascent Entrepreneurs // *Journal of Business Venturing*. 2003. Vol. 18. № 3. P. 301—331.

17. *Delmar F., Davidsson P.* Where Do They Come From? Prevalence and Characteristics of Nascent Entrepreneurs // *Entrepreneurship and Regional Development*. 2000. Vol. 12. No. 1. P. 1—23.

18. *Dimov D.* Nascent Entrepreneurs and Venture Emergence: Opportunity Confidence, Human Capital, and Early Planning // *Journal of Management Studies*. 2010. Vol. 47. No. 6. P. 1123—1153.

19. *Hopp Ch., Ute S.* The influence of socio-cultural environments on the performance of nascent entrepreneurs: Community culture, motivation, selfefficacy and start-up success // *Entrepreneurship & Regional Development: An International Journal*. 2012. Vol. 24. No. 9—10. P. 917—945.

20. *Kim P., Aldrich H., Keister L.* Access (Not) Denied: The Impact of Financial, Human and Cultural Capital on Entrepreneurial Entry in the United States // *Small Business Economics*. 2006. Vol. 27. No. 2. P. 5—22.

21. *Koellinger Ph., Minniti M., Schade Ch.* Excess Entry and Entrepreneurial Decisions: The Role of Overconfidence // *The Dynamics of Entrepreneurship: Evidence from Global Entrepreneurship Monitor Data*. 2011. P. 5—22.

22. *Koudstaal M., Sloof R., van Praag M.* Are Entrepreneurs More Optimistic and Overconfident than Managers and Employees? Tinbergen Institute Discussion Paper. 2015. P. 15—124/ VII.

23. *Kumar S., Paray Z., Sharma N., Dwivedi A.* Influence of Entrepreneurship Education and University Ecosystem on Individual's Entrepreneurship Readiness // *Entrepreneurship and Regional Development* / R. Rajagopal Behl (ed.). Palgrave: Macmillan, Cham, 2021. P. 305—322.

24. *Maheshwari G., Kha K., Arokiasamy A.* Factors affecting students' entrepreneurial intentions: a systematic review (2005—2022) for future directions in theory and practice // *Management Review Quarterly*. 2022.

25. *Manolova T., Brush C., Edelman L.* What do Women (and Men) Want? Entrepreneurial Expectancies of Women and Men Nascent

Entrepreneurs // Babson College Center for Entrepreneurship Research Paper. 2008. No. 1.

26. *Mazzarol T., Volery Th., Doss N., Thein V.* Forces Motivating Small Business Start Up Among Nascent Entrepreneurs // Small Enterprise Research. 2001. Vol. 9. No. 1. P. 3—18.

27. *Reynolds P., Carter N., Gartner W., Green P. et al.* The Prevalence of Nascent Entrepreneurs in the United States: Evidence from the Panel Study of Entrepreneurial Dynamics // Small Business Economics. 2004. No. 23. P. 263—284.

28. *Reynolds P., Miller B., Maki W.* Explaining regional variation in business births and deaths: U.S. 1976—1988 // Small Business Economics. 1995. No. 7. P. 389—407.

29. *Santos G., Silva R., Rodrigues R., Marques C., Leal C.* Nascent Entrepreneurs' Motivations in European Economies: A Gender Approach Using GEM Data // Journal of Global Marketing. 2017. Vol. 30. No. 3. P. 1—16.

30. *Shapiro, A., Sokol, L.* The Social Dimensions of Entrepreneurship // The Encyclopedia of Entrepreneurship, Prentice Hall / A. Shapiro (ed.). Englewood: Cliffs. 1982. P. 72—90.

31. *Shane S., Venkataraman S.* The Promise of Entrepreneurship as a Field of Research // Academy of Management Review. 2000. Vol. 25. No. 1. P. 217—226.

32. *Tiwari P., Bhat A. K., Tikoria J., Saha K.* Exploring the factors responsible in predicting entrepreneurial intention among nascent entrepreneurs: A field research // South Asian Journal of Business Studies. 2020. Vol. 9. No. 1. P. 1—18.

33. *Volery Th., Doss N., Mazzarol T., Thein V.* Triggers And Barriers Affecting Entrepreneurial Intentionality: The Case Of Western Australian Nascent Entrepreneurs // Journal of Enterprising Culture (JEC), World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., 1997. Vol. 5. No. 3. P. 273—291.

34. *Wagner J.* What a Difference a Y makes-Female and Male Nascent Entrepreneurs in Germany // Small Business Economics. 2007. No. 28. P. 1—21.

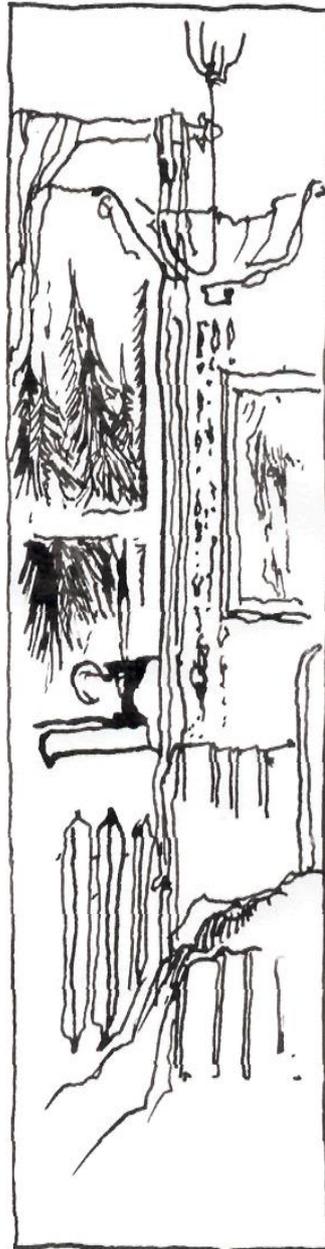
35. *Zanakis S., Renko M., Bullough A.* Nascent Entrepreneurs And The Transition To Entrepreneurship: Why Do People Start New

Businesses? // Journal of Developmental Entrepreneurship (JDE), World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd. 2012. Vol. 17. No. 1. P. 1—25.

References

1. *Barinova V.A., Zemtsov S.P., TSareva YU.V.* Predprinimatel'stvo i instituty: est' li svyaz' na regional'nom urovne v Rossii? // Voprosy ekonomiki. 2018. № 6. S. 92—116.
2. *Verkhovskaya O.R.* Faktory formirovaniya narozhdayushchego-sya predprinimatel'stva: osobennosti Rossii // Vestnik SPBGU. Ser. 8. Menedzhment. 2009. № 2. S. 32—52.
3. *Obraztsova O.I., CHepurenko A.YU.* Predprinimatel'skaya aktivnost' v Rossii i ee mezhregional'nye razlichiya // ZHurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii. 2020. T. 14. № 2. S. 199—211.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**



Юбилей К.А. Хубиева

Вот и *Кайсын Азретович Хубиев*, доктор экономических наук, профессор, достиг золотого для зрелого гуманитария творческого возраста — 75 лет, что как раз и позволяет Кайсыну Азретовичу реализовывать себя высококлассным профессионалом-политэкономом, стойко удерживающим свое обоснованное пристрастие к политэкономическому потоку и отважно сражающимся... нет, не только за политэкономия как науку, а и... за ее практическое применение, следственно, весьма критическое, согласно взглядам К.А. Хубиева, относительно разворачивающейся вокруг реальности!

Многая лета Вам, Кайсын Азретович — выдающему ученому, верному сыну экономического факультета МГУ, неутомимому стяжателю его — факультета — политэкономической юдоли, талантливому ученику незабвенного Николая Александровича Цаголова, одному из ведущих держателей и продолжателей цаголовской научной школы!

* * *

13 апреля 2023 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках международной научной конференции «Новая экономическая реальность: структурные и региональные аспекты» (Ломоносовские чтения — 2023) состоялся круглый стол, организованный лабораторией философии хозяйства, на тему: «Смыслология, цифрология и мифология от экономики», на котором выступили 12 докладчиков: доктора наук Ю.М. Осипов, М.Л. Альпидовская, И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), Ф.И. Гиренок, С.Г. Ковалев (СПб.), А.В. Кузнецов, И.Ю. Фомичев (Тюмень), К.А. Хубиев, О.Р. Чепьюк (Н. Новгород); кандидаты наук О.В. Доброчеев, В.В. Кашицын (Новороссийск); аспирант И.З. Гелисханов.брочеев, В.В. Кашицын (Новороссийск); аспирант И.З. Гелисханов.

Е.С. ЗОТОВА

**О смыслологии, цифрологии и мифология от экономики:
дискуссия на Ломоносовских чтениях — 2023***

Аннотация. Представлен обзор выступлений на состоявшемся в смешанном формате 13 апреля 2023 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках международной научной конференции «Новая экономическая реальность: структурные и региональные аспекты» (Ломоносовские чтения — 2023) круглого стола на тему: «Смыслология, цифрология и мифология от экономики».

Ключевые слова: экономика, экономическая теория, стоимость, хозяйство, цифровая экономика, смыслология, мифология, философия хозяйства.

Abstract. The article presents a review of reports at the roundtable discussion on the topic: «Logic of Meaning, Digital Science and Mythology from Economics» (in a mixed format) of the international scientific conference held on April 13, 2023 at Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University «New Economic Reality: Structural and Regional Aspects» (Lomonosov Readings — 2023).

Keywords: economics, economic theory, cost, economy, digital economy, logic of meaning, mythology, philosophy of economy.

УДК 330, 111
ББК 65в

13 апреля 2023 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в смешанном формате в рамках международной научной конференции «Новая экономическая реальность: структурные и региональные аспекты» (Ломоносовские чтения — 2023) со-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зотова Е.С. О смыслологии, цифрологии и мифология от экономики: дискуссия на Ломоносовских чтениях — 2023 // Философия хозяйства. 2023. № 4. С. 234—245. DOI: 10.5281/zenodo.8065770.

стоялся круглый стол на тему: «Смыслология, цифрология и мифология от экономики» (сокращенное изложение см. в [1]).

Организаторы семинара — лаборатория философии хозяйства и научный совет «Центр общественных наук МГУ» — так сформулировали проблему для обсуждения: «Согласно философии хозяйства экономика — особый способ реализации (организации) хозяйства (вообще жизнеотправления) через посредство идеально-трансцендентной, никогда не покидающей сферы сознания и когнитива (с сопутствующими им бессознанием и безумием) субстанции — стоимости, выраженной в идеальных оценочно-инвестиционных (условных, общепринятых) цифрах-числах-величинах, — как раз экономических — денежных, — той самой управляемо-своевольной субстанции, невидимо окутывающей и бесцеремонно подчиняющей себе хозяйственную реальность, ее экономически (денежно) оцифровывающей, исчисляющей, измеряющей, однако через первичный цифро-число-величинный хаос и его постоянное (пусть и дискретное) преодоление с достижением неустойчивых в делящемся времени, но устойчивых в текущем моменте локальных стоимостных упорядочений в виде хаосмоса, подверженного неперемому возвращению в хаос с возможным его новым преодолением.

Отсюда три способа постижения экономики: как смыслологии (с опорой на феномен воспроизводящейся через посредство реального хозяйства трансцендентной стоимости с возможным эффектом ее трансцендентного же расширения); как цифрологии (с анализом движения экономических, немало и трансцендентного свойства, цифр, чисел, величин, причем с уверенностью чуть ли не как их единственно верной фактической данности); как выскакивающей из трансцендентного “черного ящика” экономики мифологии — что пригодной, что ложной, что лукавой, причем самого разного разряда — управленческого, экспертного, научного, воззренческого, обыденного, фантомного, никакого.

И чего же здесь бывает больше: понимания, знания, веры, а может, и попросту невозмутимой “магики”, как и непонимания, незнания, наивного заблуждения, а то и вполне себе торжествующего шарлатанства?».

Свое вступительное слово д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов** (экономический факультет МГУ) начал, как он выразился, с кон-

ца — с мифологии, разделяя ее на онтологическую и гносеологическую.

«Онтологически экономика есть часть хозяйства, опосредованная действием идеальной, не покидающей голов человеческих субстанцией — *стоимостью* с ее идеальными деньгами, ценами, капиталами, инвестициями, кредитами, доходами и т. д. Уже отсюда экономика как бы есть и ее как бы нет (ни увидеть ее, ни пощупать ее, ни взвесить, ибо она не более чем воплощенная человеческая мысль, однако обладающая трансцендентной способностью к самоорганизации — вроде ноосферы), что дает нам повод утверждать, что экономика всегда сама-себе-экономика, однако что не дает нам возможности утверждать, что экономика не подлежит управлению со стороны ее акторов — подлежит, да еще как!

Экономика — идеальный мир *организации самоорганизации*, на что я обращаю внимание аудитории — *идеальной организации столь же идеальной самоорганизации* (тут можно “крутануть” и в обратную сторону — *самоорганизации организации*, что усложнит, но не испортит дела, как масло не испортит каши)».

«Что касается гносеологической мифологии, — сказал профессор Осипов, — то она всюду налицо, разумеется, как прежде всего обобщающая, абстрактная, теоретическая экономия. Смее утверждать, что вся экономическая теория — от политэкономии до экономикса с эконометрикой — не просто сплошная, но и сплошь дурная мифология, не имеющая к реальности никакого отношения! Утверждение сильное, но в его появлении я не виноват — освобождение от этой мифологии заняло у меня не один десяток лет: иллюзии, иллюзии, иллюзии!

Теперь вот очередной миф — о “цифровой экономике”. Это о какой же такой экономике, ежели она всегда и всюду не какая-нибудь, а... *цифровая* (деньги, оценки и т. д. — что это, разве не всего лишь цифры, причем идеальные, немало и мнимые, обманчивые и обманные, иллюзорные, мифические)? Использование цифроразумных платформ есть всего лишь использование новых технологий, не более того, правда, с их тотальным проникновением в экономическую сферу возникает вероятность превращения социальной пока еще стоимости вкупе с социально-мозговой пока еще цифрой в технотронную стоимость с уже технотронной цифрой, что и создает

возможность перехода экономики, как мне довелось утверждать еще четверть века назад, в *постэкономику*, а точнее — в *техномику*.

Наконец, смыслология. В чем смысл экономики? Только ли в цифровом счете-расчете, обеспечивающем товарный оборот, или в том же капитале, толкающем хозяйственную жизнь вперед, а не кое в чем другом, куда как более важном? Очень непростой вопрос, над которым ни политэкономия, ни тем более экономикс с эконометрикой даже не задумывались и не задумываются. Самый главный, в чем-то и сокрытый, вполне трансцендентный, еще и трансгрессивный смысл экономики состоит, на мой взгляд, в обеспечении движения человеческого хозяйства *от природы к неприроде* и, уж не обессудьте, *от человека к постчеловеку*! А почему же *это* не смысл лишь научно-технического прогресса, а главный смысл еще и экономики? Да все потому, что только подчинившись стоимости, деньгам, капиталу, то бишь *абстрактной цифрогенной субстанции*, человек мог и смог исполнить с помощью научно-технического прогресса не просто целостное превращение природы в неприроду, а и самого себя в технотронного постчеловека, обеспечивая тем самым трансгрессивный вырыв себя из тенет зёмно-природного мира, причем, заметим, посредством жертвы не одной лишь природы, а и самого себя тоже».

В докладе «Экономический миф как форма трансформационного общественного сознания» д.э.н., профессор **С.Г. Ковалев** (Санкт-Петербургский государственный экономический университет) заметил, что единство триады «смыслология, цифрология, мифология» очевидно, а присутствие в общественном сознании многих мифов было во все исторические эпохи. Мифы — это не только вымысел, измышление, оторванное от фактов, искаженное научное и ненаучное восприятие действительности, но и выдача желаемого за действительное. Насаждение мифов — одна из форм идеологического противостояния, информационной войны. Смысл идеологических, экономических мифов — завуалирование действительности в интересах определенных социальных страт. Мифология бывает не только сознательной, но и естественной, вытекает из природы человеческого сознания, познания, его двойственности. Специфика социального, гуманитарного познания следующая: объект — человеческая жизнедеятельность и ее общественная материализация, а

субъект — члены общества. Соответственно объект и субъект — две стороны диалектического единства — социальные акторы в разных ипостасях, а это позволяет подбирать и истолковывать объективные факты в зависимости от мировоззрения познающего лица, его заблуждений, личных устремлений, целей и интересов социальных групп. Влияние мифов на общество может быть как позитивным, так и негативным.

Смысл трансформационного мифа: переход от одной системы — социализма — к другой — капитализму — осуществим за короткое время, прост по исполнению, не несет больших социальных издержек. Главное — создать частного собственника. Миф широко распространялся в 1980—1990-е гг. А грани мифа — следующая триада:

1. Возможно одновременно осуществить четыре цели: а) переход к рыночной экономике на основе приватизации; б) переход к открытой экономике, ее интеграция в мировое хозяйство; в) переход к гражданскому, демократическому обществу; г) демилитаризация экономики. Логическое воплощение данный подход получил в деятельности правительства Е.Т. Гайдара, которое встало на путь радикальных рыночных реформ, включающий в себя пакет мер по стабилизации, либерализации, приватизации, рыночной институционализации экономики, получивший название «шоковой терапии».

2. Внешняя среда благоприятна — Запад нам поможет и ждет нового сильного конкурента в мировом экономическом пространстве. Расчет на западные масштабные инвестиции, обещанные Б.Н. Ельцину в случае радикальных рыночных реформ.

3. Игнорирование сложившейся структуры советского общественного воспроизводства (изначально нерыночной по своей сути конструкции) и, соответственно, упрощение проблемы транзитологии и трансформации. Структура — это скелет, основа общества и экономики. В чем была «нерыночность»? Выделим шесть аспектов: экономический, социально-политический, национально-культурно-ментальный, институциональный, геополитический и геоэкономический. Сам по себе процесс модернизации структуры был объективен и необходим, а направления и методы зависели от субъективной воли организатора трансформации. Резкий слом структуры в дальнейшем привел страну к траектории разрушающего развития.

Если первоначальные установки оказались мифологическими, острота проблем огромна и они сложно решаемы в условиях сформировавшейся модели экономики, а объективно необходимо быстрое созидательное развитие для всего общества, заметил профессор Ковалев, то неизбежна корректировка модели. Инерционное ее сохранение поставит страну на грань выживания. В позитивном плане теоретически возможны два концептуальных варианта и их модификации: 1) либо путь капиталистической смешанной экономики в направлении ее большей солидаризации, деколонизации; 2) либо путь отката в новый социализм, ориентированный не на его экспорт в другие страны, а на благосостояние собственного населения.

При последовательной реализации каждого из них результат по качеству жизни населения будет сопоставим, но первый путь больше сохраняет сложившуюся социальную структуру и предпринимательскую мотивацию, а значит менее конфликтен, второй — больше обеспечивает социальную справедливость, более адекватен ментальности населения, позволяет шире использовать государственные возможности в развитии приоритетных отраслей. Но для обоих вариантов необходимы субъект и массовая поддержка. Однако у них есть общность — сложности реализации, сопротивление и внутри страны, и особенно со стороны объединенного Запада, подчеркнул С.Г. Ковалев.

В своем выступлении к.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (Новороссийская морская академия имени адмирала Ф.Ф. Ушакова) обозначил все три состояния в восприятии и оценке экономики как тесно взаимосвязанные и крайне необходимые и вместе, и каждое само по себе. Мифология формализует две экстремальные точки в восприятии экономики: крайне высокую, возвышенную (идеал) и крайне низкую (провал, кризис, катастрофа и иррациональность) — тем самым фиксируя, куда надо стремиться и куда нельзя попадать. Цифрология показывает, как, насколько и когда в динамической статике изменится экономический процесс. Статика дает моментальную картину, динамика — картину в движении, т. е. здесь отражается количественная сторона. Смыслология же несет в себе ответственность за качественное гуманитарное состояние экономического процесса, отвечая на вопросы: откуда, куда и почему изменяется процесс, каковы его квинтэссенция, образ, причинно-

следственная подоплека и сравнительная вариативность. Ведь экономический процесс — прежде всего социально-экономический, гуманитарный, т. е. здесь доминирует качественный гуманитарный анализ.

Все эти три состояния взаимосвязаны при безусловном первенстве и доминировании смыслологии. За это, собственно, и отвечает политическая экономия, в рамках которой по мере усложнения развития экономики кристаллизуются конкретные, прикладные экономические науки и знания.

Проблемы начинаются тогда, когда данная методология по многим причинам разрушается и игнорируется, что и приводит к иррациональным, гротескным проявлениям и к кризисам-катастрофам. Поэтому гарантия методологии здесь безальтернативна, подчеркнул профессор Кашицын.

В своей реплике д.соц.н., профессор **И.Ю. Фомичев** (Тюменский индустриальный университет) обратил особое внимание на важную роль смыслологии, естественно возникающей в одном ряду с цифрологией и мифологией от экономики. В условиях стремительного возрастания числа авторов новых «концептуальностей» и способов публикации контента почти все требует соответствующего растолковывания, приведения к сущности. Реальность обычно наделяется дополнительными смыслами, и вещи исчезают в своей первозданности, обрастая теми или иными подробностями. Так, например, ментально-субъективная, идеальная сущность экономики становится неуловимой в экономической декорации производства, распределения и пр.

«Экономика человека в его голове» — говорит Ю.М. Осипов. И это так — согласился с ним д.ф.н., профессор **Ф.И. Гиренок** (философский факультет МГУ). Экономика — это сознание, расширяющее реальность посредством мнимостей. Сознание для экономики предстает сегодня в виде неисчерпаемого ресурса. Сколько было нас во времена палеолита? 100 тысяч особей вида «хомо сапиенс». А сколько людей сегодня? Почти 10 миллиардов. Могло быть сознание ресурсом в палеолите? Нет, конечно. Но что сегодня стало понятно? То, что когда сознание становится привилегией всех, оно исчезает. Исчезает и ресурс для развития спекулятивной экономики. Что остается для экономики? Техническое отношение к человеку,

превращающее его в биомассу. Что нас может сегодня спасти от катастрофы? По мнению профессора Гиренка — возвращение к общине.

Архетипы — это универсальные символы, которые представляют собой модели поведения и мышления, отметила в своем докладе «Хаос экономического бессознательного в ”черном зеркале“ нейросетей» д.ф.н., профессор **О.Р. Чепьюк** (Университет Лобачевского, г. Нижний Новгород). Будучи проекцией коллективного бессознательного (К. Юнг), архетипы могут быть полезны для экспликации мотивации и причин экономического поведения, в том числе мифов, творящих экономическое пространство. Исторически в политических цивилизационных программах преобладает рациональное начало, которое всегда подавляло иррациональное, темное и неизвестное. Однако оно никуда не растворялось, так сказать, накапливалось в языке, жило и развивалось в этом «доме бытия» (М. Хайдеггер). Современные технологии искусственного интеллекта (например, получивший популярность ChatGPT-4) позволяют увидеть творчество *Языка* с помощью алгоритмов и цифровых технологий. Увиденное, т. е. осознанное, вызвало серьезный общественный резонанс, который вылился как в алармические, так и в восторженные отзывы о будущем человечества, рынке труда, конкуренции на товарных рынках.

«Однако опасения вызывает не само появление технологий, а персонификация этого феномена, его очеловечивание, вплоть до обожествления. Восприятие информации, порожденной нейросетями, отличается слабой критикой и осознанностью, вкупе с доверием современным технологиям, за которыми, на самом деле, стоят конкретные действия инженеров. Важно отметить, что мифы, порождаемые искусственными языковыми моделями, подобно ChatGPT-4, скорее подходят на галлюцинации, так как являются не продуктом мифотворчества бессознательного человеческого, но страшного сна алгоритмов и цифровой экспликации мира». Думаю, заметила О.Р. Чепьюк, что сам ChatGPT-4 и его ответы могут стать объектом исследований специалистов в области изучения относительного и абсолютного мифа (А.Ф. Лосев).

На человека, сказал д.э.н., профессор **И.Р. Бугаян** (Южно-Российский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ,

г. Ростов-на-Дону), в отличие от всех прочих воздействует система не только вечных законов природы, но и постоянно изменяющихся социальных законов. Воздействие последних многократно возрастает при смене доминирующего фактора производства — капитала на современное предпринимательство. Это особенно болезненно: рукотворное сменяется метафизическим. Уходят владельцы заводов-пароходов, приходят собственники ИТ-технологий! Кто был никем — становится всем! Это более глубокие преобразования, чем смена владельца «вишневого сада». Появились новые смыслы, которые без неодушевленных посредников недоступны. Теперь взаимодействия преимущественно цифровые, синергетические во всех направлениях. При этом они неизбежно мифологонасыщены, отметил профессор Бугаян.

Как известно, глаза в глаза лица не увидеть, большое видится на расстоянии, заявил к.т.н. **О.В. Доброчеев** (НИЦ «Курчатовский институт»). А барон Мюнхгаузен, что бы он ни говорил, не мог поднять себя за волосы. Поэтому и экономисты, как, впрочем, и любые специалисты, не могут ни увидеть целиком свою отрасль знания, ни поднять ее на следующий уровень полноты понимания. Опыт становления физики, у истоков которой стоял Ньютон, показывает, что качественно новое знание появляется, говоря современным языком, только в междисциплинарных изысканиях. Ньютон, например, был и естествоиспытателем, и директором монетного двора Англии, и историком, и теологом.

Поэтому новая — способная к преобразованию общественной жизни — экономика может появиться только в синтезе философии хозяйства с естествознанием, наиболее полно развитой частью которой является физика жизни, или инструментальная метафизика, заключил О.В. Доброчеев.

В докладе «Цифровые технологии в денежном приложении» д.э.н., профессор **К.А. Хубиев** (экономический факультет МГУ) отметил, что широкое практическое распространение цифровых технологий коснулось и денег — одного из самых великих изобретений человечества. Экономическая теория, как водится, отстает от практики и на этот раз. Обсуждаются изменение функций денег (в широком смысле), цифровая валюта, ее роль в денежном обращении

и т. п., однако возникает потребность осмысления цифровизации денег в более общем контексте.

По мнению докладчика, цифровизация денег представляет собой определенный этап на пути их движения к своей всеобщности. Появление и развитие денег от товарной формы через бумажную, электронную, а теперь цифровую — этап в развертывании их внутренней всеобщей сущности. В деньгах — единичном — воплощена всеобщая форма общественного богатства. И это единичное неумолимо и противоречиво движется к своей всеобщей сущности, иногда преодолевая преграды, например, в форме фиатных денег.

Но богатство исторически сопряжено с властью. А всеобщая форма богатства — средство и инструмент расширения власти. В чьи руки попадет эта власть — вопрос, имеющий социальное значение. Стихийное распределение этой власти должно быть ограничено общественным контролем. В противном случае выражения типа «тотальный цифровой контроль» могут из фигуры речи превратиться в реальность, сделал вывод профессор Хубиев.

В своем выступлении д.э.н., профессор **А.В. Кузнецов** (Финансовый университет при Правительстве РФ) обратил внимание на непреходящую ценность языка в формировании мировоззренческих основ современного глобального социума. Запад создал материальный бытовой базис мировой экономики, но обществу для полноценного всестороннего развития не достает, как воздуха, духовной наполняющей. Английский язык сцементировал аналитическое (двоичное) представление о мире, оперирующее знаками (цифрами). Замена английского языка китайским как языком новой мировой сверхдержавы не представляется возможным. Во-первых, китайский язык, являясь языком символов, не вполне пригоден для математического и аналитического описания материального мира. Во-вторых, он слишком труден для массового освоения. Русский язык способен объединить абстрактно-понятийный (западный) тип мышления с конкретно-символическим (восточным) в образное (троичное) мышление. Поэтому только посредством русского языка возможно восполнить миру недостающую гармонию — синтез материального и духовного, наполнив человеческую жизнь непреходящими смыслами. В свое время богатейшие мысли из немецкой и фран-

цузской философии так и не смогли достичь массового сознания в силу тяжеловесности языковых конструкций. Для формирования гармонично развивающегося глобального общества — без переко-сов в сторону материального (рыночный фундаментализм) или ду-ховного (религиозный фанатизм) — русскому языку следует со-здать свою упрощенную версию и сделать ее доступной и привлека-тельной для массового овладения во всех частях мира, заключил выступающий.

«Состоявшийся обмен мнениями, — сказал в заключительном слове **Ю.М. Осипов**, — принес много интересного и ценного отно-сительно понимания современной экономики и оценки ее кризисно-переходного состояния, правда, по преимуществу в соответствии с традиционным, вполне и инерционным, трактованием экономики как... а чего, собственно?, да вот заметим, что... *ничего*, в лучшем случае *чего-то там*, ибо, опять же особо заметим, никакой види-мой, осязаемой, весомой экономики на самом деле нет и быть не может, ибо экономика, коли уж о ней заходит речь, не более чем *идеальный призрак*, а вовсе не какая-то материальная вещь, которую и увидеть можно, и пощупать, и взвесить, о чем я, собственно, уже говорил во вступительном слове.

Дискуссия показала, что мое беспредметное, беспродуктивное, беспроизводственное, беспотребительское понимание экономики никак не принимается хорошо образованными учеными-экономистами, привыкшими рассуждать об экономике (не осозна-вая того) как, с одной стороны, о реальном онтологическом мифе (мифе от самой реальности, ибо где она в реальности — экономи-ка?), а с другой, как о нереальном гносеологическом мифе, никак миф-экономику не схватывающем и не определяющем.

Позволю себе раскрыть один секрет: экономику не видят и не знают не то что кабинетные теоретики экономики, что понятно, но и ее реальные акторы тоже, которые хоть всю и действуют *эко-номически*, совершая всякие благие и неблагие деяния, но действу-ют они при этом, оперируя не с чем-нибудь, а с онтологическим *призраком*, и оперируя вполне себе гносеологически *иллюзорно*! Вот такая тут замысловатая выходит загогулина!

Сейчас идет переворот: от хомо-социального экономического призрака к призраку технотронному, что и означает переход от соб-

ственно экономики с ее хомо-социальной стоимостью к постэкономике с ее нестоимостным технотронным счетом-расчетом. Что из этого в реалиях выйдет, мы пока достоверно не знаем, но уж коли выйдет, то непременно что-то воистину тоталитарно диктаторное.

Есть над чем думать все еще равнодушным свидетелям гуманитарно-антигуманитарной экономотехнотронной стихии!»

Литература

1. *Зотова Е.С.* Смыслология, цифрология и мифология от экономики (Ломоносовские чтения — 2023) // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2023. Т. 16. Вып. 3.

References

1. *Zotova E.S.* Smyslologiya, cifrologiya i mifologiya ot ekonomiki (Lomonosovskie chteniya — 2023) // Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyj zhurnal. 2023. T. 16. Vyp. 3.

* * *

9 июня 2023 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках VII Международного политэкономического конгресса состоялось заседание секции лаборатории философии хозяйства на тему: «Политическая экономия и актуальная экономическая реальность сегодня», на которой выступили 16 докладчиков: доктора наук Ю.М. Осипов, У.Ж. Алиев (Астана, Казахстан), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), Т.Д. Коломиец, А.В. Кузнецов, В.М. Кульков, П.А. Покрытан, Н.А. Шапиро (СПб.), И.Г. Шевченко; кандидаты наук В.Е. Гаврилова, Е.С. Зотова, Н.П. Недзвецкая, С.В. Кайманаков, В.В. Кашицын (Новороссийск), Г.В. Фадейчева; научный сотрудник Т.С. Сухина.

* * *

22 июня 2023 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась авторская конференция-презентация, посвященная 35-летию лаборатории философии хозяйства, на тему: «Философия хозяйства в актуальном слове», на которой выступили 13 докладчиков: доктора наук Ю.М. Осипов, У.Ж. Алиев (Астана, Казахстан), С.В. Бирюков (Новосибирск), С.Г. Ковалев (СПб.), А.В. Кузнецов, И.В. Пшеницын, А.И. Субетто (СПб.), К.А. Хубиев, В.В. Чекмарев (Кострома), И.Г. Шевченко, Н.Б. Шулевский; кандидаты наук С.А. Марков, И.П. Смирнов.

Анонсы — 2023

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2023

Всероссийский научный симпозиум

«Поступь Иного — хождение по мукам от неотступных бытийных перемен»

Иное (с большой буквы) — физически не осязаемая метафизическая, магнетического свойства сила, вызывающая в текущей земно-человеческой экзистенции тягу к переменам, либо человеком заблаговременно проективно осознаваемым и деловито вовремя реализуемым, пусть и без стопроцентного попадания в цель в силу исходно высокой неопределенности вызревающих в глубинах бытия перемен, либо перемены сами сходу наступают человека, аки гром среди ясного неба, вызывая в сознании и бытии человека если не панику, то небезотчаянное фуркационное напряжение с неоднозначным на громыхнувшие перемены реакциями и от них последствиями, нередко и роковыми.

Время внезапных перемен — время хождения по экзистенциальным мукам!

Что же сегодня, куда летит подгоняемая неукротимым Иным, над которым у человека власти нет, земно-человеческая, а может, уже и немало иная, то бишь не совсем зёмная и не совсем человеческая, сполошно и вихрево переменная реальность?

Сентябрь 2023 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**«Россия в борьбе за Россию: государственность
и социум, хозяйство и культура, война и мир»**

Нынешняя Россия, она же в реалии Российская Федерация, в борьбе, причем вовсе не только и не столько в той войнковой войне, разыгравшейся на Украине, сколько, во-первых, в давно уже ведущейся с переменными успехами и неудачами нескончаемой экзистенциальной войне Запада с Россией (Российской империей, СССР, Российской Федерацией), во-вторых, в точно так же издавна ведущейся и тоже в общем-то экзистенциальной войне, но уже с внутренним противником, не менее, если не более антироссийским, чем внешний противник, а в общем — Россия в постоянной борьбе с анти-Россией, как внешней, так и внутренней, что как раз и оказалось сегодня нескрываемо очевидным. Важно принять во внимание, что пореформенная — глобализованная и вестернизированная — Российская Федерация лишь частью своей — глубинной, корневой, давненько уже отринутой в навь — собственно Россия, а так... э-э... некий вычурный, нелепый и неперспективный гибрид псевдо-Запада с псевдо-Россией, обремененный, как всякий оксюморон, сонмом непримиримых противоречий, лишь ждущих, набираясь сил, момента своего разрешения, может, и грозowego, как раз через борьбу и в борьбе России за Россию.

Отсюда эпохальное заключение: чтобы отстоять себя в этой судьбоносной борьбе и в итоге победить, внешней России в образе Российской Федерации необходимо для начала... победить саму себя (!), радикально изменившись в сторону самой же себя и представ в итоге иной Россией, воистину самой себе онтологически и на перспективу соответствующей — Россией соборной!

Сбудется ли это или что-то подобное — время покажет, а любой идеал вовсе не для того, чтобы его, сломя голову, любой ценой добиваться, хотя стремиться к нему с холодным умом и горячим сердцем все-таки непременно надо, однако памятуя при этом, что бытие-история способно выдать на гора и что-то совершенно бесподобное, что, кстати, оно по обыкновению и делает.

Россия вперед, но вперед к России!

**Декабрь 2023 г.
(Экономический факультет МГУ)**

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

ТУТОВ ЛЕОНИД АНРОЛЬДОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*l.tutov@yandex.ru*).

ИЗМАЙЛОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

ассистент, кафедра философии и методологии экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*izmaylov571@gmail.com*).

СТОЖКО ДМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ,

кандидат философских наук, доцент, кафедра креативного управления и гуманитарных наук, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия (*d.k.stozhko@mail.ru*).

СТОЖКО КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор, кафедра философии, главный научный сотрудник Института аграрно-экологических проблем и управления сельским хозяйством, Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург, Россия (*kostskp@mail.ru*).

КОВАЛЕВ СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия (*nkovaleva379@gmail.com*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор философских наук, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

ЧАБАНОВ ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНОВИЧ,

доктор технических наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия (*vtchabanov@mail.ru*).

РЫБКОВСКАЯ ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент, факультет управления, Институт экономики, управления и права, Российский государственный гуманитарный университет; доцент, факультет инженерного менеджмента, Институт отраслевого менеджмента, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия (*olga-rybkowskaja@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*shylevsk@mail.ru*).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*girenok@list.ru*).

ДМИТРИЕВА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА,

кандидат философских наук, доцент, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия (*anonsens@mail.ru*).

ЗАЗДРАВНЫХ АЛЕКСЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*apkreforma@mail.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*eszotova@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

TUTOV LEONID ARNOLDOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and Methodology of Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*l.tutov@yandex.ru*).

IZMAYLOV ALEXANDER ALEXANDROVICH,

Assistant, Department of Philosophy and Methodology of Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*izmaylov571@gmail.com*).

STOZHKO DMITRI KONSTANTINOVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Creative Management and Humanities, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia (*d.k.stozhko@mail.ru*).

STOZHKO KONSTANTIN PETROVICH,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Philosophy, Chief Researcher of the Institute of Agrarian and Environmental Problems and Agricultural Management, Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, Russia (*kostskp@mail.ru*).

KOVALEV SERGEY GEORGIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia (*nkovaleva379@gmail.com*).

MOLCHANOV KONSTANTIN VLADIMIROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Economics, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

CHABANOV VLADIMIR EMELYANIVICH,

Doctor of Technical Sciences, Professor, Saint Petersburg, Russia (*vtchabanov@mail.ru*).

RYBKOVSKAYA OLGA NIKOLAEVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Russian State University for the Humanities; Associate Professor, The Russian Presidential Academy of

National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (*olga-rybkovskaja@mail.ru*).

SHULEVSKI NIKOLAY BORISOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*shylevsk@mail.ru*).

GIRENOK FYODOR IVANOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*girenok@list.ru*).

DMITRIEVA IRINA ANATOLYEVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia (*anonsens@mail.ru*).

ZAHDRAVNYKH ALEXEY VITAL'EVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*apkreforma@mail.ru*).

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 35000 знаков (с пробелами), включая метаданные и библиографию.

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) на русском и английском языках должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы), без сокращений; адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком *References* должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Таблицы выполняются табличными ячейками Word.

Рисунки и схемы сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность редактирования, перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Подписи не должны быть частью рисунков или таблиц. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** не должен превышать 11 см по ширине и 14 см по высоте. **Цвет рисунков — черно-белый.** Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word. Количество графического материала должно быть не более 5 рисунков.

Количество таблиц и рисунков в статье должно быть не более 8 в совокупности.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.